

Ирвин Шоу

Irvin Shaw

МОЛОДЫЕ ЛЬВЫ

Библиотека классики (АСТ)

Ирвин Шоу
Молодые львы

«Издательство АСТ»

1948

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шоу И.

Молодые львы / И. Шоу — «Издательство АСТ»,
1948 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-148746-1

Роман Шоу «Молодые львы» обрел славу едва ли не в момент написания – и продолжает пользоваться заслуженной популярностью в наши дни. «Washington Post» назвал его четвертым в списке лучших американских романов о Второй мировой войне, а британская «Guardian» включила в число «1000 книг, которые должен прочесть каждый». Трое солдат. Трое мальчишек, брошенных историей по разные стороны окопов большой и страшной войны. Наивный немец Кристиан Дистль, поверивший в сказки Гитлера о «великой судьбе Германии». Издерганный американский еврей Ной Аккерман, вечно терзаемый собственными внутренними демонами. И блестящий богемный интеллектуал-калифорниец Майкл Уайтэкр. Трое мальчишек. Три судьбы. И одна на всех огромная война, которая однажды сведет их воедино...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-148746-1

© Шоу И., 1948

© Издательство АСТ, 1948

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	66
Глава 6	78
Глава 7	97
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ирвин Шоу

Молодые львы

Моей жене

«Вот Я – на тебя, говорит Господь Саваоф, и сожгу в дыму колесницы твои, и меч пожрет львенков твоих, и истреблю с земли добычу твою, и не будет более слышен голос посланцев твоих».

Книга пророка Наума: 2, 13

Irwin Shaw
THE YOUNG LIONS

© Irwin Shaw, 1948

© Перевод. В. Вебер, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

В предвечернем свете засыпанный снегом городок с веселыми фонариками вдоль железной дороги, проложенной у подножия укрытых белым зимним одеялом холмов Тироля, сиял, как рождественская витрина. Люди, и местные, и приехавшие покататься на лыжах, все в яркой, нарядной одежде, широко улыбались друг другу, встречаясь на заснеженных улицах; на дверях и окнах бело-коричневых домов висели венки из хвои, потому что завтра начинался новый, сулящий столько надежд 1938 год.

Поднимаясь по склону холма, Маргарет Фриментл прислушивалась к хрусту снега под лыжными ботинками. Она улыбалась и прозрачному предвечернему свету, и голосам поющих детей, доносившимся откуда-то снизу. Сегодня утром Вена провожала Маргарет дождем, и мимо нее спешили мрачные, понурые люди, ведь дождь в большом городе всем портит настроение. Поэтому горы, синее безоблачное небо, белый снег и царящее в городке веселье она восприняла как подарок. Почему нет? Она молода, красива, у нее каникулы. Вот ей его и преподнесли.

Ноги Маргарет приятно гудели от усталости. При каждом шаге она взбивала маленькие фонтанчики снега. Две рюмки вишневого ликера, выпитые после того, как Маргарет провела вторую половину дня на лыжном склоне, согрели горло, и она чувствовала, как под толстым свитером тепло волнами разливается по плечам и рукам.

– *Dort oben am Berge*, – пели дети, – *da wettet der Wind*...¹ – Их голоса далеко разносились в разреженном воздухе.

– *Da sitzt Maria*, – подпела им Маргарет, – *und weiget ihr Kind*².

Ее лающий немецкий, конечно же, оставлял желать лучшего. Однако Маргарет радовала не столько мелодичность песни, сколько то, что она могла пропеть ее по-немецки.

Девушка она была высокая, стройная, с тонкими чертами лица, большими зелеными глазами и россыпью, как говорил Иосиф, «американских» веснушек на переносице. Иосиф приезжал завтра, первым утренним поездом, и, подумав о нем, Маргарет вновь заулыбалась.

Перед дверью отеля она остановилась, еще раз оглядела живописный городок, величественные горы, поблескивающие огоньки. Полной грудью вдохнула чистейший воздух. Открыла дверь и переступила порог.

Обеденный зал маленького отеля встретил ее яркими лампами, венками из сосновых ветвей и остролиста, густым, дразнящим запахом выпечки. Стены, забранные дубовыми панелями, массивная мебель, кожаные кресла и чистота, удивительная, абсолютная чистота, присущая многим, если не всем, отелям альпийских городков, столь осязаемая, что она становится таким же реальным предметом обстановки, как стул или стол.

Фрау Лангерман шла навстречу Маргарет с огромной хрустальной чашей для пунша. Ее широкое раскрасневшееся лицо, мгновением раньше такое сосредоточенное, расплылось в улыбке, как только она увидела Маргарет. Фрау Лангерман остановилась и поставила чашу на ближайший столик.

– Добрый вечер, – проворковала она. – Как покатались?

– Отлично, – ответила Маргарет.

– Надеюсь, вы не очень устали. – Фрау Лангерман чуть прищурилась. – Сегодня у нас будет маленькая вечеринка. С танцами. Много молодых людей. На такую вечеринку негоже приходить усталой.

Маргарет рассмеялась:

---

¹ Там, на горе, открытой ветрам... (нем.) – Здесь и далее примеч. пер.

² Дева Мария о сыне скорбит (нем.).

– На танцы у меня сил хватит. Если меня научат вашим танцам.

– О! – Фрау Лангерман даже всплеснула руками. – Беспокоиться не о чем. Молодые люди знают все танцы. И будут вам очень рады. – Она оценивающе оглядела Маргарет. – Правда, вы очень уж худенькая, но такие фигурки как раз входят в моду. Американские фильмы, вы понимаете. Скоро популярностью будут пользоваться только больные туберкулезом. – На ее покрасневшем лице, добродушном и гостеприимном, как огонь в камине, расцвела улыбка. Фрау Лангерман вновь подняла чашу и направилась к кухне. – Остерегайтесь моего сына Фредерика. Святой Боже, как же он любит девушек! – Она хохотнула и скрылась за дверью кухни.

Маргарет с наслаждением вдохнула аромат пряностей и растопленного масла, идущий из кухни. По лестнице она поднималась, что-то напевая себе под нос.

Поначалу особого веселья на вечеринке не чувствовалось. Люди постарше жались по углам, молодежь собиралась в группы, все отдавали должное щедро сдобренному пряностями крепкому пуншу. Девушки, в основном крупные, ширококостные, с сильными руками, нарядившись по-праздничному, явно чувствовали себя не в своей тарелке. Аккордеонист попытался расшевелить народ, сыграл две мелодии, но танцевать под них никто не стал, и он сдался, устроившись рядом с чашей пунша, дав возможность собравшимся развлекаться под граммофон с американскими пластинками.

Большинство гостей составляли местные жители, фермеры, лавочники, родственники Лангерманов. Все загоревшие (а горное солнце давало очень красивый, отливающий бронзой загар), пышущие здоровьем. Казалось, они овладели секретом бессмертия, и ни один микроб не мог существовать в крепкой, прокаленной солнцем плоти горцев, никакая болезнь не могла проникнуть под их кожу. Приезжие, занимавшие несколько номеров гостиницы Лангерманов, из вежливости выпили по одной кружке пунша и отправились на более веселые вечеринки в крупных отелях. Наконец, кроме Маргарет, в обеденном зале остались только местные. Маргарет пила мало, твердо решив, что ляжет спать пораньше и хорошенько выспится. Поезд Иосифа прибывал в половине девятого, и она хотела встретить его свежей и отдохнувшей.

Но со временем вечеринка начала набирать обороты. Маргарет танцевала как вальсы, так и американские фокстроты практически со всеми молодыми парнями. Около одиннадцати, когда хрустальную чашу в третий раз наполнили пуншем, в зале было уже жарко и шумно, а лица гостей блестели не столько от загара, сколько от пота, она взялась учить Фредерика танцевать румбу. Остальные сгруппировались вокруг, смотрели и аплодировали, а когда танец закончился, старый Лангерман настоял на том, чтобы Маргарет станцевала этот танец с ним. Круглый, приземистый старичок с обширной розовой лысиной весь взмок, пока Маргарет на своем ломаном немецком под взрывы смеха окружающих пыталась объяснить ему особенности карибского танца.

– Господи, – покачал головой старый Лангерман, когда музыка смолкла, – вся жизнь прожита зря.

Маргарет рассмеялась и поцеловала его. Гости, окружившие их плотным кольцом, одобритительно захлопали, а Фредерик, широко улыбаясь, вошел в круг и протянул к ней руки.

– Поучите меня еще раз.

Пластинку поставили снова, но, прежде чем зазвучала музыка, Маргарет уговорила выпить еще одну кружку пунша. Фредерик путал шаги, но зато его руки держали Маргарет крепко и уверенно.

Танец закончился, и аккордеонист, зарядившись дюжиной кружек пунша, напомнил о своем существовании. Он не только играл, но и пел, и вскоре один за другим к нему присоединились все гости, встав плотным кружком. В отблесках полыхающего в большом камине огня их голоса и звуки аккордеона поднимались к высокому потолку. Пела и Маргарет, стоявшая рядом с Фредериком, который обнимал ее за талию. С покрасневшим лицом, она пела

тихим голосом, для себя, думая о том, какие это добрые, милые люди, какие дружелюбные, совсем как дети, как тепло принимают они приезжих, которых знать не знают, как славно эти люди поют, встречая Новый год, какими нежными под влиянием музыки становятся их грубые голоса.

– *Roslein, Roslein, Roslein rot, Roslein auf der Heide*³, – пели они, и громкий голос старика Лангермана поднимался над общим хором. Маргарет пела вместе с ними. А когда она оглядела поющие лица, то увидела, что во всем зале только один человек не раскрывает рта.

Этот человек – Кристиан Дистль, лыжный инструктор. Высокий, сухощавый, с очень серьезным лицом, короткой стрижкой, загорелой до черноты кожей и светлыми, отливающими золотом глазами; их радужки усеивали желтые точки, какие часто видишь в глазах животных. Маргарет высмотрела его на склонах, где Кристиан учил кататься новичков, и восхищенно провожала взглядом, когда он красивыми, широкими дугами несся вниз. Теперь же он стоял чуть позади поющих, белая рубашка с отложным воротничком еще больше подчеркивала великолепный загар. Дистль держал в руке почти полную кружку и задумчиво наблюдал за певцами.

Маргарет поймала его взгляд. Улыбнулась.

– Пой, – шевельнулись ее губы.

Он улыбнулся в ответ, поднял кружку и вроде бы послушно запел, хотя в звучащем хоре Маргарет не удалось выделить его голоса.

С приближением Нового года вечеринка благодаря крепкому пуншу утратила свою чопорность. В темных углах уже целовались и обжимались парочки, голоса становились все громче. Маргарет все меньше понимала слова песен из-за сленга и двусмысленных выражений, от которых женщины постарше хихикали в кулачок, а мужчины радостно гоготали.

А когда до полуночи оставалось совсем ничего, старик Лангерман взобрался на стул и дал знак аккордеонисту, требуя тишины.

– Как ветеран Западного фронта, воевавший там с тысяча девятьсот пятнадцатого по тысяча девятьсот восемнадцатый год, – заговорил он торжественно, хотя язык его слегка заплетался от выпитого пунша, – четырежды раненный, я хочу, чтобы вы все вместе со мной исполнили дорогую мне песню.

Он махнул рукой аккордеонисту, и в зале зазвучали начальные аккорды «Deutschland, Deutschland uber Alles»⁴. Впервые Маргарет слышала, как эту песню пели в Австрии, но она выучила ее в пятилетнем возрасте, спасибо няне-немке. Слова она помнила и пела вместе со всеми, пьяная, мудрая и настоящая интернационалистка. Фредерик крепче обнял ее и поцеловал в лоб, радуясь тому, что она знает песню, а старик Лангерман, по-прежнему стоявший на стуле, поднял кружку и предложил тост: «За Америку! За молодых женщин Америки!» Маргарет выпила свою кружку до дна и поклонилась.

– От имени всех молодых женщин Америки позвольте сказать, что я вам очень признательна.

Фредерик поцеловал ее в шею, но, прежде чем Маргарет успела решить, как ей на это реагировать, аккордеонист заиграл вновь. Зазвучала какая-то резкая, примитивная, будоражащая мелодия, и все разом запели, гордо и торжествуя. Поначалу Маргарет не поняла, что это за песня. Вроде бы она слышала ее раз или два, хотя не всю, лишь отдельные куплеты. Но сейчас, поскольку языки у всех уже заплетались, ревушие мужские голоса не позволяли разобрать немецкие слова.

Фредерик прижимал ее к себе, и Маргарет чувствовала, как страстность песни заставляет бугриться его мышцы. Она попыталась сосредоточиться на его голосе, а когда ей это удалось, Маргарет узнала песню.

---

³ Розочка, розочка, розочка красная, розочка, что на полянке растет (нем.).

⁴ «Германия, Германия превыше всего» (нем.).

– *Die Fahne hoch, die Reihen fest geschlossen*, – пел он, надрывая голосовые связки. – *S.A. marschiert in ruhig festen Schritt. Kameraden die Rotfront und Reaktion erschossen...*⁵

Маргарет слушала, ее лицо каменело. Она закрыла глаза, почувствовала, как подкашиваются ноги. Долбящая по голове музыка оглушала ее. Она попыталась отстраниться от Фредерика, но его рука обвилась вокруг ее талии, словно стальная удавка. Маргарет стояла и слушала, а потом, открыв глаза, посмотрела на лыжного инструктора. Он не пел, но наблюдал за ней, и в его взгляде смешивались тревога и понимание.

Голоса звучали все громче, и к последнему куплету песни Хорста Весселя⁶ они гремели, как гром. А потом мужчины вытянулись в струнку, расправив плечи, с горящими глазами, гордые и страшные. Женщины не отставали от них, словно оперные монахини, славящие оперного бога. Только Маргарет и молодой мужчина с золотистыми глазами молчали, когда от завершающей строки *Marschieren mit uns in ihrem Geiste mit*⁷ едва не рухнул потолок.

Маргарет заплакала, молча, бессильно, коря себя за мягкость, не решаясь вырваться из объятий Фредерика, и в этот момент по всему городку в морозном ночном воздухе зазвенели церковные колокола.

Старик Лангерман поднял кружку. Красный как свекла, с катящимися по лысине каплями пота, он сверкал глазами так же, наверное, как в 1915 году, когда только что прибыл на Западный фронт.

– За фюрера! – В голосе Лангермана звучал благоговейный трепет.

– За фюрера! – Кружки взлетели вверх, все жадно выпили.

– С Новым годом! С Новым годом! Господь, благослови этот год!

Патриотические чары рухнули, гости смеялись, хлопали друг друга по плечам, целовались, такие уютные, домашние, мирные.

Фредерик развернул Маргарет лицом к себе и попытался поцеловать, но ей удалось уклониться. Слезы перешли в рыдания, она вырвалась и убежала в свою комнату наверх.

– Американские девушки, – донесся до нее голос Фредерика, потом его смех. – Они думают, что умеют пить!

Слезы высохли. Бессилие осталось. Вкупе с осознанием того, что вела она себя глупо. Маргарет пыталась игнорировать и первое, и второе, пока чистила зубы, расчесывала волосы и промывала холодной водой покрасневшие глаза: незачем Иосифу знать, что накануне вечером она плакала.

Маргарет разделась в чистенькой комнатке с выбеленными стенами и коричневым деревянным распятием над кроватью. Выключила свет, открыла окно и забралась в большую кровать. А комнату заполнили ветер и лунный свет, слетевшие с высоких, запорошенных снегом гор. Пару раз по ее телу пробежала дрожь от холодных простыней, но мгновение спустя она уже согрелась под пуховым одеялом, на мягчайшей перине. Свежевыстиранное белье пахло точно так же, как в доме бабушки, белые тюлевые занавески чуть шуршали, касаясь подоконника. Аккордеонист играл внизу что-то грустное, осеннее, о любви и близкой разлуке, звуки музыки едва долетали до ее комнаты. Вскоре Маргарет заснула, и лицо ее во сне было серьезным и умиротворенным, детским и беззащитным.

Такое снилось ей часто. Пальцы, поглаживающие кожу, темное тело, лежащее рядом, чье-то дыхание у щеки, крепкие руки, сжимающие...

---

⁵ «Сомкнув ряды, подняв высоко знамя, штурмовики идут, чеканя шаг. Рот-Фронт разбит, реакция...» (нем.).

⁶ Недоучившийся студент, с 1926 г. в нацистской партии. Активный член штурмовых отрядов. Убит в драке в трущобах Берлина политическими противниками. Написанная Весселем маршевая песня воспринималась в Германии как второй гимн Третьего рейха.

⁷ «...идем мы в едином строю» (нем.).

И тут Маргарет проснулась.

– Тихо, – произнес мужчина по-немецки. – Я не причиню тебе вреда.

Он пил бренди, невольно подумала Маргарет. От него пахнет бренди.

На какое-то мгновение она замерла, всматриваясь в глаза мужчины, маленькие блески в глубине черных глазниц. Его опытная рука прошла по животу, соскользнула ниже, на ногу. Он не разделся, и грубая, жесткая материя царапала кожу. Рывком Маргарет отпрянула к краю кровати и села, но мужчина не уступал ей в скорости и превосходил ее в силе, а потому мгновением позже она вновь лежала на кровати. Его рука накрыла ей рот. Он хохотнул:

– Маленькая зверушка, маленькая шустрая белочка.

Теперь она узнала голос.

– Это же я, – продолжал Фредерик. – Решил заглянуть в гости. Бояться тебе нечего. – Его рука оторвалась от рта Маргарет. – Ты же не будешь кричать, – со смешком сказал Фредерик, словно ее поведение в немалой степени позабавило его. – Кричать нет смысла. Во-первых, все напились. Во-вторых, я скажу, что ты сама пригласила меня, а потом вдруг передумала. И мне поверят, потому что я девушкам нравлюсь, а ты иностранка, так что...

– Пожалуйста, уходи, – прошептала Маргарет. – Пожалуйста. Я никому не скажу.

Фредерик рассмеялся. Он, конечно, крепко выпил, но не до такой степени, чтобы не соображать, что делает.

– Ты очень красивая девушка. Самая красивая из всех, кто приезжал сюда в этот сезон...

– С чего тебя потянуло ко мне? – Маргарет пыталась отвлечь его разговорами, напрягала мышцы, чтобы тело стало каменным и его рука натывалась на твердые, острые углы. – Есть же много других, кого только порадует твое внимание.

– Я хочу тебя. – Фредерик поцеловал ее в шею – как он полагал, с обезоруживающей нежностью. – Ты мне очень нравишься.

– Но я-то тебя не хочу, – ответила Маргарет. Какое-то безумие: глубокой ночью, обнаружив в своей постели здорового незнакомца, она волновалась из-за того, что ее может подвести знание немецкого, что она может забыть слова, построение предложений, идиомы, и ею овладеют лишь потому, что она не смогла достаточно ясно выразиться. – Я тебя не хочу.

– Приятно, знаешь ли, когда сначала девушка притворяется, будто никаких желаний у нее и нет. Это так женственно, так утонченно. – Она чувствовала, что Фредерик абсолютно уверен в себе и насмехается над ней. – Многие ведут себя именно так.

– Я расскажу твоей матери, – попыталась припугнуть его Маргарет. – Клянусь.

Фредерик опять рассмеялся, всем своим видом показывая, что с этой стороны ему ничего не грозит.

– Расскажешь, значит, матери? А почему, по-твоему, она поселила тебя в комнате с окном над сараем, крыша которого словно предназначена для того, чтобы в эту комнату забраться?

Такое просто невозможно, подумала Маргарет. Эта маленькая, кругленькая, сияющая женщина, которая вешает расписания во всех номерах, поддерживает в отеле идеальную чистоту, трудится от зари до зари, ходит в церковь... Внезапно Маргарет вспомнила, как выглядела фрау Лангерман в этот вечер, в зале, когда вместе с остальными пела ту отвратительную песню: дикий, безумный взгляд, капли пота, проступившая в лице жестокость. К сожалению, это возможно, сделала она неутешительный для себя вывод, – восемнадцатилетнему сосунку такого не выдумать...

– И сколько раз, – спросила она, оттягивая неминуемую развязку, – сколько раз ты забирался сюда?

Фредерик усмехнулся, и Маргарет увидела блеснувшие в темноте зубы. Рука его застыла, и он ответил, раздуваясь от самодовольства:

– Много. Но теперь я стал очень разборчивым. Залезать в окно нелегко, крыша сарая скользкая, можно и сверзиться на землю. Девушка должна быть очень красивой, как ты, чтобы я решился на такой подвиг.

Его рука двинулась дальше, нежная, умелая, настойчивая. Второй он, как в тисках, зажал обе ее руки. Маргарет злило собственное бессилие. Она замотала головой, попыталась сдвинуть ноги, но не смогла. Фредерик крепко держал ее, улыбался, ее слабенькое сопротивление явно доставляло ему удовольствие.

– Ты очень красивая, – шептал Фредерик. – И так хорошо сложена.

– Предупреждаю: я закричу.

– Это будет ужасно. Для тебя, – уточнил Фредерик. – Просто ужасно. Моя мать будет всякому обзывать тебя на глазах у других гостей и потребует, чтобы ты немедленно убралась из ее дома. Ты же посмела затащить в свою постель ее маленького сыночка, из-за чего у него могут быть неприятности. К тому же твой кавалер приедет сюда завтра утром, а весь город только и будет говорить о... – В голосе Фредерика звучали уверенность и насмешка. – Нет, кричать я бы не советовал.

Маргарет закрыла глаза и застыла. На мгновение перед ее мысленным взором возникли лица людей, с которыми она встречала Новый год. Теперь она видела в них ухмыляющихся, похотливых заговорщиков, скрывающих свою сущность под личиной деревенского здоровья и чистоты, плетущих паутину, в которую она и угодила, оставшись в их снежной крепости.

Внезапно одним движением Фредерик перекатился на нее. Он уже успел расстегнуть одежду, и его гладкая, теплая грудь прижалась к груди Маргарет. И какой же он был огромный. Ее буквально расплющило. Маргарет чувствовала, как глаза наполняются слезами, но сумела остановить их поток.

Медленно, методично Фредерик раздвигал ей ноги. Зато он отпустил руки, и Маргарет тут же пустила в ход ногти, ощутив, услышав, как они с резким, неприятным скрипом вспарывают кожу. Снова и снова, пока Фредерик не сумел схватить ее за руки, ногти Маргарет впивались в его лицо.

– Сучка! – выдохнул Фредерик, зажав оба ее запястья в своем огромном кулаке. Размахнувшись свободной рукой, он ударил ее по губам. Брызнула кровь. – Паршивая американская сучка!

Он сидел на ней верхом. Маргарет застыла, глядя на него снизу вверх, торжествующая, окровавленная, непокоренная, а луна продолжала заливать комнату серебряным светом.

Фредерик ударил ее вновь, теперь тыльной стороной ладони. От костяшек пальцев исходил отвратительный запах кухни.

– Если ты не уйдешь, – Маргарет чеканила каждое слово, хоть голова у нее шла кругом, а к горлу подкатывала тошнота, – завтра я тебя убью. Мой друг и я убьем тебя завтра. Я тебе обещаю.

Фредерик по-прежнему сидел на ней, сжимая обе ее руки одной своей. Царапины на его лице сочились кровью, длинные светлые волосы падали на глаза, дыхание шумно вырывалось изо рта, взгляд жег огнем. Но мгновение спустя он отвел глаза.

– Ладно. Не нужны мне девушки, которые меня не хотят. Связываться с такими смысла нет. Одна маета, никакого удовольствия.

Он отпустил ее руки. Ребром ладони двинул по скуле, вылез из кровати, зацепив коленом. Сознательно, чтобы причинить боль. Постоял у окна, поправляя одежду, зализывая разодранную ногтем губу. Спокойный свет луны превратил Фредерика в маленького обиженного мальчика, которого лишили сладкого.

Наконец он застегнул последнюю пуговицу и широкими шагами пересек комнату.

– Я уйду через дверь. Имею право.

Маргарет молчала, уставившись в потолок.

Фредерик остановился у двери. Ну не мог он уйти побежденным, ему ужасно хотелось хоть чем-то поддеть Маргарет. Она буквально ощущала, как ворочаются медлительные мозги в его крестьянской голове.

– Хрен с тобой, возвращайся к своим жидам в Вену!

Фредерик распахнул дверь и ушел, не закрыв ее за собой. Маргарет встала и тихонько затворила дверь. С лестницы доносились тяжелые шаги, гулким эхом отдававшиеся от старых деревянных стен спящего дома.

Ветер стих, комнату заполнял морозный воздух. Маргарет начала бить дрожь. Она подошла к окну и закрыла его. Луна скатилась к самому горизонту, ночь готовилась уступить место дню, силуэты мертвых гор темнели на фоне сереющего неба.

Маргарет посмотрела на кровать. Простыня порвана, на подушке капли крови, темные и таинственные, мятые, сбитые покрывала. Дрожа, она оделась. Болело все тело, особенно тоненькие косточки запястий. Маргарет натянула на себя все свитера, две пары шерстяных носков, сверху надела пальто, но никак не могла согреться и продолжала дрожать. Так и не уняв дрожь, она села в маленькое кресло-качалку у окна и уставилась на горы, наблюдая, как они выплывают из ночи, как на их уже побелевшие вершины нисходит первый зеленый свет зари.

Зеленое уступило место розовому. Свет распространялся все ниже, наконец заблестел снег на склонах, сигнализируя о наступлении утра. Маргарет поднялась и покинула комнату, не взглянув на кровать. Осторожно, стараясь не скрипеть половицами, прошла через дом, в углах которого еще царствовала ночь, а на первом этаже в воздухе висели запахи вчерашнего торжества, открыла тяжелую дверь и ступила в еще сонный, белоснежный и индиговый новый год.

Она бесцельно бродила по пустынным улицам, меж сугробов, обрамляющих тротуары, чувствуя, как холодит легкие разреженный утренний воздух. Открылась дверь, на пороге появилась кругленькая маленькая женщина в фартуке, с совком в руке, розовощекая, улыбающаяся.

– Доброе утро, фрейлейн, – поздоровалась она. – Прекрасное утро, не так ли?

Маргарет бросила на нее взгляд и торопливо прошла мимо. Женщина посмотрела ей вслед. Недоумение на ее лице сменилось злобой, и она с треском захлопнула дверь.

С улицы Маргарет свернула на дорогу к горным склонам, поблескивающим в ожидании гостей. Шла она ровным шагом, глядя себе под ноги, поднимаясь все выше и выше. Сойдя с дороги, по утопанному снегу направилась к лыжной хижине, словно сошедшей со страниц книги сказок, сложенной из громадных стволов, с высокой крышей, накрытой снеговой шапкой.

Перед хижинкой стояла скамейка, и Маргарет плюхнулась на нее, внезапно почувствовав, что силы иссякли и больше ей не сделать ни шагу. Она смотрела на горный склон, сначала пологий, а потом все круче забирающий к вершине, которая пыталась пронзить синее небо черными остриями скал.

«Я не буду об этом думать, – сказала себе Маргарет. – Не буду». И она тупо смотрела на горный склон, стараясь прочертить на нем оптимальную траекторию спуска. «Я не буду думать об этом. – Языком она слизнула запекшуюся кровь с разбитой губы. – Потом, возможно, я подумаю об этом, потом, когда успокоюсь, когда пройдет шок... Самый опасный участок внизу справа, на глубоком снегу у самого обрыва, потому что выскакиваешь туда на большой скорости из-за холмика. Надо описать широкий полукруг, чтобы избежать торчащих камней... и, если вдруг отвлечешься, можно потерять ориентацию, запаниковать...»

– Доброе утро, фрейлейн Фриментл, – раздался мужской голос у нее за спиной.

Маргарет резко обернулась. Сзади стоял лыжный инструктор, худощавый, дочерна загорелый молодой человек, которому она улыбалась и которого попросила петь под аккордеон. Повинуясь импульсу, Маргарет встала и двинулась прочь.

Дистль шагнул следом.

– Что-то случилось?

Низкий, вежливый, участливый голос. Она вспомнила, что прошлым вечером, среди орущей толпы, когда Фредерик обнимал ее за талию, только лыжный инструктор не раскрывал рта. Она вспомнила, как он смотрел на нее, когда она заплакала, сочувственно, застенчиво, пытаясь показать, что она не одинока.

Маргарет повернулась к нему.

– Извините. – Ей даже удалось изобразить улыбку. – Я глубоко задумалась, и, должно быть, вы меня напугали.

– Вы уверены, что все в порядке? – Он стоял без шапки, такой молоденький, еще более застенчивый, чем на вчерашней вечеринке.

– Да, – кивнула Маргарет. – Я просто сидела и любовалась горами.

– Может, вы хотите остаться одна? – Он даже отступил на шаг.

– Нет, – торопливо ответила Маргарет и села на скамейку. – Пожалуй, нет. – Она внезапно осознала, что должна выговориться, рассказать о том, что произошло, понять, что же все это означает. Иосиф на роль исповедника не подходил, а вот лыжный инструктор внушал доверие. Он и внешне чем-то напоминал Иосифа. Темноволосый, умный, степенный. – Пожалуйста, оставайтесь.

Дистль стоял, чуть раздвинув ноги, с расстегнутым воротником, голыми руками, словно его не брали ни ветер, ни мороз. Такой красивый в подогнанном по фигуре лыжном костюме. Загорелый, с пятнами здорового румянца на щеках.

Он вытащил из кармана пачку сигарет, предложил Маргарет. Она взяла сигарету, и Дистль дал ей прикурить; его сложенные ковшиком ладони надежно закрыли горящую спичку от ветра. А загорелое лицо лыжного инструктора в этот момент оказалось совсем близко от лица Маргарет.

– Благодарю вас.

Он кивнул, закурил сам, сел рядом. Так они и сидели, привалившись к спинке скамьи, чуть откинув головы назад, щурясь от блеска залитого солнцем снега. Сигаретный дым струйками поднимался к небу. Сигарета показалась Маргарет очень уж крепкой, обычно она не курила на пустой желудок.

– Как красиво! – вырвалось у нее.

– Вы о чем?

– О горах.

Он пожал плечами.

– Это враг.

– Что?

– Враг, – повторил Дистль.

Маргарет повернулась к нему. Его глаза превратились в щелочки, губы были плотно сжаты. Она перевела взгляд на горы.

– Чем они вам так досадили?

– Это тюрьма. – Он положил ногу на ногу. Маргарет отметила, какие у него добротные горнолыжные ботинки. – Моя тюрьма.

– Что вы такое говорите? – удивленно воскликнула Маргарет.

– Разве вы не понимаете, что здесь мужчине не место? Провести всю жизнь в этих горах – идиотизм, иначе и не скажешь. – Он горько улыбнулся. – Мир рушится, человечество борется за выживание, а я трачу все свое время на то, чтобы научить толстых девочек спуститься на лыжах с холма и при этом не зарыться носом в снег.

Удивительная все-таки страна, помимо своей воли подумала Маргарет. Даже спортсменам небезразличны Weltschmerz⁸.

– Если вы чувствуете в себе такую силу, почему бы вам не помочь человечеству?

Дистль рассмеялся, но очень уж безрадостно.

– Я пытался. Семь месяцев провел в Вене. Не мог больше выносить здешнюю жизнь и уехал в Вену. Собирался найти нужную, полезную работу, даже если она будет выжимать из меня все соки. Примите совет: не пытайтесь сейчас искать в Вене нужную, полезную работу. В конце концов работу я нашел. Меня взяли в ресторан. Убирать за туристами грязную посуду. Я вернулся домой. Здесь по крайней мере платят приличные деньги. В этом вся Австрия. За ерунду тебе платят на полную катушку. – Он покачал головой. – Извините меня.

– За что?

– За болтовню. За жалобы. Мне стыдно за себя. – Он отбросил сигарету, сунул руки в карманы, чуть ссутулился. – Не знаю, что это на меня нашло. Может, все потому, что еще раннее утро и на горе, кроме нас двоих, никого нет. Не знаю. Почему-то... мне кажется, что вы можете меня понять. Посочувствовать мне. А местные... – Он пожал плечами. – Волю. Есть, спать, зарабатывать деньги. Вчера вечером я хотел с вами поговорить...

– Жаль, что не поговорили, – вырвалось у Маргарет. Сидя рядом с ним, слушая его мелодичный голос, четко произносимые немецкие слова, она заметно успокоилась, ужасы ночи начали потихоньку забываться.

– Вы так внезапно ушли. Расплакались.

– Я вела себя глупо, – промямлила она. – Слезы – знак того, что я еще не стала взрослой.

– Взрослые тоже плачут. Сильно и часто. – Ему хотелось, Маргарет это почувствовала, дать ей понять, что и он время от времени плачет. – Сколько вам лет? – неожиданно спросил Дистль.

– Двадцать один.

Он кивнул, словно она сообщила ему очень важные сведения, которые следовало учесть на будущее.

– И что вы делаете в Австрии?

– Даже не знаю... – Маргарет замаялась. – Мой отец умер и оставил мне немного денег. Не то чтобы целое состояние, но достаточно крупную сумму. И я решила повидать свет, прежде чем выйти замуж...

– Почему вы выбрали Австрию?

– Не знаю. В Нью-Йорке я училась на художника-декоратора. Кто-то из побывавших в Вене сказал, что там прекрасная школа, вот я и решила поехать туда. В конце концов, Вена – далеко не худший выбор. И она уж точно отличается от Америки. А это для меня было основным критерием.

– Так вы учитесь в Вене?

– Да.

– Вам нравится?

– Нет. – Она рассмеялась. – Школы везде одинаковые. Они идут на пользу кому угодно, но только не тебе.

– Однако, – тут он повернулся, пристально посмотрел на Маргарет, – вам здесь нравится?

– Да. Я влюбилась в Вену. И в Австрию.

– Вчера вечером вы не были в восторге от Австрии, – сухо заметил Дистль.

– Не была, – признала Маргарет, но тут же добавила: – Дело не в Австрии, а в этих людях. Они меня разочаровали.

– Песня, – кивнул он. – Песня Хорста Весселя.

---

⁸ Горести мира (нем.).

После короткой заминки Маргарет произнесла:

– Да. Я такого не ожидала. Чтобы здесь, в этом тихом уголке, вдали от...

– Мы не вдали. Отнюдь. Вы еврейка?

– Нет, – ответила Маргарет и подумала: это сейчас главный вопрос – вопрос, разрывающий Европу надвое.

– Разумеется, нет. Я знал, что нет. – Дистль задумчиво пожевал нижнюю губу и оглядел склон, словно что-то там искал. – Ваш друг – еврей?

– Кто?

– Господин, который приезжает сегодня утром.

– С чего вы это взяли?

– Я только спросил.

Последовала короткая пауза. Интересный он все-таки человек, подумала Маргарет. Смелый и застенчивый, сухой и суровый, но при этом деликатный и понимающий.

– Полагаю, он еврей. – Ни осуждения, ни злобы в ровном, вежливом голосе.

– Ну... – Маргарет запнулась, подбирая слова. – Если рассуждать по-вашему, получается, что да. Он католик, но мать у него еврейка, так что...

– Как он выглядит?

– Он врач, – говорила Маргарет медленно. – Естественно, старше меня. Очень красивый. Чем-то похож на вас. Очень остроумный, душа компании. Но может быть и серьезным, дрался с солдатами у дома Карла Маркса⁹. Уходил одним из последних... – Она замолчала. – Считайте, что я ничего этого не говорила. Нелепо рассказывать такие истории. Это чревато большими неприятностями.

– Да, – кивнул лыжный инструктор. – Больше мне ничего не рассказывайте. Однако он, похоже, хороший человек. Вы собираетесь за него замуж?

Маргарет пожала плечами:

– Мы говорили об этом. Но... Еще ничего не решено. Поживем – увидим.

– Вы собираетесь рассказать ему о прошедшей ночи?

– Да.

– И о том, как вам разбили губу?

Рука Маргарет непроизвольно взлетела к синяку. Она покосилась на лыжного инструктора. Тот разглядывал горы.

– Фредерик заглянул к вам этой ночью, не так ли?

– Да, – прошептала Маргарет. – Вы знаете о Фредерике?

– Все знают о Фредерике, – отрезал лыжный инструктор. – Вы не первая, кто выходит из той комнаты с синяками.

– Так почему никто не поставит на этом точку?

Дистль невесело рассмеялся:

– Красивый, горячий парень. По всеобщему разумению, большинству девушек его ночные визиты по душе, даже тем, кто поначалу кочевряжится. Маленький такой штришок, при-сущий только отелю фрау Лангерман. Деревенская достопримечательность. Лыжникам – все самое лучшее. Фуникулер, пять подъемников, пятиметровый слой снега и даже изнасилование. Как бы изнасилование, в разумных пределах. Полагаю, он не усердствует. Если дама очень уж возражает, Фредерик дает задний ход. С вами он дал задний ход, не так ли?

– Да, – кивнула Маргарет.

– У вас выдалась ужасная ночь. Новый год с веселыми забавами и песнями старой доброй Австрии.

---

⁹ Речь идет о вооруженном столкновении венских рабочих и шущбундовцев (шущбунд – военизированные отряды социал-демократов) с армейскими подразделениями в феврале 1934 г.

– К сожалению, тут полная гармония. Одно к одному.

– Вы о чем?

– Песня Хорста Весселя, нацисты, врываются в комнаты к женщинам и поднимающие на них руку...

– Ерунда! – громко, со злобой оборвал ее Дистль. – Не надо так говорить.

– А что такого я сказала? – Резкая перемена в поведении лыжного инструктора удивила Маргарет. Ее вновь охватил безотчетный страх.

– Фредерик залез в вашу комнату не потому, что он нацист. – Теперь лыжный инструктор вновь говорил ровно, спокойно, терпеливо, как и положено учителю, объясняющему что-то не слишком сметливой ученице. – Фредерик полез к вам, потому что он свинья. А то обстоятельство, что он еще и нацист, – чистая случайность. Более того, хорошим нацистом ему не быть.

– А как насчет вас? – Маргарет замерла, уставившись на свои ноги.

– Естественно, – ответил Дистль. – Естественно, я нацист. И нечего изумляться. Просто вы начитались ваших идиотских американских газет. Мы едим детей, мы сжигаем церкви, мы гоним голых монашек по улицам и помадой и человеческой кровью рисуем на их спинах непристойные картинки, мы на специальных фермах выводим особую породу людей и так далее, и так далее... Вроде бы ваши журналисты – серьезные люди, а пишут такую чушь.

Он замолчал. Маргарет хотела уйти, но на нее накатила такая слабость, что она не решилась встать, боясь, что ноги не удержат ее и она тут же упадет. Глаза жгло огнем, словно в них попал песок. Поэтому ей не оставалось ничего другого, как смотреть на засыпанные снегом склоны.

И эти великолепные, мирные склоны, залитые лучами восходящего солнца, – тоже ложь, думала она.

– Я бы хотел, чтобы вы поняли... – В голосе лыжного инструктора слышались печаль и мольба. – Америке так легко презирать всех и вся. Вы очень богаты и можете позволить себе многие излишества, недоступные остальным. Терпимость, которую вы называете демократией, моральные принципы. Здесь, в Австрии, нам не до моральных принципов. – Он замолчал, словно ожидая возражений, но Маргарет не произнесла ни слова, и Дистль продолжил, понизив голос, отчего Маргарет с трудом разбирала слова. Они словно растворялись в пронизанном солнечными лучами воздухе. – Конечно, у вас уже сложилось определенное мнение. Иначе и быть не могло. Ваш молодой человек – еврей, и вы боитесь за него. Вот вы за деревьями и не увидели леса. Не увидели леса... – повторил он, словно ему нравилось, как звучат эти слова, словно они служили еще одним доказательством его правоты. – А лес – это Австрия. Немецкий народ. Нелепо притворяться, что мы не немцы. Это американцы, живущие в пяти тысячах миль отсюда, могут говорить, что немцы и мы – две большие разницы. Мы такого сказать не можем. Потому что в этом случае мы становимся нацией нищих. Семью миллионами людей, которым некуда идти, у которых нет будущего, которые живут по чьей-то милости, прислуживая иностранным туристам и выклянчивая чаевые. Американцы не способны этого осознать. Но люди не могут постоянно жить в унижении. Они обязательно поднимутся с колен, чтобы вернуть уважение к себе. У Австрии есть для этого только один путь – стать нацистской и войти в состав Великой Германии. – Голос его вновь набрал силу, зазвучал громче, увереннее.

– Это не единственный путь, – против воли заговорила с ним Маргарет. Но он казался таким рассудительным, приятным в общении, не чуждым логике. – Есть и другие пути, которые позволяют обойтись без лжи, убийств, мошенничества.

– Милая моя, – инструктор печально вздохнул, – проживите в Европе десять лет, а потом приходите, чтобы повторить эти слова. Если вы по-прежнему будете в них верить. А я скажу вам следующее. До прошлого года я был коммунистом. Пролетарии всех стран, соединяйтесь, мир для всех, каждому по потребностям, победа разума, равенство, братство и так далее, и так далее. – Он горько рассмеялся. – Ерунда! Я ничего не знаю об Америке, но насчет Европы

у меня полная ясность. По уму в Европе ничего не делалось. Братство... дешевая шутка, разменная монета для политиков средней руки в промежутках между войнами. И у меня есть ощущение, что Америка недалеко ушла от Европы. Вы вот говорите – ложь, убийства, мошенничество. Возможно. Но в Европе это необходимые элементы. Лишь благодаря им она и живет. Думаете, мне это нравится? Но таковы реалии жизни, и только круглый идиот может это отрицать. Потом, когда будет наведен порядок, мы сможем отказаться и от лжи, и от убийств. Когда у людей будет еда, когда они будут работать, когда они будут знать, что завтра их деньги будут стоить столько же, сколько сегодня, а не подешевеют в десять раз, когда государство будет представлять их, а не кого-то еще, когда правительство не будет плясать под чью-то дудку... тогда они перестанут чувствовать себя побежденными. Из слабости не вырастет ничего путного. Только стыд и голод. И все. А вот силой можно добиться всего. Что же касается евреев... – Он пожал плечами. – К сожалению, так получилось. Кто-то решил, что это единственный способ прийти к власти. Не могу сказать, что мне это нравится. Я прекрасно понимаю, нелепо возлагать вину на весь народ. Я знаю, что есть евреи, ничем не отличающиеся от Фредерика, и есть евреи, такие же, как я. Но если навести порядок в Европе возможно, лишь избавившись от евреев, мы должны это сделать. Маленькая несправедливость ради всеобщего блага. Это единственное, чему коммунисты научили Европу, – цель оправдывает средства. Это трудный урок, но, думаю, со временем его усвоят и американцы.

– Это ужасно, – сказала Маргарет.

– Дорогая моя. – Дистль повернулся к ней, взял за руки, заговорил с жаром; чувствовалось, что слова идут от самого сердца, лицо его разом ожило, покраснелось. – Это же общие рассуждения, поэтому у вас и могло создаться такое впечатление. Пожалуйста, простите меня. Я обещаю, до этого никогда не дойдет. Можете так и сказать своему другу. Год или два ему придется терпеть некоторые неудобства. Вероятно, оставить свою работу. Возможно, отдать свой дом. Но как только все образуется, как только мы достигнем желаемого, все вернется на круги своя. Евреи – средство, а не цель. Когда мы установим в Европе порядок, ваш приятель вновь займет свое место. Даю в этом абсолютную гарантию. И не верьте американским газетам. В прошлом году я побывал в Германии и могу вам сказать, что на улицах Берлина все обстоит гораздо лучше, чем в головах журналистов.

– Я их ненавижу, – ответила Маргарет. – Я их всех ненавижу.

Лыжный инструктор заглянул ей в глаза, снова пожал плечами, признавая свое поражение, и отвернулся от Маргарет, уставился на белый склон.

– Жаль. Мне показалось, что вы такая здравомыслящая, такая интеллигентная. Я думал, судьба свела меня с американкой, которая, вернувшись домой, сможет сказать о нас доброе слово, которая поймет... – Дистль встал. – Наверное, я требовал от вас слишком многого. – Он посмотрел на Маргарет и мило улыбнулся, улыбка так шла к его лицу. – Позвольте дать вам совет. Возвращайтесь в Америку. Боюсь, в Европе вам счастья не видать. – Он взбил снег носком ботинка. – Подморозило. Если вы и ваш друг захотите покататься на лыжах, я готов спуститься с вами по западному склону. Сегодня там лучшее скольжение, но без инструктора спускаться по нему не стоит.

– Благодарю вас. – Маргарет тоже поднялась. – Не думаю, что мы здесь останемся.

– Он приезжает на утреннем поезде?

– Да.

– Тогда вам придется задержаться до трех часов дня. Других поездов нет. – Дистль всмотрелся в нее из-под выгоревших по краям густых бровей. – Так вы не желаете провести здесь все каникулы?

– Нет.

– Причина – прошлая ночь?

– Да.

– Я понимаю. – Он достал из кармана листок бумаги, карандаш и что-то написал. – Возьмите. Это адрес, которым вы можете воспользоваться. Местечко в двадцати километрах отсюда. Трехчасовой поезд там останавливается. Очаровательная гостиница, отличный склон, прекрасные люди. Далекие от политики. – Он улыбнулся. – Не такие ужасные, как мы. И никаких фредериков. Вас примут с распростертыми объятиями. И вашего друга тоже.

Маргарет взяла листок, положила его в карман.

– Спасибо. – Она не могла не подумать, что Дистль, несмотря ни на что, достойный и хороший человек. – Скорее всего мы поедем туда.

– Отлично. Приятного вам отдыха. А потом... – Он улыбнулся, протянул ей руку. – А потом возвращайтесь в Америку.

Маргарет пожала ему руку, повернулась и зашагала вниз, к городку. У подножия холма она посмотрела на склон. У лыжного инструктора уже начался первый урок. Присев, он со смехом поднимал семилетнюю девочку в красной шерстяной шапочке, которая упала в снег, не проехав и пяти метров.

Сошедший с поезда Иосиф был весел и энергичен. Он поцеловал Маргарет, протянул ей коробку пирожных, которую привез из Вены, и новую светло-синюю лыжную шапочку. Эта шапочка так ему понравилась, что он не смог пройти мимо магазина. Иосиф вновь поцеловал Маргарет и зататорил:

– С Новым годом, дорогая. Господи, сколько же у тебя веснушек! Я люблю тебя, люблю. Ты самая прекрасная американка на свете. Я умираю от голода. Где завтрак? – Потом он оглядел окрестные горы и с гордостью, по-хозяйски изрек: – Ты только посмотри! Посмотри! И не говори мне, что в Америке можно найти такую красоту!

Но когда Маргарет начала плакать, потому что ничего не могла с собой поделаться, он сразу стал серьезным, обнял ее, губами осушил слезы, а потом спросил:

– Что? Что случилось, дорогая?

Они стояли за углом маленького железнодорожного вокзала, скрытые от большинства людей на платформе, и Маргарет, всхлипывая, рассказала Иосифу практически обо всем. Лишь ночной визит Фредерика остался за кадром, но она упомянула и про песни, и про нацистские тосты и заявила, что не желает оставаться здесь даже на день. Иосиф поцеловал ее в лоб, погладил по щеке. Его скулы и подбородок внезапно заострились, а темные глаза глубже ушли в глазницы.

– И здесь, значит, тоже. На улице, в доме, в городе, в деревне... – Он покачал головой. – Маргарет, крошка, я думаю, тебе надо уезжать из Европы. Возвращайся домой. В Америку.

– Нет! – вырвалось у нее, и она продолжила без малейшей запинки: – Я хочу остаться здесь. Я хочу выйти за тебя замуж и остаться здесь.

Иосиф вновь покачал головой. На его коротко стриженных, уже тронутых сединой волосах поблескивали капельки воды, в которые превратились упавшие с неба снежинки.

– Мне необходимо побывать в Америке. Я должен увидеть страну, в которой рождаются такие женщины, как ты.

– Я сказала, что хочу выйти за тебя замуж. – Маргарет схватила его за руки.

– В другой раз, сладенькая, – нежно ответил Иосиф. – Мы обсудим это в другой раз.

Но больше о женитьбе они не говорили.

Они вернулись к Лангерманам, плотно позавтракали, сидя у большого окна, за которым раскинулись Альпы. Съели яичницу с ветчиной, картофель, булочки, запили кофе по-венски с целой горой взбитых сливок. Обслуживал их Фредерик. Вел он себя скромно, был предельно вежлив. Пододвинул стул Маргарет, когда она садилась, наполнял чашку Иосифа, когда та пустела.

После завтрака Маргарет собрала вещи и сказала фрау Лангерман, что она и ее друг уезжают. Фрау Лангерман всплеснула руками, воскликнула: «Какая жалость!» – и подала счет.

Среди прочего в счете значились девять шиллингов.

– Я не понимаю, что это, – указала на эту строчку Маргарет. Она стояла у полированного дубового стола в холле. Фрау Лангерман, близоруко щурясь, перегнулась через стол, всмотрелась в листок бумаги.

– А-а. – Она подняла голову и бесстрастно уставилась на Маргарет. – Это за порванные простыни, *Liebchen*¹⁰.

Маргарет заплатила. Фредерик помог ей вынести чемоданы. Поклонился, когда она усаживалась в такси, и сказал: «Надеюсь, вам у нас понравилось».

На станции Маргарет и Иосиф сдали чемоданы в камеру хранения и погуляли по улицам, разглядывая витрины магазинов, пока не подошло время отъезда.

Когда поезд тронулся, Маргарет показалось, что она увидела темноволосого красавца Дистля, который стоял на платформе. Она помахала ему рукой, но ответа не дождалась. Однако Маргарет решила, что это все же был лыжный инструктор. Он мог прийти на станцию для того, чтобы посмотреть, с кем она уезжает.

Дистль порекомендовал им маленькую, уютную гостиницу. Их встретили милые, очаровательные люди. Маргарет и Иосиф провели в гостинице три ночи, и в течение двух из них шел снег, так что утром склон встречал их девственной белизной. Иосиф просто светился от счастья. Маргарет крепко спала в его объятиях на огромной перине, предназначенной для молодоженов. Они не говорили ни о чем серьезном, не заикались о перспективах создать семью. Каждый день с утра и до вечера с синего неба светило яркое солнце, а чистейший воздух пьянил, как крепкое вино. По вечерам у камина Иосиф пел для других гостей песни Шуберта. Голос у него был сильный и очень мелодичный. В доме всегда пахло корицей. Маргарет и Иосиф загорели до черноты, но веснушек на переносице Маргарет только прибавилось. На четвертый день, когда по крутой улочке они спускались к станции, Маргарет чуть не заплакала, потому что пришла пора возвращаться в Вену. Каникулы закончились.

---

¹⁰ Милочка (нем.).

Глава 2

И в Нью-Йорке новый, 1938 год встречали с распростертыми объятиями. По мокрым улицам бампер к бамперу катили такси, надрываясь, ревели клаксоны, словно это были не автомобили, а вновь выведенная порода стеклянно-жестяных животных, которых загнали в клетку из темного камня и бетона. В центре города, выхваченные из темноты отблесками рекламных щитов, словно заключенные, попавшие под луч фонаря надзирателя в момент побега, сотни тысяч людей, спрессованных в толпу, медленно, безо всякой цели брели по тротуарам, держа путь кто к Нижнему, кто к Верхнему Манхэттену. Бегущая строка нервно огибала Таймс-билдинг, извещая зевак о том, что ураган на Среднем Западе унес семь жизней, а Мадрид в новогоднюю ночь двенадцать раз подвергнулся артиллерийскому обстрелу. Для удобства читателей «Таймс» ночь в Мадриде наступала на несколько часов раньше, чем в Нью-Йорке.

Полицейские, для которых Новый год означал лишь увеличение числа грабежей, изнасилований и дорожных происшествий, пытались изобразить веселье, стоя на перекрестках, но глаза их, когда им приходилось останавливать транспорт, чтобы пропустить празднующихся, оставались холодными и циничными.

Люди, напоминавшие неуправляемый поток лавы, месили ногами грязь, забрасывали друг друга конфетти, выдыхали миллионы микробов, дули в рожки, чтобы показать всему миру, какие они счастливые и бесстрашные, громкими криками приветствовали Новый год, но веселья их хватало только на одну ночь. Они приехали в Америку из английских туманов, с зеленых ирландских пастбищ, с песчаных холмов Сирии и Ирака, из гетто России и Польши, над которыми нависала тень погромов, с виноградников Италии, с богатого сельдью побережья Норвегии, со всех островов, городов, континентов, которые только значились на карте Земли. Эти люди приезжали на Манхэттен из Бруклина и Бронкса, из восточного Сент-Луиса и Тексарканы, из городков с такими названиями, как Бимиджи, Джеффри и Спирит. Выглядели они так, словно не бывали на солнце и никогда не высыпались, словно одежду, в которой они ходили, покупали для себя совсем другие люди, словно их бросили в холодную асфальтовую клетку и они были чужими на этом празднике жизни, словно в глубине души знали, что зима продлится до скончания веков и, несмотря на рожки, смех и ритуальный променад, 1938 год будет хуже, чем предыдущий.

Карманники, проститутки, шулеры, сутенеры, мошенники, таксисты, бармены и владельцы отелей зарабатывали в эту ночь приличные деньги, как и театральные продюсеры, оптовые торговцы шампанским, нищие и швейцары ночных клубов. Тут и там слышался звон бьющегося стекла: бутылки из-под виски вылетали из окон номеров отелей в узкие проулки, обеспечивающие доступ света и воздуха и вид на стену противоположного дома тем, кто решил снять двухдолларовый номер (в новогоднюю ночь, ночь радостного прощания с годом старым, такой номер стоил уже пять баксов). Из приоткрытых окон, желтых, ярко освещенных, доносился мелодичный смех женщин, какой можно услышать только за полночь, это визитная карточка субботнего или праздничного вечера.

Позже, когда до первого январского утра останется совсем ничего, толпа, разделившись на маленькие ручейки, хлынет в затхлый воздух подземки, и люди, рассевшись по грохочущим вагонам, обдавая друг друга запахом гардений, чеснока, лука, пота, сапожного крема и дешевых духов, разъедутся по своим домам. Но пока все они фланировали по сверкающим неонам улицам, дули в рожки, размахивали трещотками, свистели – короче, праздновали без устали и без остановки, потому что, даже если не находилось более веских причин, приход нового года означал, что они по крайней мере пережили год прошедший и на своих ногах вступали в следующий за ним.

Майкл Уайтэкр пробирался сквозь толпу. Он чувствовал, как механическая лицемерная улыбка появлялась у него на губах всякий раз, когда кто-то задевал его плечом или он натыкался на кого-то. Майкл опаздывал, ему не удалось поймать такси, он не смог избежать выпивки в одной из гримерных. От спиртного, проглоченного натошак, у него гудела голова и жгло в желудке.

Театр напоминал сумасшедший дом. Шумящих, занятых собой зрителей не интересовало происходящее на сцене. На роль бабушки пришлось ставить дублершу, потому что Патриция Ферри слишком много выпила и едва ворочала языком, и весь вечер Майкл выскакивал из штанов, чтобы удержать ситуацию под контролем. Он был менеджером сцены в постановке пьесы «Последняя весна». В спектакле были заняты тридцать семь актеров, в том числе трое детей, которые постоянно простужались, а на смену декораций (менялись они по ходу спектакля пять раз) отводилось ровно двадцать секунд. И когда спектакль закончился, у Майкла осталось только одно желание – пойти домой и лечь спать. Но его ждала эта чертова вечеринка на Шестьдесят седьмой улице, куда пошла Лаура. К тому же никому не положено ложиться спать в новогоднюю ночь.

Наконец Майкл продрался сквозь самую плотную толпу и быстрым шагом направился к Пятой авеню. Дойдя до угла, он повернул на север. Народу на Пятой авеню было меньше, и порывы ветра приносили из парка свежий воздух. Небо потемнело настолько, что Майкл мог разглядеть звезды, пусть бледные и маленькие и только в узком коридоре непосредственно над улицей.

«Я должен купить домик в деревне, – подумал он, – недорогой домик неподалеку от города за шесть или семь тысяч (банк скорее всего даст ссуду), домик, где можно провести несколько дней, где царят тишина и покой, где ночью на небе видны звезды, где можно лечь спать в восемь часов, если вдруг возникает такое желание. Я должен это сделать, – решил он, – не строить планы, а взять и купить».

В тускло освещенной витрине он поймал свое отражение, нечеткое, расплывчатое, но, как обычно, ему не понравилось то, что он увидел. Автоматически Майкл распрямил плечи. «Мне нельзя сутулиться, – напомнил он себе, – и я должен сбросить пятнадцать фунтов. Я выгляжу как толстый бакалейщик».

Рядом остановилось такси, но Майкл лишь отмахнулся. Занятия физкультурой, думал он, и как минимум месяц ни капли спиртного. Это основное условие. Не пить. Ни пива, ни martini, ни всего остального. Опять же не придется просыпаться по утрам с больной головой. После выпивки до полудня ты никакой, потом подходит время ланча, и у тебя в руке вновь стакан. А тут начало нового года, прекрасный момент для того, чтобы круто все поменять. Возможность проверить, есть ли у тебя характер. Сегодня и надо начать. На вечеринке. Ненавязчиво. Просто не пить. И в домике в деревне не будет бара.

Настроение у Майкла сразу улучшилось. Он принял решение, окончательное и бесповоротное. А потому не стоило обращать внимание на такие мелочи, как жавшие в шаг ботинки. Мимо роскошных витрин Майкл Уайтэкр спешил к Шестьдесят седьмой улице.

В переполненную комнату он вошел в начале первого. Люди пели и обнимались, а та девушка, которая отключалась на всех вечеринках, уже лежала в углу. Уайтэкр увидел, как его жена целует низенького человечка, внешность которого однозначно указывала на то, что он из Голливуда. Кто-то сунул в руку Майкла стакан, высокая девушка вывалила полтарелки картофельного салата ему на плечо и сказала: «Прекрасный салат», – а потом долго оттирала лацкан длинными, тонкими пальцами. Ногти, по полтора дюйма каждый, она красила в ярко-розовый цвет. Подошла Кэтрин. Грудь, выпирающая над декольте, напоминала наполненные ветром паруса фрегата.

– Майк, дорогой! – Она поцеловала его за ухом. – Что ты сегодня делаешь?

– Моя жена вчера приехала из Калифорнии, – ответил Майкл.

– Жаль, – вздохнула Кэтрин. – С Новым годом тебя.

Она поплыла дальше. Ее грудь заворожила трех студентов Гарвардского университета, которые приходились родственниками хозяйке дома и приехали в Нью-Йорк на каникулы.

Майкл поднес стакан ко рту и сделал большой глоток. Вроде бы виски с лимонным соком и содовой. Здоровый образ жизни можно начать и завтра, подумал он. В конце концов, он уже пропустил три стаканчика, так что ночь все равно потеряна.

Майкл подождал, пока его жена закончит целоваться с лысым недомерком с длинными казацкими усами, потом пересек комнату и остановился у Лауры за спиной. Она держала недомерка за руку.

– Только никому не говори, Гарри, но сценарий – дерьмо.

– Ты меня знаешь, Лаура, – ответил лысый недомерок. – Разве я из болтунов?

– С Новым годом, дорогая. – Майкл поцеловал жену в щеку.

Лаура обернулась, не выпуская из своей руки руку лысого недомерка. Ее лицо осветила улыбка, такая теплая, нежная и, несмотря на толпу, шум и всеобщее веселье, предназначенная только ему. Конечно же, у него растаяло сердце. Свободной рукой Лаура притянула Майкла к себе, чтобы поцеловать. А когда их лица сблизились, она, прежде чем поцеловать его, на мгновение застыла и втянула носом воздух. Его это, естественно, задело. И во время поцелуя он уже дулся. Впрочем, подумал он, Лаура это делает всегда. И в Новый год, и в любой другой день.

– Перед тем как уйти из театра, я подушился. – Майкл отпрянул от жены и выпрямился. – Вылил на себя два флакона «Шанель № 5».

Он увидел, как ресницы Лауры чуть дрогнули от обиды.

– Я не хочу, чтобы ты злился на меня в 1938 году. Почему ты так припозднился?

– Пришлось выпить пару стаканчиков.

– С кем? – Когда Лаура допрашивала Майкла, ее искреннее, открытое лицо очень портил подозрительный взгляд.

– С несколькими актерами.

– И только? – Голос звучал игриво – именно таким тоном жене в присутствии посторонних положено узнавать некоторые подробности поведения мужа в те часы, что они провели порознь.

– Нет. Как-то вылетело из головы. Нас развлекали шесть полинезийских девушек, но я бросил их ради тебя.

– Какой ты у меня юморист! – Лаура повернулась к лысому недомерку: – Он юморист, не так ли?

– Эти проблемы лучше решать наедине, по-домашнему, – ответил тот. – Поэтому разрешите откланяться. Третий лишний. – Он помахал рукой Уайтэкру. – С Новым годом, Лаура, удачи тебе. – И недомерок растворился в толпе.

– У меня отличная идея. – Лаура пристально смотрела на мужа. – Давай в эту ночь не злиться на жен.

Допив содержимое стакана, Майкл поставил его на столик.

– Кто этот усатый?

– Ты про Гарри?

– Про того, с кем ты целовалась.

– Гарри. Я с ним знакома много лет. Его приглашают на все вечеринки. – Лаура нежно коснулась волос мужа. – И здесь, и в Калифорнии. Не знаю, правда, чем он занимается. Возможно, он агент. Гарри подошел и сказал, что, по его мнению, в моем последнем фильме я заворожила зрителей.

– Так и сказал – заворожила?

– Совершенно верно.

– Нынче, значит, в Голливуде в ходу такие эпитеты?

– Похоже на то. – Лаура улыбалась мужу, но глазками стреляла по комнате. Такое происходило всегда, даже если они устраивали вечеринку у себя дома. – А что ты можешь сказать о моем последнем фильме?

– Ты заворожила зрителей, – ответил Майкл. – Давай выпьем.

Лаура взяла его за руку, потерлась щекой о плечо.

– Ты рад, что я здесь?

Майкл широко улыбнулся:

– Я заворожен.

Они рассмеялись и направились к бару сквозь толпу, образовавшуюся в центре комнаты.

Находился бар в другой комнате, под абстрактной картиной, изображавшей женщину с тремя внушительными грудями, сидящую на параллелепипеде.

В баре уже обосновался Уоллес Арни, поседевший, одутловатый, с чашкой в руке. Компанию ему составлял широкоплечий здоровяк в костюме из синей саржи. По загорелому, иссеченному ветром лицу здоровяка чувствовалось, что в домах он бывает редко и большую часть времени проводит на свежем воздухе. Рядом с ними пили виски две тощие, как селедки, модели.

– Он подкатился к тебе? – услышал Майкл вопрос одной из них, когда он и Лаура подошли к бару.

– Нет. – Вторая, с белокурыми волосами, мотнула головой.

– Почему? – спросила первая.

– Потому что сейчас он – йог, – ответила блондинка.

Обе девушки одновременно заглянули в свои стаканы, потом допили то, что в них осталось, и отбыли вместе, грациозные, как две пантеры, прогуливающиеся в джунглях.

– Ты слышала? – спросил Майкл Лауру.

– Да. – Она рассмеялась.

Майкл заказал бармену два виски и улыбнулся Арни, автору «Последней весны». Арни продолжал молча сверлить их взглядом, изредка поднося чашку ко рту. Получалось у него очень элегантно, хотя рука и дрожала.

– Если его сбивают, – говорил мужчина в костюме из синей саржи, – если его сбивают с ног, рефери должен остановить бой, чтобы избежать лишних травм.

Арни огляделся, улыбнулся, протянул бармену чашку и блюдце:

– Пожалуйста, еще чаю.

Бармен наполнил чашку ржаным виски. Арни вновь огляделся, прежде чем взять чашку.

– Привет, Уайтэкр. С Новым годом, миссис Уайтэкр. Майкл, ведь ты не скажешь Фелис, не так ли?

– Нет, – ответил Майкл. – Не скажу.

– Слава Богу. У Фелис несварение желудка. Она в сортире уже час. Она не разрешает мне пить даже пиво. – Драматург говорил осипшим голосом, язык у него уже заплетался от выпитого, но он продолжал жаловаться на судьбу. – Даже пиво. Можешь себе такое представить? Поэтому я ношу с собой эту чашку. С расстояния в три фута невозможно понять, что я из нее пью – чай или что-нибудь покрепче. В конце концов, – он поднес чашку ко рту, – я взрослый человек. Фелис хочет, чтобы я написал еще одну пьесу. – Тут в голосе Арни прибавилось воинственности. – Только потому, что она – жена моего продюсера, Фелис полагает себя вправе выбивать стакан из моей руки. Это унижительно. Нельзя так унижать мужчину моего возраста. – Он повернулся к здоровяку в костюме из синей саржи. – Вот мистер Пэрриш пьет, как рыба, и никто его не унижает. Все только говорят: «Как это трогательно: Фелис отдает

себя всю без остатка этому пьянице Уоллесу Арни». Меня это не трогает. Мистер Пэрриш и я знаем, почему она это делает. Не так ли, мистер Пэрриш?

– Конечно, дружище, – ответил здоровяк в синем костюме.

– Причина в экономике. Как и везде. – Арни вскинул руку с чашкой, пролив виски на рукав Майкла. – Мистер Пэрриш – коммунист, и он знает. Базис любого человеческого деяния – жадность. Откровенная жадность. Если б они не надеялись, что могут получить от меня еще одну пьесу, они бы не сказали ни слова, поселись я на винокурне. Я мог бы купаться в текиле или абсенте, но услышал бы от них: «Поцелуй меня в задницу, Уоллес Арни». Извините меня, миссис Уайтэкр.

– Все нормально, – улынулась Лаура.

– У тебя очень красивая жена, – продолжил Арни. – Очень красивая. Здесь о ней сегодня говорили. Я слышал. Очень хвалили. Очень. На этой вечеринке у нее есть несколько старых друзей. Не так ли, миссис Уайтэкр?

– Так.

– У каждого среди гостей найдется несколько старых друзей. Такие уж нынче вечеринки. Современное общество. Змеиное гнездо в зимней спячке, все переплелись друг с другом. Вот он – сюжет моей следующей пьесы. Только я ее не напишу. – Он сделал большой глоток. – Прекрасный чай. Не говорите Фелис. – Майкл взял Лауру за руку, собираясь уйти. – Не уходи, Уайтэкр, – повернулся к нему Арни. – Я знаю, тебе со мной скучно, но не уходи. Я хочу поговорить с тобой. О чем ты хочешь поговорить? Хочешь поговорить об искусстве?

– Как-нибудь в другой раз, – ответил Майкл.

– Я понимаю, ты очень серьезный молодой человек. – Арни упрямо гнул свое. – Давай поговорим об искусстве. Как прошла сегодня моя пьеса?

– Нормально.

– Нет, я не хочу говорить о своей пьесе. Я же сказал: искусство, и я знаю, что ты думаешь о моей пьесе. Весь Нью-Йорк знает, что ты думаешь о моей пьесе. Ты слишком часто разеваешь рот, и, будь моя воля, я бы давно тебя уволил. Я хорошо к тебе отношусь, но я бы тебя уволил.

– Ты пьян, Уолли.

– Я недостаточно глубок для тебя. – Светло-синие глаза Арни слезились, нижняя губа, полная и влажная, дрожала. – Доживи до моих лет, Уайтэкр, и попытайся не всплыть на поверхность.

– Я уверена, что ваша пьеса очень нравится Майклу, – попыталась Лаура успокоить Арни, но нарвалась на грубость.

– Вы восхитительно красивая женщина, миссис Уайтэкр, и у вас много друзей, но, пожалуйста, заткните пасть.

– Почему бы тебе где-нибудь не полежать? – предложил Майкл.

– Давай вернемся к теме. – Арни с воинственным видом обратился к Майклу. – Я знаю, что ты говоришь на вечеринках. «Арни – глупый и старый, отработанный материал. Арни пишет о людях, которые жили в 1929 году, языком 1829 года». Это не смешно. Критиков мне и так хватает. Почему я должен платить им из своих денег? Не люблю я молодых снобов, Уайтэкр. Ты уже не так молод, чтобы ходить в молодых снобах.

– Послушай, дружище... – подал голос здоровяк в синем саржевом костюме.

– Вот ты с ним поговори. – Арни ткнул пальцем в грудь здоровяка. – Он тоже коммунист. Поэтому я недостаточно глубок для него. Для того чтобы набраться глубоких мыслей, ему достаточно платить по пятнадцать центов в неделю за «Нью массес»¹¹. – Он с любовью обнял Пэрриша за плечо. – Вот каких коммунистов я люблю, Уайтэкр. Как мистер Пэрриш. Мистер

---

¹¹ Общественно-политический журнал марксистской ориентации, издававшийся в США в 20–30-е годы.

Загорелый Пэрриш. Он загорел в солнечной Испании. Он поехал в Испанию, в него стреляли в Мадриде, он собирается вернуться в Испанию и готов там умереть. Не так ли, мистер Пэрриш?

– Конечно, дружище.

– Таких коммунистов я люблю, – повторил Арни. – Мистер Пэрриш сейчас в Америке, чтобы добыть денег и найти добровольцев, которые согласны на то, чтобы в них стреляли в Испании. Вместо того чтобы ходить с глубокомысленным видом на все эти идиотские вечеринки в Нью-Йорке, почему бы тебе не отправиться в Испанию с мистером Пэрришем, а, Уайт-экр?

– Если ты не замолчишь... – начал Майкл, но тут высокая седая женщина с властным лицом вклинилась между ними и без единого слова выбила чашку из руки Арни. Драматург бросил на нее злобный взгляд, но тут же нервно улыбнулся, втянул голову в плечи и уставился в пол.

– Привет, Фелис, – промямлил он.

– Уйди от стойки! – приказала Фелис.

– Мне захотелось выпить чаю. – Арни, волоча ноги, двинулся прочь, толстый, старый, с всклокоченными седыми волосами.

– Мистер Арни не пьет, – сурово бросила Фелис бармену.

– Да, мэм, – кивнул тот.

– Господи! – Фелис повернулась к Майклу. – Я готова его убить. Страсть Арни к спиртному сводит меня с ума. А в принципе он очень хороший человек.

– Очаровательный, – согласился Майкл.

– Он вел себя ужасно? – озабоченно спросила Фелис.

– Да нет же.

– Скоро его никуда не станут приглашать, все будут сторониться его...

– С чего вы это взяли?

– Даже если до этого не дойдет, пьянство его губит, – грустно вздохнула Фелис. – Он сидит в своей комнате, как бирюк, и говорит всем, кто его слушает, что он – отработанный материал. Я думала, вечеринка пойдет ему на пользу, я смогу приглядывать за ним. – Она пожала плечами, глядя вслед удаляющемуся Арни. – Некоторым людям надо отрубать кисти рук, когда они тянутся к первому стакану. – Фелис подобрала юбки, как было принято в стародавние времена при королевском дворе, и, шурша тафтой, последовала за драматургом.

– Думаю, мне надо выпить, – изрек Майкл.

– Мне тоже, – поддержала его Лаура.

– Дружище, – добавил мистер Пэрриш.

Они молчали, пока бармен наполнял стаканы.

– Злоупотребление алкоголем, – заговорил мистер Пэрриш хорошо поставленным голосом проповедника, изучая содержимое своего стакана, – главное и единственное отличие, возносящее человека над животными.

Все рассмеялись. Майкл, прежде чем поднести стакан к губам, поднял его, салютуя Пэрришу.

– За Мадрид, – предложил тост Пэрриш; правда, тон его был очень уж будничным.

– За Мадрид, – с придыханием, хрипловато повторила Лаура.

Майкл замялся, поскольку иной раз действительно спрашивал себя, а почему он не в Испании, но присоединился к остальным.

– За Мадрид.

Они выпили.

– Когда вы вернулись? – спросил Майкл, пересиливая себя. Ему было неловко задавать такие вопросы.

– Четыре дня назад. – Пэрриш вновь отпил из стакана. – В этой стране отличное спиртное. – Он улыбнулся. Пил Пэрриш без перерыва, каждые пять минут наполняя стакан; лицо его все больше наливалось краской, но в остальном количество выпитого никак не сказывалось.

– А когда вы уехали из Испании?

– Две недели назад.

Две недели назад, подумал Майкл, этот человек был там, на замерзших дорогах, с холодной винтовкой в руках, под проносящимися на бреющем полете самолетами, среди новых могил. А теперь вот он стоит рядом, в синем саржевом костюме, словно водитель грузовика на собственной свадьбе, в стакане дребезжат кубики льда, люди вокруг говорят о последнем фильме, высказывают свое мнение и ссылаются на критиков, обсуждают, чем объясняется привычка ребенка спать с кулачком, прижатым к глазам, а мужчина с гитарой наигрывает псевдоюжные баллады в углу большой комнаты, устланной толстым ковром, в квартире, принадлежащей очень богатым людям и расположенной на двенадцатом этаже хорошо охраняемого здания. Человек в синем саржевом костюме стоит под женщиной с тремя грудями, а из окон квартиры открывается прекрасный вид на парк. И вскоре этому человеку предстоит отправиться в доки, которые тоже видны из окна, чтобы сесть на корабль и отплыть в Европу. Не было на этом человеке отметин тех трудностей, которые он уже пережил, а его добродушная, дружелюбная манера поведения никоим образом не указывала на другие трудности, которые ожидали его впереди.

Человечество на удивление многолико, думал Майкл. Ведь этот мужчина значительно старше, чем он, Майкл, жизнь у него, несомненно, была куда труднее, однако он побывал там, знает, что такое длинные марши и пропитанная кровью земля. Он убивал и рисковал своей жизнью, а вернулся в Америку для того, чтобы вновь пойти навстречу опасности... Майкл мотнул головой, презирая себя за нерешительность, сожалея о том, что оказался на одной вечеринке с таким вот Пэрришем, который служит ему живым укором.

– ...Деньги – это важно, – тем временем говорил Пэрриш Лауре. – Деньги и политическое давление. У нас много людей, которые готовы сражаться. Но британское правительство конфисковало все золото республиканцев, находящееся в Лондоне, и Вашингтон, по существу, встал на сторону Франко. Нам приходится тайком пробираться в Испанию, поэтому деньги нужны на взятки и на переезд в Европу. Вот почему как-то раз, когда мы лежали в окопах у Университетского городка и было так холодно, что пальцы едва не превращались в сосульки, ко мне подошли и сказали: «Пэрриш, дружище, ты тратишь патроны впустую и еще не убил ни одного фашиста. Вот мы и решили, поскольку красноречия тебе не занимать, ты должен вернуться в Штаты и рассказывать там захватывающие дух, выбивающие слезу истории о героях бессмертной Интернациональной бригады, находящейся на переднем крае борьбы с фашизмом. А назад возвращайся с набитыми деньгами карманами». Теперь я встречаюсь с американцами и даю волю воображению и языку. Не проходит и нескольких минут, как людей переполняют эмоции, а их щедрость не знает границ. Поскольку деньги льются рекой, а все женщины готовы лечь под героя-интернационалиста, я, должно быть, нашел свое истинное место в борьбе за свободу. – Он улыбнулся, сверкнув вставными зубами, и протянул бармену пустой стакан. – Хотите послушать какую-нибудь кровавую историю об этой ужасной войне за свободу, раздирающей Испанию?

– Нет, – ответил Майкл, – особенно после такого вступления.

– Правда, – Пэрриш разом протрезвел, улыбка исчезла с его лица, – страшнее любой из этих историй. – Он отвернулся от Майкла, оглядел комнату. И впервые в этих холодных, оценивающих глазах Майкл смог разглядеть малую толику того, что пришлось пережить Пэрришу. – Молодые парни, приехавшие за пять тысяч миль, с изумлением осознают, что умирают, прямо здесь, взаправду, с пулей в животе. Французы закрыли границу и только за взятки разрешают людям пешком, с кровавыми мозолями на ногах, пересечь Пиренеи в разгар зимы.

Везде взяточники, мошенники, предатели. В порту. В штабах. В батальоне и в роте. На передовой. Хорошие парни видят, как после взрыва снаряда от их приятелей остаются одни ошметки, и говорят: «Должно быть, я допустил ошибку. Из Дартмута война виделась иначе».

Невысокая пухленькая женщина лет сорока, в розовом, как у школьницы, платье, подошла к бару и взяла Лауру за руку.

– Лаура, дорогая, я тебя повсюду ищу. Твоя очередь.

– Ой, – Лаура повернулась к блондинке, – извини, что заставила ждать, но мистер Пэрриш такой интересный человек.

Майкла от слова «интересный» слегка передернуло. Мистер Пэрриш лишь плотоядно улыбнулся обеим дамам.

– Я вернусь через несколько минут, – пообещала Лаура Майклу. – Синтия предсказывает судьбу женщинам, и теперь моя очередь.

– Посмотрите, нет ли в вашем будущем сорокалетнего ирландца со вставными зубами, – обратился к ней Пэрриш.

– Я обязательно спрошу об этом, – со смехом ответила Лаура и ушла под руку с гадалкой. Майкл наблюдал, как она с подчеркнуто прямой спиной, сексуально покачивая бедрами, пересекает комнату, и заметил, что еще двое мужчин не менее пристально смотрят ей вслед. Высокий, симпатичный Дональд Уэйд и некий Толбот. Обоих Лаура называла своими экс-боями. Их постоянно приглашали на те же вечеринки, что и Уайтэкров. Майкл знал наверняка, что раньше у Лауры с каждым из них был роман, теперь же Лаура пыталась убедить мужа, что она больше не имеет с ними никаких дел. Внезапно эта идиотская ситуация вызвала у Майкла приступ злобы, но он прекрасно понимал, что ничего поделать не может.

– Женщины Америки, – говорил Пэрриш, – бальзам для мужской мошонки.

Майкл не мог не рассмеяться, а Пэрриш позволил себе сухо улыбнуться.

– Давай выпьем, – предложил Майкл.

– Дружище, – откликнулся Пэрриш.

И оба поставили свои стаканы перед барменом.

– Когда вы возвращаетесь? – спросил Майкл.

Пэрриш огляделся, на его открытом лице появилось тревожное выражение.

– Трудно сказать, дружище, – прошептал он. – Не стоит об этом говорить. Государственный департамент, знаете ли... И у фашистов везде шпионы. Мне вот пришлось скрывать, что я американец, и в Интернациональную бригаду я завербовался как представитель другой страны. Держи это при себе, дружище, но, думаю, через месяц-полтора...

– Вы поедете один?

– Не думаю, дружище. Возьму с собой маленький отряд парней. – Улыбка его стала шире. – Интернациональная бригада – быстро растущий концерн. – Пэрриш задумчиво оглядел Майкла, и тот понял, что ирландец оценивает его, пытается понять, что делает Майкл на этой вечеринке, зачем в сшитом по последней моде костюме толчется в этой роскошной квартире, почему в руках у него полный стакан, а не автомат.

– Вы рассчитываете на меня? – спросил Майкл.

– Нет, дружище. – Пэрриш потер щеку.

– Вы возьмете мои деньги?

– Деньги я возьму даже у папы римского, – с ухмылкой ответил Пэрриш.

Майкл достал бумажник. Ему недавно заплатили, и у него еще оставались деньги от бонуса. Он сунул купюры в руку Пэрриша. Семьдесят пять долларов.

– Надеюсь, вам осталось на такси, дружище. – Пэрриш небрежно сунул деньги в боковой карман пиджака и хлопнул Майкла по плечу. – С вашей помощью мы убьем пару мерзавцев.

– Спасибо. – Майкл убрал бумажник. Больше говорить с Пэрришем ему не хотелось. – Вы еще побудете в баре?

– Есть в этом доме приличный бордель? – спросил Пэрриш.

– Нет.

– Тогда побуду здесь.

– Еще увидимся. – Майкл взмахнул рукой. – Пойду поброжу.

– Конечно, дружище. Спасибо за бабки.

– Используйте их по назначению, дружище.

– Конечно, дружище. – И Пэрриш вернулся к своему стакану; его широкие, обтянутые синей саржей плечи резко выделялись среди обнаженных плеч женщин и шелковых лацканов смокингов мужчин.

Майкл направился к группе гостей в углу комнаты. Еще до того, как он добрался туда, Майкл поймал обращенный на него взгляд Луизы и ее улыбку. Если следовать терминологии Лауры, Луиза была его экс-герл, только отношения между ними не прерывались. Луиза уже вышла замуж, но они продолжали встречаться, иногда часто, иногда реже. Майкл, конечно, понимал, что ведет себя аморально, не желая рвать давнюю связь, но Луиза, миниатюрная, темноволосая, умненькая, очень нежная и нетребовательная, по праву считалась одной из первых красавиц Нью-Йорка. Иногда зимними вечерами, когда они лежали рядом в чужой кровати в квартире, которую на день-другой уступили им какие-нибудь друзья, Луиза вздыхала, глядя в потолок, и говорила: «Как же хорошо! Но, наверное, придется ставить точку». Однако ни она, ни Майкл не воспринимали эту идею всерьез.

Луиза стояла рядом с Дональдом Уэйдом. На мгновение перед мысленным взором Майкла возникли слившиеся воедино Лаура и Уэйд, но видение это исчезло, как только он поцеловал Луизу и поздравил ее с Новым годом.

Уэйду он пожал руку, в который уж раз задавшись вопросом, отчего мужчина должен демонстрировать дружеские чувства в отношении бывших любовников своей жены.

– Привет. – Луиза заглянула ему в глаза. – Давно тебя не видела. Ты отлично смотришься в новом костюме. А где миссис Уайтэкр?

– Ей предсказывают судьбу, – ответил Майкл. – Прошное у нее не из плохих. Но теперь ее волнует будущее. А где твой муж?

– Не знаю. – Луиза неопределенно взмахнула рукой и одарила Майкла только ему понятной улыбкой. – Где-то здесь.

Уэйд поклонился и отошел. Луиза проводила его взглядом.

– Раньше он встречался с Лаурой?

– Не сыпь мне соль на рану.

– Просто хотела узнать.

– В этой комнате полно мужчин, которые раньше встречались с Лаурой. – Майкл оглядел гостей. Уэйд, Толбот, долговязый актер по фамилии Морен, который снимался в одном из фильмов Лауры. Их имена как-то появились рядом в колонке светской хроники одной крупной лос-анджелесской газеты, и Лаура позвонила в Нью-Йорк ранним утром, чтобы заверить Майкла, что это была официальная вечеринка, устроенная студией. При желании он мог продолжить список.

– В этой комнате, – глаза Луизы затуманились, – полно женщин, которые раньше встречались с тобой, Майкл. Или «раньше» лучше опустить?

– На нынешних вечеринках слишком много народу. Я больше не буду на них ходить. Есть здесь место, где мы могли бы посидеть в тишине, держась за руки?

– Скорее да, чем нет. – Луиза взяла его за руку и повела через холл, где тоже толпились гости, в другой конец квартиры. Открыв одну из дверей, заглянула в комнату. Свет в ней не горел, и Луиза знаком предложила Майклу последовать за ней.

Они переступили порог, тихонько закрыли за собой дверь и сели на маленький диванчик. После яркого света других комнат Майкл поначалу ничего не видел. Он закрыл глаза, удовлетворенно вздохнул и почувствовал, как Луиза прижалась к нему и нежно поцеловала в щеку.

– Тут тебе больше нравится? – спросила она.

В другом конце комнаты заскрипела кровать, и теперь, когда его глаза привыкли к сумраку спальни, Майкл увидел, как какой-то человек привстал на постели и потянулся к столу, стоящему между двумя кроватями. Послышалось характерное позвякивание чашки о блюде. Человек взял чашку и поднес ко рту.

– Унижение. – Это единственное слово человек произнес в промежутке между двумя длинными глотками, но и одного слова хватило, чтобы Майкл узнал усевшегося на кровати Арни. Тот наклонился вперед, едва не свалившись на пол, и устался на вторую кровать.

– Томми, – позвал Арни. – Томми, ты проснулся?

– Да, мистер Арни, – сонно ответил десятилетний мальчик, сын Джонсонов, которые принимали у себя гостей.

– С Новым годом, Томми.

– С Новым годом, мистер Арни.

– Не хотел беспокоить тебя, Томми, но мне приелось общество взрослых, вот я и пришел сюда, чтобы поздравить с Новым годом новое поколение.

– Премного вам благодарен, мистер Арни.

– Томми...

– Да, мистер Арни? – Томми уже окончательно проснулся.

Майкл чувствовал, что Луиза едва сдерживает смех. Он понимал, что ситуация действительно презабавная, но его злило, что нужно сидеть в темноте и молчать.

– Томми, рассказать тебе историю?

– С удовольствием послушаю, мистер Арни.

– Тогда попробую... – Арни вновь отпил из чашки, звякнул фарфор. – Попробую... Я не знаю историй для детей.

– Расскажите любую. На прошлой неделе я прочитал «Тощего человека».

– Хорошо, – с пафосом заявил Арни. – Я расскажу тебе историю, не предназначенную для ушей ребенка. Историю моей жизни.

– Вас когда-нибудь били по голове рукояткой револьвера сорок пятого калибра? – спросил Томми.

– Не перебивай меня, Томми, – раздраженно бросил драматург. – Если меня и били по голове рукояткой револьвера сорок пятого калибра, ты узнаешь об этом в должное время.

– Извините, мистер Арни. – В вежливом голосе Томми слышалась обида.

– Пока мне не исполнилось двадцать восемь лет, я считался подающим надежды... – начал Арни.

Майкла передернуло. Не хватало еще услышать исповедь драматурга. Но Луиза нежно сжала его руку, и Майкл смирился.

– Я получил образование в хороших школах, Томми, как нынче принято писать в романах. Учился прилежно и узнавал цитаты из всех английских поэтов. Хочешь выпить, Томми?

– Нет, благодарю вас. – Томми уже сидел, не сводя глаз с Арни.

– Ты, должно быть, слишком молод, чтобы помнить рецензии на мою первую пьесу, Томми. «Жердь и коротышка». Сколько тебе лет, Томми?

– Десять.

– Слишком молод. – Чашка в очередной раз звякнула о блюде. – Я бы мог процитировать некоторые из этих рецензий, но едва ли тебе это интересно. Однако упомяну, что меня сравнивали со Стриндбергом и О'Нилом. Ты слышал о Стриндберге, Томми?

– Нет, сэр.

– И чему только в наши дни учат детей в школе? – сердито воскликнул Арни, глотнув виски. – Итак, история моей жизни, – продолжил он уже более спокойно. – Меня принимали в лучших домах. Я подписывал чеки в четырех самых дорогих ресторанах Нью-Йорка. Мои фотографии неоднократно публиковали в газетах. Меня приглашали выступить на торжественных приемах и обедах. Я перестал разговаривать со всеми своими прежними друзьями, и у меня словно гора с плеч упала. Я поехал в Голливуд и долгое время зарабатывал по три с половиной тысячи долларов в неделю, и было это до введения подоходного налога. Там я пристроился к бутылке, Томми, и женился на женщине, у которой был дом в Антибе, это во Франции, и пивоварня в Милуоки. В 1931 году я бросил эту женщину ради ее лучшей подруги и в этом ошибся, потому что дама была костлява, как горная форель...

Арни шумно отхлебнул виски. Майкл понимал, ему не остается ничего другого, как сидеть в темноте и надеяться, что драматург не заметит его присутствия.

– Люди говорят, – в голосе Арни зазвучали ностальгические нотки, – что я оставил свой талант в Голливуде, Томми. И вот что я тебе скажу: если уж талант придется оставить, то лучше всего оставлять его именно там. Но я им не верю, Томми. Я отработанный материал, и все меня избегают. Я не иду к врачу. Зачем? Я и так знаю диагноз. Врач только подтвердит, что жить мне осталось шесть месяцев. Мою последнюю пьесу запретили бы к постановке в штате с достаточно строгими законами, но причина не в Голливуде. Я слабый, интеллигентный человек, Томми, а наш век не приспособлен для слабых, интеллигентных людей. Вот тебе мой совет, Томми. Вырастай глупым. Глупым и сильным.

Арни тяжело поднялся с кровати, его силуэт, который Майкл видел в тусклом свете, падающем из окна, качался из стороны в сторону.

– Только не подумай, что я жалуюсь, Томми. – Голос Арни стал громким, а тон – сварливым. – Я старый пьяница, и все надо мной смеются. Я разочаровал всех, кто меня знал. Но я не жалуюсь. Если бы мне дали шанс прожить жизнь заново, я бы прожил ее точно так же. – Арни взмахнул руками, чашка и блюдо полетели на ковер и разбились, но он этого не заметил. – Только в одном, Томми, только в одном я бы поступил иначе. – Арни выдержал театральную паузу. – Я бы... – Он замолчал. – Нет, Томми, ты слишком молод.

Арни повернулся и, давя ботинками осколки блюда, направился к двери. Томми снова лег. Арни прошествовал мимо Майкла и Луизы, распахнул дверь. Свет залил спальню, и Арни их увидел.

– Уайтэкр, – проворковал он. – Уайтэкр, старина, как насчет того, чтобы оказать мне маленькую услугу? Сходи на кухню, Уайтэкр, старина, возьми чашку и блюдо и принеси мне. Какой-то сукин сын разбил мои.

– Конечно. – Майкл встал, Луиза поднялась вслед за ним. – Томми, – он повернулся к мальчику, – а ты спи.

– Да, сэр, – сонно ответил Томми.

Майкл вздохнул, закрыл за собой дверь и отправился на поиски чашки и блюда.

Остаток ночи навсегда впечатался в память Майкла. Правда, потом он не мог вспомнить, когда договорился встретиться с Луизой, то ли во вторник, то ли в среду, забыл, что нагадали Лауре: распадется их брак или нет. Но он запомнил, как Арни появился в другом конце комнаты, улыбающийся, с текущим изо рта на подбородок виски. Чуть склонив голову, словно у него болела шея, Арни достаточно твердой походкой пересек комнату и остановился рядом с Майклом, перед высоким французским окном. А потом внезапно открыл окно и уже шагнул вперед, но его пиджак зацепился за торшер. Арни освободил пиджак и вновь повернулся к распахнутому окну. Майкл смотрел на него, понимая, что должен рвануться к нему, схватить за плечи, оттащить от окна. Он уже двинулся к драматургу, но очень медленно, словно сопро-

тивление воздуха возросло в тысячу раз. Майкл знал, что надо прибавить скорость, иначе ему не успеть – Арни шагнет из окна и полетит вниз, на асфальт.

Тут Майкл услышал быстрые шаги. Мужчина проскочил мимо него и схватил драматурга в охапку. Две фигуры на мгновение застыли на фоне ночных огней Нью-Йорка и облаков, подсвеченных красным неоновым рекламой. Потом кто-то захлопнул окно, и опасность миновала. Только тут Майкл увидел, что Арни держит за плечи Пэрриш. Он стоял у стойки, но успел пробежать полкомнаты и спасти драматурга от неминуемой смерти.

Лаура бросилась в объятия Майкла, и из ее глаз хлынули слезы. Его злило, что в такой момент она выставляет напоказ свою беспомощность, показывает всем, как нуждается в опоре, но он радовался, что может злиться на нее, поскольку эта злость отвлекала от более неприятных мыслей. О том, что он потерпел неудачу, продемонстрировал свою полную несостоятельность. Но Майкл понимал, что эти мысли еще вернуться, никуда ему от них не уйти.

Скоро все разошлись, изображая веселье и притворяясь, что Арни выкинул отличную шутку. Арни уже спал на полу. Лечь в кровать он категорически отказался и скатывался с дивана всякий раз, когда его туда укладывали. Пэрриш, улыбающийся, счастливый, вновь обосновался в баре и спрашивал бармена, в каком профсоюзе тот состоит.

Майкл хотел поехать домой, но Лаура заявила, что она голодна, и каким-то образом они оказались в битком набитой машине, где все друг друга знали и сидели друг у друга на коленях, так что Майкл облегченно вздохнул, когда они выгрузились у большого, ослепительно освещенного ресторана.

Уселись они в зале с оранжевыми стенами, разрисованными индейцами, где неопытные официанты, вызванные на подмогу по случаю праздника, метались среди столиков, за которыми теснились те, кому хотелось продлить встречу Нового года. Майкл больше молчал, так как начинал заикаться, когда уставал. Зато он смотрел по сторонам, и рот его кривился в презрении к окружающему миру. Внезапно Майкл обнаружил, что за одним столом с ним сидят Луиза с мужем. И Кэтрин с тремя гарвардскими студентами. И Уэйд, как выяснил Майкл, сидел рядом с Лаурой и держал ее за руку. Пьяный туман по большей части рассеялся, но разболелась голова. Майкл заказал гамбургер и бутылку пива.

Это непристойно, думал он, непристойно. Экс-девочки, экс-мальчики, экс-всякие и разные. Во вторник он встречается с Луизой или в среду? А в какой день Уэйд встречается с Лаурой? Змеиное гнездо в зимней спячке, сказал Арни. Конечно, Арни – спившийся, несчастный человек, но ведь он сказал правду. Понятие чести забыто... Мартини, пиво, бренди, виски, и в алкоголе тонут порядочность, верность, мужество, решительность. Пэрриш – единственный, кто метнулся через всю комнату. Автоматически среагировал на опасность. Майкл стоял рядом, у самого окна, но успел подойти разве что на шаг. Не на шаг – на шагок. Так и остался стоять, слишком толстый, слишком много выпивший, слишком занятый собой, с женой, которая стала для него незнакомкой, изредка приезжающей на неделю из Голливуда, которая говорит только о себе и занимается бог знает чем с другими мужчинами в теплые калифорнийские вечера, напоенные ароматом апельсиновых деревьев, тогда как его самого все дальше и дальше уносит от юности, он выбирает легкие пути, зарабатывает легкие деньги, всем доволен, не способен на решительный шаг... Ему уже тридцать лет, и наступил 1938 год. Надо что-то делать, если только он не хочет, как Арни, шагнуть в окно.

Майкл поднялся, пробормотал: «Извините», – вылез из-за стола и направился в мужской туалет. Надо что-то делать, говорил он себе, надо что-то делать. Развестись с Лаурой, вернуться к здоровому образу жизни, какой он вел в двадцать лет, всего десять лет назад, когда честь была в чести, а встречая новый год, не надо было мучительно стыдиться года уходящего.

По лестнице из нескольких ступенек Майкл спустился к мужскому туалету. Начинать надо прямо сейчас. На десять минут подставить голову под ледяную струю, смыть пот, пьяный румянец. Мозги прочистятся, и он сможет взглянуть на новый год ясными глазами.

Майкл открыл дверь в туалет, подошел к ряду раковин, с отвращением взглянул на свое отражение в зеркале: помятое лицо, бегающие глаза, слабый, нерешительный рот. Он вспомнил, как выглядел в двадцать лет. Крепкий, сухощавый, энергичный, не признающий компромиссов... Он чувствовал, что то лицо никуда не делось, оно осталось, только спрятано под этой неприятной маской, которая смотрит на него из зеркала. Он найдет свое прежнее лицо, очистит его от того дурного, что накопилось за последние десять лет.

Майкл нагнулся над раковиной, плеснул ледяной водой в глаза и на щеки. Вытерся, кожу приятно пощипывало. Освежившись, он твердым шагом вышел из туалета, чтобы присоединиться к тем, кто сидел за большим столом в центре шумного зала.

Глава 3

На западной оконечности Америки, в приморском городе Санта-Моника, среди широких улиц и разлапистых пальм старый год уходил в плотной пелене серого тумана, клубящегося над маслянистой поверхностью воды, над волнами, которые бились о мокрый берег. Туман обволакивал ларьки для продажи хот-догов, закрытые на зиму, укутывал особняки кинозвезд и прибрежное шоссе, ведущее к Мексике и в штат Орегон.

Люди покинули улицы, оставив их туману, словно канун Нового года нес с собой страшные беды, которых местное население пыталось избежать, оставаясь в своих домах, пока опасность не минует их город. Тут и там сквозь мглу влажно поблескивали фонари, на некоторых улицах туман подсвечивался красным неонам. Цвет этот стал неотъемлемой частью ночной Америки. Мерцающие красные трубки рекламировали рестораны, кафе, кинотеатры, отели, закусочные, но в тихую, печальную ночь они предвещали трагедию, беду, словно человеческим существам давалась возможность заглянуть в будущее и там, сквозь серые покачивающиеся занавеси, они видели кровь и смерть.

Неоновая вывеска отеля «Вид на море», из окон которого никогда, даже в самые ясные дни, не представлялось возможным увидеть океан, добавляла ядовитой красноты в туман, повисший у окна Ноя. Свет этот проникал в номер, касался влажной штукатурки стен, литографии с изображением Йосемитских водопадов, висевшей над кроватью. Отблески красного падали на лежащую на высокой подушке голову спящего отца Ноя, на крупный нос с хищно изогнутыми ноздрями, глубоко запавшие глаза, высокий лоб, усы и вандейковскую бородку. Такая борода в фильме была бы очень к лицу какому-нибудь полковнику из Кентукки, но казалась нелепой и совершенно неуместной здесь, в дешевом номере отеля, где умирал старый еврей.

Ной с удовольствием бы почитал, но он не решался зажечь свет, не хотелось будить отца. Он попытался заснуть, сидя на обитом жесткой материей стуле, но тяжелое дыхание отца, неровное, с хрипами, не позволяло сомкнуть глаз. Доктор сказал Ною, что Яков умирает. Это же говорила и та женщина, которую его отец отослал прочь в новогоднюю ночь, вдова... какая же у нее фамилия?... ага, Мортон... но Ной им не поверил. По просьбе отца миссис Мортон отправила ему телеграмму в Чикаго с просьбой прибыть немедленно. Ной продал свое пальто, пишущую машинку и большой чемодан, чтобы купить билет на автобус. Он просидел всю дорогу и приехал в Санта-Монику сам не свой от усталости, чтобы присутствовать при великой сцене.

Яков расчесал волосы и бороду и восседал на кровати, словно Иов, спорящий с Богом. Он поцеловал миссис Мортон, которой уже перевалило за пятьдесят, и отослал ее, пророкотав хорошо поставленным актерским голосом: «Я хочу умереть на руках своего сына. Я хочу умереть среди евреев. Поэтому давай прощаемся».

Так Ной впервые услышал, что миссис Мортон – не еврейка. Она плакала, и все происходящее напоминало Ною второй акт еврейской пьесы, какие ставят в Нью-Йорке на Второй авеню. Но Якова не тронули вдовьи слезы, и миссис Мортон ушла. Ее замужняя дочь увезла плачущую вдову в Сан-Франциско, к себе домой. Ной остался с отцом один в маленьком номере с единственной кроватью, в отеле «Вид на море», расположенном на узкой улочке в полумиле от зимнего океана.

Каждое утро на несколько минут заходил врач. Кроме него, Ной не видел ни единой души. В городе он никого не знал. Отец настаивал на том, чтобы сын не отходил от его кровати ни днем, ни ночью, и Ной спал на полу у окна на комковатом матрасе, который с неохотой дал ему управляющий отелем.

Глубоко вдохнув пропитанный запахами лекарств воздух, Ной прислушался к тяжелому, прерывистому дыханию отца. Он решил, что отец проснулся и специально так дышит, натужно, с превеликим трудом.

Не потому, что иначе дышать отец не может. Просто он полагал, что, если человек при смерти, каждый вздох должен служить тому доказательством. Ной пристально вгляделся в величественную, совсем как у библейского пророка, голову отца, возлежащую на темной подушке рядом с целой армией поблескивающих пузырьков с лекарствами. И вновь не смог подавить раздражение, поднимающееся при виде этих кустистых бровей, этой густой волнистой гривы волос, которые отец, по твердому убеждению Ноя, тайком обесцвечивал, добиваясь благородной седины, этой седой бородки на худых челюстях аскета. Ну почему, спрашивал себя Ной, почему этот человек из всех сил старается выглядеть как иудейский царь, прибывший с визитом в Калифорнию? Все было бы по-другому, если бы и образ жизни соответствовал облику... Но со всеми женщинами, которые прошли через руки Якова за его долгую и бурную жизнь, со всеми банкротствами, деньгами, которые он занимал, но не возвращал, кредиторами, разбросанными по всему свету от Одессы до Гонолулу... Должно быть, кто-то решил сыграть с человечеством злую шутку, даровав отцу Ноя внешность Моисея, спускающегося с горы Синай с каменными скрижалями в руках.

– Поспеши, – Яков открыл глаза, – поспеши, о Боже, и прими меня к себе. Поспеши и помоги мне, о Господи.

Эта привычка раздражала Ноя ничуть не меньше. Хотя Яков был атеистом, он знал Библию наизусть, как на древнееврейском, так и на английском, и постоянно пересыпал свою речь длинными цитатами.

– Прими меня, о мой Бог, из руки злобной, из руки несправедного и жестокого человека. – Яков повернул голову к стене, его глаза закрылись.

Ной поднялся со стула, подошел к кровати, подтянул одеяло к шее отца. Яков никак не отреагировал. Ной постоял, глядя на отца, прислушиваясь к его дыханию, потом повернулся и отошел к окну. Открыв его, Ной втянул в себя влажный воздух, насыщенный соленым запахом океана. По улице, меж растущих вдоль мостовой пальм, на большой скорости пронесся автомобиль. Водитель нажал на клаксон, празднуя Новый год. И звук, и сам автомобиль растворились в тумане.

Хорошенькое местечко, помимо своей воли подумал Ной. Просто роскошное местечко, лучшего для празднования Нового года не придумать! От порыва холодного ветра по его телу пробежала дрожь, но окно он закрывать не стал. В Чикаго Ной работал делопроизводителем в фирме «Товары – почтой» и, откровенно говоря, порадовался возможности уехать в Калифорнию, пусть и для того, чтобы проводить отца в последний путь. В Калифорнии сейчас, должно быть, яркое солнце, теплый песок, деревья в садах, лениво сбрасывающие листву, красивые девушки... Ной мрачно усмехнулся, оглядев пустынную улицу.

Дождь лил всю неделю. И его отец растягивал сцену прощания до бесконечности. У Ноя осталось только семь долларов, и он выяснил, что кредиторы наложили арест на фотостудию отца. Даже при самом хорошем раскладе, если бы все ушло по самым высоким ценам, они надеялись получить тридцать центов на каждый одолженный Якову доллар. Ной прогулялся к этой маленькой, убогой студии на берегу океана, заглянул в нее сквозь пыльную стеклянную панель запертой двери. Его отец специализировался на высокохудожественных, мастерски отретушированных портретах молодых женщин. Местные красавицы, задрапированные в темный бархат, смотрели на Ноя сверкающими, как звезды, глазами. Этот бизнес его отец возрождал вновь и вновь, то в одном конце страны, то в другом. Этот бизнес доконал мать Ноя. Такие фотостудии появляются на летний сезон, несколько месяцев процветают, а потом исчезают бесследно, оставляя после себя бухгалтерские книги с многочисленными подчистками,

шлейф долгов и кипы фотографий и рекламных объявлений, которые первым делом сжигает в переулке за домом следующий арендатор.

За свою жизнь Якову также довелось продавать участки на кладбище, противозачаточные средства, недвижимость, церковное вино, подержанную мебель, свадебные наряды. Однажды (каким образом – так и осталось загадкой) Яков стал судовым поставщиком в Балтиморе, штат Мэриленд. Ни одно из этих занятий прибыли не принесло. Но всегда – спасибо его раскатистому голосу, архаичной риторике, библейским цитатам, благообразному лицу и бьющей через край энергии – находились женщины, которые компенсировали разницу между тем, что Яков зарабатывал, и тем, что ему в действительности требовалось на жизнь. Детство и юность Ноя, который был единственным ребенком Якова, прошли в бесконечных переездах. Часто его оставляли одного, часто на долгое время отправляли к дальним родственникам или, того хуже, в третьесортные военные школы.

– Они сжигают моего брата Израиля в небесной печи.

Ной вздохнул и закрыл окно. Яков лежал на спине, оцепенев, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами. Ной зажег единственную лампочку, прикрытую абажуром из розовой бумаги. Бумага покрылась подпалинами и при зажженной лампочке добавляла свою ноту в букет запахов, которыми благоухала комната больного.

– Ты что-то хочешь, папа? – спросил Ной.

– Я вижу языки пламени, – вещал Яков. – Я чувствую запах горелой плоти. Я вижу кости моего брата, лопающиеся в огне. Я оставил его, и сегодня он умирает среди иноверцев.

Раздражение горячей волной захлестнуло Ноя. Яков не видел брата тридцать пять лет, он действительно оставил его в России поддерживать отца и мать, когда сам уезжал в Америку. Из всего слышанного Ноем выходило, что Яков презирал брата и они расстались врагами. Но два года назад Якова нашло письмо брата, отправленное из Гамбурга, куда Израиль перебрался в 1919 году. Письмо, полное отчаяния и мольбы. Ной знал, что Яков сделал все что мог: писал бесчисленные прошения в Иммиграционную службу, поехал в Вашингтон и там обивал пороги Государственного департамента.

Ной представлял себе этого бородатого пророка, то ли раввина, то ли шулера, среди сладкоголосых молодых чиновников с дипломами Принстона и Гарварда, переключавших бумажки и пренебрежительно взирающих на просителей из-за полированных столов. Но усилия Якова не дали результата, и единственный отчаянный крик о помощи сменился зловещим молчанием властей Германии. Яков вернулся в Санта-Монику, к солнечным пляжам, фотостудии и пухлой овдовевшей миссис Мортон и более не упоминал о брате. Но сегодня, когда за окном сгустился туман, подсвеченный красным неоновым вывеской отеля, на пороге Нового года, в последние несколько часов жизни (если верить врачу), покинутый брат, не сумевший выбраться из стоящей на пороге войны Европы, вновь возник в помутившемся от болезни сознании Якова.

– Плоть, – рокотал Яков, лежа на смертном одре, – плоть от плоти моей, кость от кости моей, тебя наказывают за грехи тела моего и грехи души моей.

О Боже, думал Ной, глядя сверху вниз на отца, ну почему он не может говорить как обычный человек? Он вещает, словно пастырь на холмах Иудеи, надиктовывающий свои видения секретарю.

– Не улыбайся. – Яков прострелил сына взглядом, его глубоко запавшие глаза ярко сверкнули. – Не улыбайся, сын мой, – брат мой горит и за тебя.

– Я не улыбаюсь, папа. – Ной коснулся ладонью отцовского лба. Кожа была горячей, сухой, шершавой. Ной едва не отдернул руку, такие она вызывала неприятные ощущения.

Но Яков продолжил словесное бичевание:

– Ты стоишь передо мной в дешевой американской одежде, и ты думаешь: «Какое он имеет ко мне отношение? Для меня он незнакомец. Я никогда его не видел, и если он умрет в

печах Европы, что в этом особенного, люди умирают каждую минуту, везде и всюду». Насчет незнакомца ты не прав. Он еврей, и весь мир охотится за ним, и ты еврей, и весь мир охотится за тобой.

Обессилев, Яков закрыл глаза, и Ной подумал, что слова отца тронули бы его, говори тот простым, обычным языком. В конце концов, это так трогательно и трагично: отец, умирая, мучается мыслями о брате, которого, возможно, убивают в пяти тысячах миль от него. Человек, готовый предстать перед Господом, знающий наверняка, что отмеренный ему на земле срок подходит к концу, скорбит о судьбе своего народа, разбросанного по всей планете. И хотя Ной не чувствовал, что происходящее в Европе самым непосредственным образом касается его самого, логика подсказывала, что слова Якова не лишены здравого смысла. Но долгие годы отцовской риторики, его страсть к театральным жестам привели к тому, что монологи Якова не вызывали у сына никаких эмоций. Вот и теперь он смотрел на отца, вслушивался в его тяжелое дыхание и думал: «Святой Боже, старик будет вещать до последнего вздоха».

– Когда я оставил его, – заговорил Яков, не открывая глаз, – когда я покинул Одессу в 1903 году, Израиль дал мне восемнадцать рублей и сказал: «Толку от тебя никакого. Прислушайся к моему совету: используй женщин. Не может Америка так отличаться от остального мира. Женщины там такие же идиотки. Они будут содержать тебя». Мы не пожали друг другу руки, и я отбыл. Он должен был пожать мне руку независимо от наших взаимоотношений, не так ли, Ной? – Внезапно голос отца изменился, стал тихим, смиренным, сценические интонации исчезли. – Ной...

– Да, папа?

– Ты думаешь, ему следовало пожать мне руку?

– Да, папа.

– Пожми мне руку, Ной.

Ной на мгновение замялся, потом наклонился, взял широкую сухую руку отца. Кожа шелушилась, ногти, обычно такие ухоженные, отросли, под них забились грязь. Отец и сын обменялись рукопожатием. Какие же слабые стали у него пальцы, печально подумал Ной.

– Хорошо, хорошо... – забормотал Яков и отдернул руку, словно поняв абсурдность своей просьбы. – Хватит, достаточно. – Он вздохнул и уставился в потолок. – Ной...

– Что?

– У тебя есть карандаш и бумага?

– Да.

– Тогда запиши.

Ной подошел к столу, взял карандаш, положил перед собой лист дешевой бумаги с изображением отеля «Вид на море». На бумаге, в отличие от жизни, отель стоял среди лужаек и высоких деревьев.

– Израилю Аккерману, – произнес Яков ровным, спокойным голосом бизнесмена, диктующего деловое письмо. – Дом двадцать девять, Клостерштрассе, Гамбург, Германия.

– Но, папа...

– Пиши на иврите, если не можешь писать на немецком. Образование у него не очень хорошее, но он поймет.

– Да, папа. – Ной не умел писать ни на иврите, ни на немецком, но подумал, что незачем говорить об этом отцу.

– Мне стыдно за то, что я не ответил тебе раньше, но ты можешь себе представить, сколько у меня дел. Вскоре после приезда в Америку... Ты это написал, Ной?

– Да, папа, – ответил Ной, разрисовывая бумагу черточками и кружочками. – Написал.

– Вскоре после приезда в Америку... – Голос Якова вновь набрал силу, зарокотал, до самых углов заполнив маленькую комнату. – ...я поступил на работу в крупную компанию. Трудился, не жалея сил, хотя я знаю, ты этому не поверишь, и меня постоянно повышали,

переводя с одной должности на другую. Через восемнадцать месяцев я стал самым ценным работником. Меня сделали партнером, и я женился на дочери владельца компании, мистера ван Крамера, который ведет свой род чуть ли не от первых колонистов Америки. Тебя, я знаю, порадует известие о том, что у нас пятеро сыновей и две дочери, которыми их родители могут только гордиться. Я уже на пенсии, и мы с женой живем в богатом пригороде Лос-Анджелеса, большого города на берегу Тихого океана, где всегда солнечно и тепло. Дом у нас из сорока комнат, утром я встаю не раньше десяти часов, а во второй половине дня еду в клуб и играю там в гольф. Я знаю, тебе будет интересно...

Ной почувствовал, как у него перехватило горло. Он был убежден, что расхохочется, если только откроет рот, а его отец... его отец умрет от этого безумного смеха.

– Ной, ты это записал? – сварливо спросил Яков.

– Да, папа. – Каким-то чудом Ной сумел ответить и не расхохотаться.

– Да, конечно, ты старший сын, а потому постоянно давал мне советы. Но теперь, пожалуй, нет разницы, кто из нас старший, а кто нет. Я много путешествовал, и мои советы могли бы пойти тебе на пользу. Очень важно помнить о том, как должен вести себя еврей. В мире много людей, которых раздражает зависть. Они видят еврея и говорят: «Вы только посмотрите, как он ест», или «Бриллианты его жены – на самом деле стразы», или «Сколько же от него шума в театре», или «Весы у него неправильные. В его магазине вас обязательно обвесят». Времена наступают трудные, и каждый еврей должен постоянно помнить, что от его поведения зависит жизнь всех евреев. Поэтому за столом надо есть не спеша, пользуясь ножом и вилок. Жена не должна носить бриллианты, особенно фальшивые. Весы в магазине, где хозяин – еврей, должны быть самыми точными в городе. Жить следует с достоинством, ни перед кем не пресмыкаться... Нет! – воскликнул Яков. – Это вычеркни. Брат только обидится?

Он глубоко вздохнул и надолго замолчал. Лежал не шевелясь, и Ной озабоченно всмотрелся в отца: не умер ли тот?

– Дорогой брат, – заговорил Яков хриплым, едва слышным шепотом, – все, что я написал тебе, ложь. Жизнь свою я прожил в нищете, обманывал всех, кого только мог, свел жену в могилу, у меня лишь один сын, из которого едва ли выйдет толк, я банкрот, и все, что ты мне предсказывал, сбылось...

Яков замолк. В его горле забулькало. Он попытался сказать что-то еще и умер.

Ной метнулся к кровати, положил руку на грудь отца, чтобы уловить биение сердца. Морщинистая кожа, тонкие, хрупкие кости, а под ними – тишина. Сердце больше не билось.

Ной сложил руки отца на груди, закрыл яростно сверкавшие глаза – из кинофильмов он знал, что именно так принято поступать. Рот Якова остался открытым, словно он что-то не договорил. Ной не знал, что делать со ртом, и прикоснуться к нему не стал. Глядя на мертвое лицо отца, Ной не мог не признать, что ощущает безмерное облегчение. Наконец-то все закончилось. Требовательный, признающий только повелительное наклонение голос замолк навсегда. Не будет больше и театральных жестов.

Ной прошелся по комнате, прикидывая стоимость оставшихся от отца вещей. Деньгами тут и не пахло. Два потрепанных, когда-то модных двубортных костюма, Библия в кожаном переплете, серебряная рамка с фотографией семилетнего Ноя на шотландском пони, жестянка с запонками и зажимом для галстука (из железа и стекла), конверт из плотной бумаги, перевязанный бечевкой. Ной открыл конверт, вытащил бумаги: двадцать акций корпорации, производившей радиоприемники, которая обанкротилась в 1927 году.

В глубине стенового шкафа стояла картонная коробка. Ной вытащил ее, снял крышку. Внутри лежала большая портретная фотокамера, аккуратно упакованная в мягкую фланель. Из всех вещей, принадлежавших отцу, только она получала должные заботу и уход, и Ной мысленно поблагодарил отца за то, что ему хватило ума спрятать камеру от кредиторов. Вырученных за нее денег, возможно, хватит на то, чтобы оплатить похороны. Поглаживая потрескав-

шуюся кожу и полированную линзу камеры, Ной подумал, неплохо было бы сохранить ее у себя в память об отце, но он знал, что не может позволить себе такой роскоши. Ной вернул камеру в коробку, предварительно завернув во фланель, и спрятал в углу стенного шкафа под ворохом старой одежды.

Ной направился к выходу. Уже взявшись за ручку двери, он оглянулся. В свете единственной лампочки отец казался таким одиноким. И его, похоже, не отпускала боль. Ной выключил свет и вышел в коридор.

Медленно зашагал вдоль улицы. До чего приятно пройти по свежему воздуху, проведя целую неделю в душной комнатухе. Ной глубоко вдохнул, набрав полную грудь воздуха, вновь почувствовал себя молодым и здоровым и двинулся дальше, прислушиваясь к мягкому постукиванию собственных каблучков об асфальт. Соленый привкус в воздухе усиливался по мере того, как Ной приближался к океану, и достиг максимума, когда он вышел к обрыву, о который разбивались волны.

Сквозь сумрак до Ноя доносилась музыка. Она то пропадала, то внезапно усиливалась, подхваченная порывом ветра. Ной пошел на звук и, завернув за угол, понял, что музыка играет в баре на другой стороне улицы, над дверью которого красовалась надпись: «В ПРАЗДНИК ЦЕНЫ ТЕ ЖЕ. ВСТРЕЧАЙТЕ НОВЫЙ ГОД В БАРЕ “У О’ДЭЯ”». Мелодия изменилась: в музыкальный автомат вставили другую пластинку. Низкий женский голос запел о мужчине, равного которому нет ни под луной, ни под солнцем. Сильный, хорошо поставленный голос заполнял пустынную улицу.

Ной пересек мостовую, открыл дверь и вошел в бар.

Двое матросов и блондинка сидели у дальнего края стойки, глядя на мужчину, который спал, уткнувшись лицом в полированное дерево. Бармен вскинул глаза на Ноя.

– Есть у вас телефон? – спросил Ной.

– Вон там. – Бармен ткнул пальцем в глубь бара.

Ной направился к телефонной будке.

– Будьте с ним повежливее, парни, – говорила блондинка матросам, когда Ной проходил мимо. – Потрите ему шею кубиком льда.

Она широко улыбнулась Нюю. В отсвете музыкального автомата кожа у нее позеленела. Ной кивнул блондинке и нырнул в телефонную будку.

Достав визитную карточку, которую оставил ему врач, с телефоном похоронного бюро, работающего двадцать четыре часа в сутки, Ной набрал номер. Держа трубку у уха, вслушиваясь в гудки, он представил себе телефонный аппарат на темном столе, рядом включенная настольная лампа, и звонки, разносящиеся по пустому похоронному бюро в новогоднюю ночь. Ной уже собрался повесить трубку, когда услышал мужской голос:

– Привет. Похоронное бюро Грейди.

– Я бы хотел узнать насчет похорон. Мой отец только что умер.

– Как зовут усопшего?

– Меня интересует диапазон цен. У меня мало денег и...

– Я должен знать фамилию усопшего. – Голос звучал очень строго. Мужчина боролся с опьянением, а потому старался предельно четко выговаривать каждое слово.

– Аккерман.

– Уотерфилд, – представился мужчина на другом конце провода. – Имя, пожалуйста... – Потом, уже шепотом: – Глэдис, перестань, Глэдис! – И снова в трубку, с трудом подавляя смешок: – Имя, пожалуйста.

– Аккерман, – повторил Ной. – Аккерман.

– Это имя?

– Нет, это фамилия. А имя – Яков.

– Я очень прошу вас точно отвечать на вопросы. – В голосе на том конце провода чувствовалась все та же пьяная строгость.

– Мне нужно знать, сколько вы берете за кремацию.

– Кремация, значит? Да, мы предоставляем эту услугу всем желающим.

– Сколько это стоит?

– Сколько автомобилей вы будете заказывать?

– Что?

– Сколько автомобилей вы будете заказывать? Сколько родственников и знакомых усопшего будут присутствовать на похоронах?

– Один, – ответил Ной. – Один родственник.

Песня закончилась грохотом барабанов, и Ной не расслышал последней фразы мужчины на другом конце провода.

– Я хочу, чтобы расходы были минимальными, – сказал он. – У меня мало денег.

– Понятно, понятно, – ответил мужчина из похоронного бюро. – Позвольте еще один вопрос. Усопший оставил страховку?

– Нет.

– Тогда придется платить наличными, вы понимаете? Авансом.

– Сколько?

– Вы хотите картонную коробку или урну с серебряной пластинкой?

– Картонную коробку.

– Минимальная цена, которую я могу вам предложить, молодой человек... семьдесят шесть долларов и пятьдесят центов.

– Доплатите пять центов за пять минут разговора, – раздался голос телефонистки.

– Хорошо. – Ной бросил в щель пятицентовик. Телефонистка поблагодарила его и отключилась. – Хорошо. Семьдесят шесть долларов и пятьдесят центов. – Он решил, что как-нибудь наскребет эту сумму. – Хоронить будем послезавтра. Во второй половине дня. – В этом случае у него появлялась возможность продать второго января камеру и другие вещи отца. – Адрес – отель «Вид на море». Вы знаете, где он находится?

– Да. – Язык у мужчины заплетался все сильнее. – Да, конечно. Отель «Вид на море». Завтра я пошлю человека, и вы сможете подписать контракт.

– Хорошо. – Ной, весь потный, уже собрался повесить трубку.

– И последнее, мой дорогой. Насчет ритуалов.

– Каких ритуалов?

– Какую религию исповедовал усопший?

Яков не исповедовал никакой религии, но Ною не хотелось говорить об этом мужчине из похоронного бюро.

– Он был евреем.

– Ага. – На другом конце провода помолчали, потом раздался веселый, пьяный женский голос: «Хватит болтать, Джордж, давай лучше выпьем». – Я очень сожалею, но у нас нет возможности хоронить евреев.

– Да в чем разница?! – заорал Ной. – Он не ходил в синагогу. И никакой похоронной службы ему не нужно.

– Невозможно. – К голосу на том конце провода вернулась прежняя суровость. – Мы не хороним евреев. Я уверен, вы сможете найти другие похоронные бюро... у которых есть все необходимое для кремации евреев.

– Но доктор Ферстборн рекомендовал вас. – Ной чуть не выли от отчаяния. Он чувствовал, что не выдержит еще одного разговора с похоронным бюро. – Вы же хороните людей, не так ли?

– Примите наши соболезнования в столь горький для вас час, – ответили ему, – но у нас нет никакой возможности...

На другом конце провода что-то зашуршало. «Дай мне поговорить с ним», – произнес женский голос. Трубка переключалась к даме.

– Слушай, почему бы тебе не отстать от нас? – На Ноя, казалось, пахло виски. – Мы заняты. Ты слышал, что сказал Джордж? Мы не хороним кайков¹². С Новым годом. – В трубке раздались гудки отбоя.

У Ноя дрожали руки, пот ручьями тек по телу. С трудом ему удалось положить трубку на рычаг. Он открыл дверь будки и медленно побрел к выходу мимо музыкального автомата, в котором крутилась пластинка Лоша Ломонда, мимо блондинки и пьяных матросов у стойки. Блондинка вновь улыбнулась ему.

– Что случилось? – спросила она. – Ее нет дома?

Ной не ответил. Силы покинули его, усталость придавливала к земле. Ему удалось дотоптаться до стойки и залезть на высокий стул у самой двери.

– Виски.

Бармен поставил перед ним стакан. Первую порцию Ной выпил залпом и тут же заказал вторую. Виски подействовало мгновенно. Зал поплыл в приятном тумане, музыка перестала бить по барабанным перепонкам, люди, сидевшие у стойки, стали ближе. И когда блондинка в обтягивающем платье с цветами на желтом фоне, красных туфельках и маленькой шляпке с лиловой вуалеткой подошла к нему, нарочито покачивая полными бедрами, он встретил ее улыбкой.

– Так-то лучше. – Блондинка коснулась его руки.

– С Новым годом, – поздравил ее Ной.

– Сладенький... – Блондинка взгромоздилась на соседний стул, поерзала ягодицами по сиденью из красной кожи и потерлась коленом о бедро Ноя. – Сладенький, у меня беда. Я вот оглядела бар и решила, что положиться можно только на тебя. «Апельсиновый цветок», – бросила она бармену, переместившемуся на их край стойки. – А в час беды... – Она положила руку на локоть Ноя, пристально всматриваясь в его лицо сквозь вуалетку. Взгляд маленьких, синих, густо накрашенных глаз блондинки не оставлял сомнений в ее намерениях. – В час беды мне нравятся итальянцы. У них сильный характер. Они возбуждают, они сочувствуют. И сказать по правде, сладенький, мне нравятся мужчины, которые могут возбудить женщину. С другими просто не стоит иметь дело. Толку все равно не будет. Знаешь, что я ищу в мужчине? Доброжелательный характер и полные губы.

– Что? – переспросил Ной.

– Полные губы, – с придыханием повторила блондинка. – Меня зовут Джорджия. А тебя, сладенький?

– Рональд Бивербрук, – ответил Ной. – И должен сказать тебе... я не итальянец.

– О! – На лице женщины отразилось разочарование, одним глотком она ополовинила бокал с «Апельсиновым цветком». – Я бы поклялась, что ты итальянец. Так кто же ты?

– Индеец. Индеец сиу.

– Пусть так. Я все равно готова спорить, что ты знаешь, как порадовать женщину.

– Давай выпьем.

– Сладенький, – позвала блондинка бармена. – Два «Апельсиновых цветка». Двойных. – Она вновь повернулась к Ною. – Индейцы мне тоже нравятся. Кого я не люблю, так это обычных американцев. Они не знают, как убажить женщину. Прыг-скок, ой-ой-ой – и они уже вылезают из кровати, натягивают штаны и бегут к своим женам. Сладенький, – она допила первый «Апельсиновый цветок», – сладенький, почему бы тебе не подойти к тем двум парням в синей форме и не сказать им, что ты проводишь меня домой? Возьми с собой пивную бутылку на случай, если они будут возражать.

---

¹² Пренебрежительное прозвище евреев в Америке.

– Ты пришла с ними? – спросил Ной. Настроение его заметно улучшилось, все тревоги куда-то подевались, он поглаживал руку блондинки и, улыбаясь, заглядывал ей в глаза. Ладони ее были в мозолях, кожа грубая, и она этого очень стыдилась.

– Это все от работы в прачечной, – печально вздохнула блондинка. – Никогда не работай в прачечной, сладенький.

– Хорошо, не буду, – охотно согласился Ной.

– Я пришла вон с тем. – Она мотнула головой в сторону пьяного, который спал, уткнувшись лицом в стойку. Вуалетка блеснула в зеленовато-лиловом отсвете музыкального автомата. – Выбыл из игры в первом иннинге. Вот что я тебе скажу. – Она наклонилась к Ною и прошептала, обдав его запахами лука, джина и фиалковых духов: – Эти матросы готовят против него заговор. Даже не стесняются того, что они в форме. Собираются ограбить его, а потом пойти следом за мной, затащить в темный переулок и обчистить мой кошелек. Возьми пивную бутылку, Рональд, и разберись с ними.

Бармен поставил на стойку два высоких стакана. Женщина достала десятку, отдала ему.

– Плачу я. Этот мальчик совсем один в новогоднюю ночь.

– Тебе незачем платить за меня.

– За нас, сладенький. – Она подняла стакан и кокетливо посмотрела на Ноя сквозь вуалетку. – Деньги, сладенький, нужны только для того, чтобы тратить их на своих друзей. – Они выпили, и блондинка погладила Ноя по колену. – Ты ужасно колючий, сладенький. С этим надо что-то делать. Давай смотаемся отсюда. Мне этот бар больше не нравится. Пойдем в мою маленькую квартирку. У меня есть бутылка «Четыре розы», только для тебя и меня, и мы сможем отпраздновать без посторонних. Поцелуй меня, сладенький. – Она вновь наклонилась к нему и решительно закрыла глаза. Ной поцеловал ее в мягкие, податливые губы. Помада блондинки пахла малиной, запахи джина и лука тоже никуда не делись. – Я больше не могу ждать, сладенький. – Она соскользнула на пол, одернула платье, взяла Ноя за руку, и, прихватив стаканы, они направились к другому концу стойки.

Двое матросов наблюдали за их приближением. Парнишки были очень молоденькие, в их глазах читалось горькое разочарование.

– Будьте повежливее с моим другом, – предупредила их блондинка. – Он индеец сиу. – Она поцеловала Ноя в шею за ухом. – Я сейчас приду, сладенький. Только подправлю марафет, чтобы ты еще больше полюбил меня. – Блондинка хихикнула, сжала руку Ноя влажной от пота ладонью и зашагала, нарочито покачивая бедрами, к женскому туалету.

– Что она тебе наболтала? – спросил младший из матросов. Его бескозырка лежала на стойке. Волосы этот парень стриг так коротко, что они напоминали пушок на голове младенца.

– Она говорит, – Ной чувствовал себя суперменом, – она говорит, что вы хотите ограбить ее.

Матрос в бескозырке фыркнул:

– Ограбить ее? Это круто. На самом деле все наоборот, братишка.

– Двадцать пять баксов, – пояснил короткостриженный. – Она запросила двадцать пять баксов с каждого. Сказала, что никогда этого не делала, что она замужем и готова рискнуть только ради хороших денег.

– Что она о себе возомнила? – пробурчал матрос в бескозырке. – А сколько она запросила с тебя?

– Ничего. – Ноя аж распирало от гордости. – И она хочет выставить бутылку вина «Четыре розы».

– Как тебе это нравится? – с горечью спросил матрос в бескозырке у своего друга.

– Ты с ней пойдешь? – В голосе короткостриженного слышалась зависть.

Ной покачал головой:

– Нет.

– Почему нет?

Ной пожал плечами:

– Не знаю.

– Парень, тебя, похоже, здесь хорошо обслуживают.

– В Санта-Монике нам делать нечего, – решительно заявил матрос в бескозырке и с укором посмотрел на своего друга. – С тем же успехом мы могли остаться на базе.

– А где ваша база? – спросил Ной.

– В Сан-Диего. Но он... – матрос в бескозырке указал на короткостриженного, – пообещал нам райскую ночь в Санта-Монике. Все, мол, обговорено. Две вдовы в частном доме. Нет уж, теперь организацию нашего досуга я буду брать на себя.

– Я не виноват, – оправдывался тот. – Откуда мне знать, что они разыгрывают меня, что дома с таким адресом в Санта-Монике нет?

– Мы три часа бродили в этом чертовом тумане, – продолжал матрос в бескозырке. – Искали дом, которого нет. В новогоднюю ночь! Да на своей ферме в Оклахоме я куда лучше встречал Новый год! Пошли... Нечего нам тут ловить.

– А как же этот? – Ной указал на сладко посапывающего пьяницу.

– Это не наша забота.

Короткостриженный надел белую бескозырку, и оба матроса направились к двери.

– Двадцать пять баксов! – донеслось до Ноя, перед тем как за матросами с грохотом захлопнулась дверь.

Ной выждал с минуту, по-дружески похлопал пьяницу по плечу и последовал за ними. Постоял на улице, вдохнул влажный воздух, почувствовал, как он холодит его разгоряченное лицо. В качающемся свете уличного фонаря разглядел две фигуры в синем, растворяющиеся в тумане. Повернулся и зашагал в противоположную сторону. Выпитое виски приятным теплом разлилось по всему телу.

Ной осторожно открыл дверь и тихонько вошел в темную комнату. Запах никуда не делся. А он уже успел забыть этот запах. Алкоголь, лекарства, что-то сладкое, приторное... Надо зажечь свет, подумал Ной и почувствовал, что руки у него дрожат. Он наткнулся на стул, прежде чем нашел лампу.

Его отец, закаменев, лежал на кровати. Рот так и остался открытым, словно он собрался что-то сказать. Ноя качнуло, когда он наклонился над отцом. Глупый, несносный старик с идиотской бородкой, обесцвеченными волосами и Библией в кожаном переплете.

Поспеши, поспеши, Господи, и прими... Какую религию исповедовал усопший? Голова у Ноя шла кругом. Он ни на чем не мог сосредоточиться, мысли насккивали друг на друга, несвязные, абсурдные. Полные губы. Двадцать пять долларов для матросов и бесплатно для него. А ведь ему никогда не везло с женщинами, никогда на него так не западали. Возможно, попавший в беду мужчина становится более привлекательным, и блондинка это почувствовала. Разумеется, она сильно напилась... Рональд Бивербрук. А как покачивались ее бедра, когда она шла к женскому туалету. Если бы он остался в баре, то сейчас лежал бы с ней в постели, под теплым одеялом, наслаждаясь мягкой, жирной, белой плотью, запахами лука, джина, малины. На мгновение Ной горько пожалел о том, что стоит сейчас в обшарпанном номере отеля, рядом с умершим стариком... Если б все было наоборот, подумал он, если бы он лежал на кровати, а блондинка подкатилась к старику, то Яков наверняка отправился бы в ее уютную квартирку, распил бы с женщиной бутылку вина и ублажил бы ее по полной программе. В этом Ной нисколько не сомневался. Самое время сейчас думать об этом. Ной покачал головой. Его отец, семя которого дало ему жизнь. Господи, неужели с годами голос у него станет как у отца?

С минуту Ной всматривался в мертвое лицо. Попытался плакать. Уходя так, на исходе года, в зимнюю ночь, человек – любой человек – вправе рассчитывать, что его единственный сын прольет по нему хоть одну слезу.

Сколько Ной себя помнил, он никогда не думал об отце. Он злился на отца, но не более того. А сейчас, глядя в бледное, изрезанное морщинами лицо, смотревшее на него с подушки, гордое и благородное, похожее на каменное изваяние (Яков всегда знал, что именно так он будет выглядеть после смерти), Ной заставил себя подумать об отце. О том пути, который прошел Яков, прежде чем добрался до маленькой комнатухи на берегу Тихого океана. Начался этот путь на зеленых улицах Одессы, пролегал через Россию, Балтийское море и Атлантический океан в кипящий котел Нью-Йорка.

Ной закрыл глаза и попытался представить себе Якова молодым человеком, быстрым и гибким, с высоким лбом, хищным носом. Он говорит по-английски еще с акцентом, но уже с интонациями библейского пророка. Вот он шагает по улицам Нью-Йорка, взгляд его красивых глаз впивается каждую мелочь, он всегда готов улыбнуться девушке, партнеру, покупателю... Яков, бесстрашный и бесчестный, блуждающий по Югу, вот он в Атланте, в Тузкалузе, у него ловкие руки, к деньгам особого интереса нет, но ради них он готов и обмануть, однако у него эти деньги не задерживаются. Путь его лежит дальше, в Миннесоту и Монтану, он смеется, курит черные сигары, его знают в салунах и игорных домах, он рассказывает похабные анекдоты и одновременно цитирует Исайю. Наконец, Чикаго, где он женится на матери Ноя, серьезной и ответственной, хрупкой и нежной; возможно, Яков решает даже осесть, стать добропорядочным гражданином. Все-таки уже не мальчик, волосы тронула седина. Ной же помнил, как после обеда отец пел ему в гостиной о веселом месяце мае, когда так хорошо гулять по парку...

Ной покачал головой. Где-то в глубинах памяти до сих пор звучал этот молодой, сильный баритон. «Веселый, веселый месяц май».

Шли годы, и перед Яковым, как того и следовало ожидать, разверзлась пропасть. Бизнес, и без того не слишком прибыльный, стал приносить одни убытки, обаяние поблекло, враги множились, весь мир ополчился против него. За неудачами в Чикаго последовали неудачи в Сиэтле, Балтиморе и, наконец, в Санта-Монике... «Жизнь свою я прожил в нищете, обманывал всех, кого только мог, свел жену в могилу, у меня лишь один сын, из которого едва ли выйдет толк, я банкрот, и все, что ты мне предсказывал, сбылось...» И брошенный брат, горящий в печи крематория, образ которого преследовал Якова все эти годы, до самого последнего вздоха...

Ной продолжал смотреть на отца, на глазах его не выступило ни слезинки. Яков умер, но вот открытый рот оставался на удивление живым. Ной попытался закрыть этот рот. Жесткая, колючая борода так и впилась в ладонь, клецнули зубы. Но губы разошлись, готовые заговорить, как только Ной убрал руку. Вновь и вновь, прилагая все большую силу, Ной закрывал рот отца. Челюстные суставы похрустывали, нижняя челюсть болталась все свободнее, но всякий раз, когда Ной убирал руку, рот раскрывался и зубы блестели в желтом свете единственной лампочки. Ной уперся коленями в край кровати и буквально вдавил нижнюю челюсть в верхнюю. Но его отец, который всю жизнь был упрямым, всегда и все делал по-своему, не слушая ни родителей, ни учителей, ни брата, ни жену, ни партнеров, ни своих женщин, ни сына, нисколько не изменился и после смерти.

Ной отступил на шаг. Жалкий бледный рот под ухоженными седыми усами так и остался полураскрытым.

И тут в первый и последний раз Ной заплакал.

Глава 4

Сидя в открытом разведывательном автомобиле, с каской на голове, Кристиан чувствовал себя незванным гостем. Они мчались по обсаженной деревьями дороге. Положив автомат на колени, Кристиан ел вишни, которые они собрали в саду под Мо. Париж лежал впереди, за зелеными холмами. Французы, которые, должно быть, рассматривали его из-за закрытых ставен своих каменных домов, видели в нем – тут у Кристиана сомнений не было – поработорителя, сурового солдата, вешателя. Между тем он еще не слышал ни единого выстрела, а война здесь уже закончилась.

Кристиан повернулся, чтобы перекинуться парой слов с Брандтом, фотографом одной из рекламных компаний. Его еще в Меце приписали к разведывательному отряду Кристиана. До войны этот хрупкий человек с внешностью учителя был довольно посредственным художником. Кристиан познакомился и подружился с ним в Австрии, куда Брандт ранней весной приезжал покататься на лыжах. Сейчас лицо Брандта по цвету соперничало с помидором, от ветра у него воспалились глаза, а в каске он напоминал мальчика, вышедшего во двор поиграть в солдатиков. Кристиан улыбнулся Брандту, зажатому на узком сиденье между огромным ефрейтором из Силезии и фотографическим оборудованием.

– Над чем смеешься, сержант? – спросил Брандт.

– А разве можно без смеха смотреть на твой нос? – ответил Кристиан.

Брандт осторожно коснулся пальцами шелушащейся, обожженной кожи.

– Седьмой слой сходит. С таким носом надо сидеть дома. Прибавь скорости, сержант, и доставь меня в Париж как на крыльях. Очень хочется выпить.

– Терпение, немного терпения. Или ты не знаешь, что идет война?

Ефрейтор из Силезии оглушительно загоготал. Этот парень, простой и глупый, постоянно пребывал в отличном настроении. Он изо всех сил старался выслужиться перед начальством, а путешествие по Франции доставляло ему безмерное удовольствие. Прошлой ночью, когда они бок о бок лежали под одеялами у дороги, ефрейтор на полном серьезе сказал Кристиану, что не хочет, чтобы война слишком быстро закончилась. Он должен убить хотя бы одного француза. Его отец потерял ногу под Верденом в 1916 году, и ефрейтор (фамилия его была Краус) помнил, как в семь лет, стоя навтыжку перед отцом после рождественской мессы в церкви, сказал: «Я умру счастливым после того, как убью хотя бы одного француза». Произошло это пятнадцать лет назад. И ефрейтор все еще с надеждой оглядывал каждый новый город: а вдруг в нем найдутся французы, которые помогут ему реализовать мечту детства? Поэтому в Шанли его лицо разочарованно вытянулось, когда лейтенант французской армии вышел из кафе с белым флагом, лишив Крауса удовольствия выстрелить как в него, так и в тех солдат, вместе с которыми лейтенант сдался в плен.

Кристиан бросил взгляд за спину Брандта, на два других автомобиля их патруля, кативших по прямой дороге с интервалом в семьдесят пять метров. Лейтенант ехал по параллельному шоссе с основными силами разведывательного отряда, а три автомобиля отдал под команду Кристиана. Они быстро продвигались к Парижу в полной уверенности, что город сдастся без боя. Кристиан улыбался, чувствуя, как его распирает гордость. В первый раз он командует отдельным подразделением. Три автомобиля, одиннадцать солдат, вооруженных десятью винтовками и автоматами и одним крупнокалиберным пулеметом.

Он посмотрел вперед, на стелющуюся под колесами дорогу. Ну до чего красивая страна! Какая ухоженная, какие трудолюбивые тут живут люди, как аккуратно обсажены поля тополями, какими ровными рядами зеленеют всходы!

Просто удивительно, до чего организовано прошла вся кампания, сонно думал он. Долгое зимнее ожидание, внезапный бросок через Европу – и враг сметен могучим ураганом.

Командование все продумало до мелочей, вплоть до таблеток соли и тюбиков сальварсана¹³ (каждому солдату перед отправкой на передовую выдали по три тюбика – неотъемлемую часть неприкосновенного запаса). Кристиан улыбнулся: в Медицинском управлении скептически оценивали эффективность сопротивления французов. И ведь все сработало как часы. Припасы, карты, воду они получали там, где и намечалось, сила вражеской армии и потенциал ее сопротивления оказались точно такими, как и было предсказано. Дорожное покрытие в точности соответствовало пометкам на картах. Только немцы, с гордостью говорил себе Кристиан, вспоминая лавину людей и военной техники, накрывшую Францию, – только немцы могли столь идеально провести такую сложную операцию.

Гудение мотора разведывательного автомобиля заглушил шум самолета. Кристиан, обернувшись, вскинул голову и улыбнулся. «Штукас» медленно летел метрах в двадцати над дорогой, настигая передовой автомобиль. Какой грациозный самолет, и какая при этом в нем чувствуется мощь. А шасси под фюзеляжем напоминает когтистые лапы ястреба, нацелившегося на добычу. Кристиан пожалел, что не пошел в авиацию. Что там говорить, летчики – любимцы и армии, и народа. А условия для жизни им создавали роскошные, совсем как в первоклассных курортных отелях. Брали в летчики лучших из лучших, цвет нации, молодых, бесстрашных, уверенных в себе. Кристиан видел их в барах, слышал их разговоры. Они всегда держались особняком и говорили на своем особом языке, сорили деньгами, рассказывали о воздушных боях над Мадридом, о бомбардировках Варшавы, о девушках Барселоны, делились впечатлениями о новом «мессершмитте». О смерти или поражении никто не упоминал, словно их не существовало в этом замкнутом, аристократическом, опасном и веселом мире.

Самолет поравнялся с автомобилем Кристиана, и он увидел улыбающееся лицо пилота, который выглянул из кабины. Кристиан улыбнулся в ответ, приветственно помахал рукой, а пилот, молодой и бесшабашный, покачал крыльями самолета и полетел дальше над обсаженной деревьями дорогой, которая вела их к Парижу.

Мерно урчал мотор разведывательного автомобиля. Напоенный ароматом трав ветерок играл волосами Кристиана, непринужденно развалившегося на переднем сиденье. В его голове звучала музыка, которую он слышал на концерте в Берлине, где побывал в краткосрочном отпуске. Квнтет с кларнетом Моцарта – печальная, хватающая за сердце мелодия, навевающая мысли о юной деве, которая в летний день оплакивает утрату возлюбленного на берегу реки, медленно несущей вдаль свои воды. Кристиан вслушивался в музыку, полускрыв глаза, лишь изредка в них вспыхивали золотистые искорки. Ему вспомнился кларнетист, лысый, плюгавый мужичонка с кислой физиономией и обвислыми пшеничными усами, такими карикатуристы обычно изображают мужей-подкаблучников.

«Ну право же, – с иронией подумал Кристиан, – сейчас не время для Моцарта. Мне следовало напевать Вагнера. Тех, кто не напевает сегодня арию Зигфрида, можно смело зачислять в предатели Великого Третьего Рейха». Кристиан не любил Вагнера, но наказал себе вспомнить и о нем, как только закончит с квинтетом. По крайней мере Вагнер поможет ему в борьбе со сном. Но голова Кристиана упала на грудь, и он уснул, ровно дыша, с легкой улыбкой на губах. Водитель покосился на сержанта и с дружеской насмешкой указал на него большим пальцем фотографу и ефрейтору-силезцу. Силезец зашелся от смеха, словно Кристиан специально для него отмолил какую-то особо удачную шутку.

Три автомобиля, один за другим, соблюдая установленную приказом дистанцию, мчались по мирной, залитой солнцем сельской местности, совершенно пустынной, если не считать редких коров, кур да уток, словно все местные жители решили устроить себе в этот день выходной и отправились на ярмарку в соседний город.

¹³ Препарат, использующийся при лечении венерических заболеваний.

Первый выстрел органически влился в мелодию, которая по-прежнему звучала в голове Кристиана.

Разбудили его пять следующих выстрелов, визг тормозов и ощущение падения, когда автомобиль занесло и он, накренившись, застыл в придорожном кювете. Кристиан выпрыгнул из машины и спрятался за ней, прижавшись к земле. Остальные плюхнулись в пыль рядом с ним. Кристиан замешкался в надежде, что кто-нибудь объяснит ему, что случилось, подскажет, как поступать дальше. Однако все трое солдат с тревогой, вопрошающе смотрели на него. Он вспомнил положения устава, где говорилось, что, оставшись за командира, сержант должен немедленно оценить обстановку и отдать ясный и четкий приказ. Никаких сомнений в успехе, поведение уверенное и смелое.

– Все целы? – прошептал он.

– Да, – ответил Краус. Указательный палец его правой руки лежал на спусковом крючке винтовки, он то и дело выглядывал из-за переднего колеса.

– Господи, – пролепетал Брандт. – Господи Иисусе. – Его пальцы нервно дергали предохранитель пистолета, словно он впервые держал в руках оружие.

– Прекрати! – бросил Кристиан. – Оставь предохранитель в покое, а не то попадешь в кого-нибудь из нас.

– Давайте выбираться отсюда. – Каска свалилась с головы Брандта, волосы обсыпало пылью. – Нас всех убьют.

– Заткнись! – осадил его Кристиан.

Вновь загремели выстрелы. Несколько пуль попало в автомобиль, лопнуло одно колесо.

– Господи, – бормотал Брандт, – Господи...

Кристиан попятился к багажнику автомобиля. Для этого ему пришлось переползти через водителя. Ну и вонища, машинально отметил Кристиан. Должно быть, этот парень не мылся с начала вторжения в Польшу.

– Слушай, почему бы тебе иногда не вспоминать о существовании ванны? – раздраженно прошептал Кристиан.

– Виноват, сержант, – только и ответил водитель.

Защищенный задним колесом, Кристиан приподнял голову. Кустик маргариток чуть покачивался перед ним. Со столь близкого расстояния эти цветы казались рощей доисторических деревьев. Поблескивающая от жары дорога лежала перед Кристианом как на ладони.

Метрах в пяти от него на шоссе опустилась какая-то пичужка и запрыгала по асфальту, попутно занимаясь своими делами: чистила перышки, время от времени издавала пронзительные крики – прямо-таки нетерпеливый покупатель у прилавка, от которого на минутку отошел продавец.

Кристиан внимательно оглядел баррикаду. Она перегораживала дорогу метрах в ста от них в таком месте, где земля по обе стороны от асфальта поднималась довольно-таки крутыми склонами. Не баррикада, а плотина через ручей. Оттуда не доносилось ни звука. Не уловил Кристиан на баррикаде и никакого движения. Казалось, ее защитники ретировались после первых залпов. Баррикада стояла в глубокой тени деревьев, растущих по обе стороны дороги. Их кроны смыкались, образуя арку. Кристиан оглянулся. Изгиб шоссе отсек от него две другие машины. Он не сомневался, что они остановились, как только прозвучали выстрелы. Но ему оставалось только гадать, что там сейчас происходит, да ругать себя за то, что заснул и попался в ловушку.

По всей видимости, баррикаду возводили наспех. Свалили два дерева, на них по-прежнему зеленела листва, перевернули телегу, набросали матрасов да железных кроватей, добавили камней, вывороченных из ближайшего забора. А вот место для нее выбрали удачно. Густые кроны деревьев укрывали баррикаду от наблюдения с воздуха. Обнаружить заграждение можно было, лишь наткнувшись на него, что, собственно, и произошло сейчас.

Им еще повезло, что французы так рано открыли огонь. Во рту у Кристиана пересохло. Ужасно хотелось пить. От съеденных вишен внезапно защипало язык в том месте, где его всегда обжигал сигаретный дым.

«Будь у французов хоть капля ума, – думал Кристиан, – они бы сейчас обходили нас с флангов, чтобы расстрелять, словно в тире. Как я мог такое допустить? – Он мрачно смотрел на сваленные деревья, застывшие в зловещей тишине в сотне метров впереди. – Как я мог заснуть? Если бы у французов был миномет или крупнокалиберный пулемет, установленный на холме в лесу, они бы покончили с нами в пять секунд». Но со стороны баррикады по-прежнему не доносилось ни звука, лишь на асфальте, за маргаритками, прыгала птичка, издавая пронзительные крики.

Сзади слышался шорох. Кристиан обернулся и увидел Мейшена, солдата с третьего разведывательного автомобиля, который полз к ним сквозь кустарник. Полз по всем правилам, как учили на занятиях, положив винтовку на сгиб локтя.

– Как там у вас? – спросил Кристиан. – Никто не ранен?

– Нет, – ответил Мейшен. – Автомобили отведены на проселочную дорогу. Все в полном порядке. Сержант Гиммлер послал меня, чтобы узнать, живы ли вы.

– Мы живы, – мрачно ответил Кристиан.

– Сержант Гиммлер приказал передать, что возвращается в штаб роты, чтобы доложить о стычке с противником и вызвать на подмогу два легких танка, – четко отрапортовал Мейшен, как его и учили на занятиях по боевой подготовке.

Кристиан, прищурившись, вновь всмотрелся в баррикаду, низкую, зловещую, затаившуюся в глубокой тени деревьев. «Ну почему это случилось со мной? – с горечью думал он. – Если начальство узнает, что я заснул, пойду под трибунал». Перед мысленным взором Кристиана внезапно возникли суровые лица офицеров, сидящих за длинным столом. Он услышал шелест официальных бумаг, увидел себя, стоящего навытяжку в ожидании неминуемого приговора.

«И Гиммлер хорош, – невесело усмехнулся Кристиан. – Предлагает отправиться за подмогой. А что же я? Буду лежать здесь и ждать, когда мне отстрелят яйца?» Гиммлер, круглолицый, шумливый, жизнерадостный мужчина, лишь посмеивался да напускал на себя загадочный вид, когда кто-то спрашивал, а не родственник ли он Генриха Гиммлера. В разведотряде полагали, что родственник, вроде бы племянник, и сержанта Гиммлера предпочитали не задирать. Но скорее всего ближе к концу войны, когда Гиммлер дорос бы до полковника (благодаря этому загадочному родству, но не личным заслугам, потому что солдат он был никакой), им предстояло выяснить, что с Генрихом Гиммлером толстяка связывает лишь фамилия.

Кристиан тряхнул головой. Отвлекаться нельзя, надо принимать решение. Задача стояла архитрудная. На карту поставлена жизнь, а у него в голове черт знает что: Гиммлер, чин полковника, идущая от водителя вонь, прыгающая по асфальту пичуга, бледность, проступившая сквозь красный загар Брандта, он сам, раскорячившийся на земле, словно собрался рыть окоп зубами.

Баррикада по-прежнему казалась вымершей. Ее словно соорудили и бросили. Лишь ветерок шелестел листвою срубленных деревьев.

– Из-за автомобиля не высовываться, – прошептал Кристиан.

– Мне остаться? – озабоченно спросил Мейшен.

– Если тебя это не затруднит. Мы подаем чай ровно в четыре.

На лице Мейшена отразилось недоумение, и он стер пыль с казенника винтовки.

Кристиан положил автомат на маргаритки. Поймал баррикаду в прорезь прицела. Глубоко вдохнул. Первый выстрел, подумал он, первый выстрел на этой войне. И выпустил две короткие очереди. Под деревьями выстрелы прозвучали очень уж громко и резко, маргаритки, не придавленные стволом автомата, бешено закачались у Кристиана перед глазами. За спиной кто-то заскулил. Брандт, сразу догадался Кристиан. Военный фотограф.

Поначалу автоматные очереди ничего не изменили. Разве что птичку как ветром сдуло. Маргаритки успокоились, затихло и эхо выстрелов. Естественно, подумал Кристиан, французы не дураки. За баррикадой их давно нет. С такой легкостью можно победить только в сказке.

Однако, продолжая наблюдать за баррикадой, Кристиан увидел, как сквозь ветви над стволами деревьев просунулись дула винтовок. Загремели выстрелы, над его головой послышался злобный посвист пуль.

– Нет, нет, пожалуйста, нет... – услышал он голос Брандта. А что еще следовало ожидать от средних лет пейзажиста?

Кристиан не нырнул за колесо, он считал стволы винтовок. Шесть, максимум семь. Вот и все защитники. Выстрелы прекратились так же внезапно, как и начались.

Действительно, все как в сказке, подумал Кристиан. Скорее всего с ними нет ни одного офицера. Горстка парней, оставленных командиром защищать безнадежную позицию. Они наверняка испуганы и не способны оказать серьезного сопротивления. Так что не составит труда взять их в плен.

– Мейшен!

– Слушаю, сержант!

– Возвращайся к сержанту Гиммлеру. Пусть выведет автомобили на шоссе. С баррикады их не увидят. Так что они будут в полной безопасности.

– Будет исполнено, сержант!

– Брандт! – Кристиан не обернулся, но голос его переполняло презрение. – Ты мне это прекрати!

– Конечно, – ответил Брандт. – Обязательно. Не обращай на меня внимания. Я выполняю свой долг. Поверь мне. Можешь на меня положиться.

– Мейшен!

– Слушаю, сержант!

– Скажешь Гиммлеру, что я попытаюсь обойти баррикаду справа, через лес, и выйти им в тыл. Его задача – сделать то же самое слева. Пусть возьмет с собой пять человек. Я думаю, баррикаду защищают шесть или семь солдат и вооружены они только винтовками. Офицера с ними скорее всего нет. Ты сможешь все это запомнить?

– Да, сержант.

– Я выстрелю по французам один раз через пятнадцать минут, – продолжал Кристиан, – а потом прикажу им сдаться. Не думаю, что они окажут сопротивление, зная, что их спины у кого-то на мушке. Если же они все-таки не сдадутся, стреляйте на поражение. Одного человека я оставлю здесь на случай, если французы попытаются перебраться через баррикаду. Ты все понял?

– Так точно, сержант!

– Отлично. Исполни.

– Слушаюсь! – Мейшен пополз назад, полный решимости в точности передать Гиммлеру полученный приказ.

– Дистль, – позвал Брандт.

– Да, – холодно отозвался Кристиан, не удостоив фотографа взглядом. – Если хочешь, можешь отправляться следом за Мейшеном. Ты мне не подчиняешься.

– Я хочу пойти с тобой. – Брандт уже взял себя в руки, из его голоса исчезли панические нотки. – Я в полном порядке. Что было, то прошло. – Он даже выдавил из себя смешок. – К тому, что в тебя стреляют, надо привыкнуть. Ты сказал, что хочешь предложить французам сдаться в плен. Тогда тебе лучше взять меня с собой. Ни один француз не поймет твоего французского.

Кристиан наконец-то посмотрел на Брандта, оба заулыбались. Брандт в порядке, подумал Кристиан, действительно в порядке.

– Тогда пошли. Беру тебя в компанию.

Приминая заросли папоротника, они поползли втроем. Кристиан и Брандт ползли впереди, причем фотограф держал в одной руке «лейку», а в другой – пистолет, благоразумно поставленный на предохранитель. Краус держался чуть сзади, прикрывая им спины. От мягкого папоротника пахло сыростью. Болотистая почва пятнала зеленью обмундирование. Метров через тридцать, добравшись до небольшого пригорка, они смогли встать и дальше идти, пригнувшись, под его прикрытием.

Ветерок шуршал листвой. Белки внезапно подняли дикий шум, перепрыгивая с одного дерева на другое. Ветки кустов то и дело цеплялись за сапоги и одежду. Не останавливаясь ни на секунду, с предельной осторожностью они продолжали двигаться параллельно дороге.

«Ничего не получится, – думал Кристиан, – все закончится весьма плачевно. Не могут французы быть такими глупыми. Это идеальная западня, и я полез в нее по своей воле. Армия войдет в Париж, но я этого не увижу. Наши трупы могут пролежать здесь десять лет, и их никто не найдет, кроме сов да лесных животных». Кристиан начал потеть еще на дороге, потел и когда полз, а теперь его начал бить озноб, и горячий пот стал ледяным и таким липким, что пропитавшаяся им одежда буквально срослась с кожей. Кристиан стиснул зубы – не хватало еще, чтобы они отбивали дробь. В лесу небось полным-полно французов, отчаянных, полных ненависти, которые знают этот лес, как мебель в собственной квартире. И им наверняка хочется убить еще одного немца, прежде чем их страна окончательно капитулирует. Да еще от Брандта, который всю жизнь шагал только по мостовым, сейчас, когда он продирается сквозь кустарник, шума, как от стада скота.

Ну почему все так получилось? Именно теперь. Когда вся ответственность легла на него, Кристиана. Впервые лейтенант пустил его в свободное плавание. Война-то началась не вчера, и всякий раз лейтенант был рядом, смотрел на него сверху вниз, пренебрежительно фыркал, говоря: «Сержант, разве так вас учили отдавать приказ?», или «Сержант, вы полагаете, что это правильный способ заполнения бланка требований?», или «Сержант, если я говорю, что мне нужны десять человек в четыре часа, это означает, что они должны прибыть в указанное мной место ровно в четыре, а не в четыре ноль две, четыре десять или четыре пятнадцать. **РОВНО В ЧЕТЫРЕ, СЕРЖАНТ.** Это ясно?» А теперь лейтенант радостно мчит в бронеавтомобиле по совершенно безопасной дороге. Вот уж в кого добросовестно вдабливали всю эту тактическую премудрость. Тут тебе и Клаузевиц, и диспозиция войск, и обход с фланга, и секторы обстрела, и марш-броски по незнакомой местности. А в итоге лейтенанту потребовались лишь дорожная карта да несколько литров бензина. А он, Кристиан, в недавнем прошлом штатский, пробирается по полному опасностей лесу, чтобы атаковать хорошо укрепленную вражескую позицию. Атаковать в компании двух солдат, ни разу в жизни ни в кого не стрелявших... Это же чистое безумие. Как можно в таких условиях рассчитывать на успех? Ему вспомнился оптимизм, переполнявший его совсем недавно, на дороге, когда он выглядывал из-за заднего колеса разведывательного автомобиля.

– Самоубийство, – пробормотал Кристиан. – Настоящее самоубийство.

– Что? – спросил Брандт, и голос его разнесся по лесу, как гонг, зовущий на обед. – Что ты сказал?

– Ничего, – ответил Кристиан. – Помолчи.

Он всматривался в каждый листок, в каждую травинку. От напряжения болели глаза.

– Берегись! – вдруг выкрикнул Краус. – Берегись!

Кристиан нырнул за дерево. Брандт врезался в него, и в грохоте выстрела пуля вонзилась в ствол над их головами. Кристиан развернулся, отбросив Брандта. Военный фотограф, быстро мигая, вновь боролся с предохранителем своего пистолета. Краус, согнувшись, дергал винтовку, ремень которой зацепился за куст. Вновь прогремел выстрел, и Кристиан почувствовал, как голову словно ожгло огнем. Он упал, но тут же вскочил и выпустил очередь по прятавшейся

за валуном фигуре, которую внезапно заметил среди колышущейся листвы. Кристиан увидел, как брызнули во все стороны осколки камня. А потом ему пришлось сменить магазин. Он сел на землю, дергая новый, тугой затвор. Выстрел прогремел слева от него. И тут же раздался дикий крик Крауса: «Я его уложил! Я его уложил!» Силезец радовался, словно мальчишка на своей первой охоте на фазанов. Француза повело вбок, он упал лицом в траву и застыл. Краус побежал к французу, будто опасаясь, что другой охотник предъявит свои права на добычу. Прогремели еще два выстрела, и Краус ничком рухнул на куст. Гибкие ветки спружинили и еще некоторое время подрагивали, а вместе с ними вибрировали и ягоды Крауса. Брандт наконец-то справился с предохранителем и теперь беспорядочно палил по зарослям кустов. Он сидел на земле, очки съехали на кончик носа, он кусал побелевшие губы и пытался поддерживать правый локоть левой рукой. К этому времени Кристиан сменил магазин и тоже открыл огонь по кустам. Внезапно из них вылетела винтовка, а следом вышел мужчина с поднятыми руками. Кристиан убрал палец со спускового крючка. В лесу вновь воцарилась тишина, и в нос Кристиану ударил резкий, сухой, неприятный запах сгоревшего пороха.

– Venez! – крикнул он. – Venez ici!¹⁴ – И пусть от выстрелов гудело в голове и звенело в ушах, Кристиан не без гордости отметил про себя, что с французским у него полный порядок.

Человек в грязной, порванной у воротника форме, с серо-зеленым от страха лицом и трехдневной щетиной на подбородке и щеках, держа руки над головой, медленно направился к ним. Губы его никак не могли сомкнуться, язык то и дело облизывал уголки рта.

– Возьми его на мушку, – приказал Кристиан Брандту, который, забыв про все страхи, уже фотографировал француз.

Брандт поднялся, угрожающе нацелив пистолет на француз. Тот остановился. Казалось, ноги вот-вот откажутся ему служить и он упадет. Когда Кристиан проходил мимо него, направляясь к кусту, на котором повис Краус, глаза француз наполнились отчаянием и мольбой. Куст уже не вибрировал, и у Кристиана отпали последние сомнения в том, что Краус мертв. Кристиан уложил его на землю. На лице Крауса застыло изумление.

С трудом переставляя ноги, чувствуя, как саднит голову в том месте, где ее задела пуля, а на ухо стекают капли крови, Кристиан направился к убитому француз. Француз лежал на животе, с пулей между глаз. Очень молодой, не старше Крауса. Выстрел обезобразил его лицо. Кристиан торопливо опустил француз на землю. Сколько же вреда от этих молокососов, думал он. И выстрелили-то они всего четыре раза за всю войну, а двое уже убиты.

Кристиан коснулся царапины над виском. Она уже не кровоточила. Он вернулся к Брандту, приказал ему объяснить пленному, что тот должен вернуться к баррикаде и сказать ее защитникам, что они окружены и будут уничтожены, если окажут сопротивление. «Мой первый день на войне, – думал Кристиан, пока Брандт переводил его слова, – а я уже выставляю ультиматум, словно какой-нибудь генерал-майор». Он заулыбался. У него кружилась голова, тело если и слушалось, то с трудом, его то разбирал смех, то хотелось плакать.

Француз энергично кивал, потом что-то затараторил так быстро, что Кристиан не смог разобрать ни слова.

– Он говорит, что все сделает, – перевел Брандт.

– Скажи ему, мы пойдем следом и пристрелим его, если заметим подвох.

Выслушав Брандта, француз вновь энергично кивнул, словно ему сообщили безусловную истину, оспаривать которую бессмысленно. Они двинулись к баррикаде на шоссе мимо тела Крауса. Он лежал на траве, молодой, крепкий парень, и в лучиках солнца, пробившихся сквозь листву, его каска отливала тусклым золотом.

Француза они не отпускали больше чем на десять шагов. Он остановился у границы леса. От дороги деревья отделяли трехметровый откос и низкий каменный забор.

¹⁴ Идите! Идите сюда! (фр.)

– Эмиль! – крикнул француз. – Эмиль! Это я, Морель!

Он перелез через забор и скрылся из виду. Кристиан и Брандт медленно приблизились к забору, укрылись за ним и осторожно выглянули. Их пленный уже стоял на асфальте и в чем-то горячо убеждал семерых солдат, которые защищали свою баррикаду. Изредка кто-то из них нервно поглядывал на лес. Слов Кристиан и Брандт не могли разобрать, поскольку говорили французы шепотом. Даже в военной форме, даже с винтовками в руках выглядели они, как крестьяне, собравшиеся в мэрии, чтобы обсудить какие-то местные проблемы. Кристиану оставалось лишь гадать, какова причина той необъяснимой вспышки патриотизма, которая толкнула этих брошенных командирами людей на столь отчаянное, бесполезное и кровавое сопротивление. Он надеялся, что они сдадутся. Не хотелось ему убивать этих шепчущихся, донельзя уставших солдат в измятой форме.

Пленный повернулся, помахал рукой Кристиану.

– C'est fait! – прокричал он. – Nous sommes finis.

– Он говорит, все хорошо, – перевел Брандт. – Они сдаются.

Кристиан встал, знаками показал французам, что те должны сложить оружие. И в этот момент с другой стороны дороги прогремели три очереди. Француз, который вел переговоры, упал, остальные бросились бежать по дороге, беспорядочно стреляя, и один за другим скрылись в лесу.

Гиммлер, с горечью подумал Кристиан. Явился не запыхавшись. В самый неподходящий момент. Когда он нужен, его днем с огнем...

Кристиан перепрыгнул через забор, спустился по откосу к баррикаде. С другой стороны дороги все еще стреляли – по существу, попусту тратили патроны. Французы давно исчезли, а преследовать их Гиммлер и его люди не собирались.

Когда Кристиан вышел на асфальт, лежавший там француз зашевелился, сел и посмотрел на Кристиана. Затем привалился к лежащему в основании баррикады древесному стволу, у которого стоял ящик с гранатами. Из последних сил француз достал одну и попытался выдернуть чеку слабеющей рукой. Кристиан повернулся и, увидев, что француз, не отрывая от него ненавидящего взгляда, старается вытащить чеку зубами, выстрелил. Француз откинулся на спину. Граната покатилась в сторону. Кристиан подскочил к ней и зашвырнул в лес. В ожидании взрыва он присел на корточки за баррикадой рядом с убитым, но граната не взорвалась: чеку француз вытащить так и не удалось.

Кристиан поднялся.

– Все хорошо! – крикнул он. – Гиммлер, ко мне!

Он смотрел на человека, которого только что убил, когда Гиммлер и его солдаты, ломая кусты, вышли на дорогу. Брандт сфотографировал труп, потому что фотографии убитых французов в Берлин попадали очень редко.

«Я убил человека, – подумал Кристиан. – Наконец-то». Никаких особых эмоций он не испытывал.

– Как тебе это понравилось? – радостно воскликнул Гиммлер. – Здорово мы все проделали. Готов спорить, что за это могут дать Железный крест.

– Ты бы лучше помолчал, – осадил его Кристиан.

Он приподнял убитого за плечи и оттащил с дороги. Потом приказал солдатам разобрать баррикаду, а сам вместе с Брандтом отправился за Краусом.

К тому времени, когда он и Брандт вынесли Крауса на шоссе, Гиммлер и его люди уже освободили дорогу. Убитого в лесу француз Кристиан оставил лежать там, где тот упал. Кристиану не терпелось двинуться дальше. Заботиться о павших врагах – не его дело.

Они осторожно опустили Крауса на землю. Он по-прежнему выглядел молодым и цветущим, в уголках губ запекся вишневый сок. С этими красными пятнами Краус напоминал маленького мальчика, который крадучись выходит из кладовой, где он тайком лакомился варе-

нем. Что ж, думал Кристиан, глядя на этого простодушного здоровяка, который так заразительно смеялся над его шутками, ты убил своего француза. Кристиан решил, что из Парижа напишет отцу Крауса, расскажет, как погиб его сын. Бесстрашный, напишет он, жизнерадостный, отважный, образцовый немецкий солдат, которым можно только гордиться. Принявший смерть с гордо поднятой головой. Нет, надо придумать что-нибудь получше, а не то его послание ничем не будет отличаться от тех идиотских писем, что приходили с прошлой войны. И чего уж там говорить, теперь они вызывают разве что усмешку. Для Крауса надо найти что-то более оригинальное, что-то личное. «Когда мы хоронили его, нам всем запомнились пятна вишневого сока, оставшиеся у его губ. Он всегда смеялся над моими шутками и погиб только потому, что забыл об осторожности...» Нет, этого тоже писать не следует. Но все равно что-то написать придется.

Кристиан отвернулся от мертвого паренька, услышав шум медленно приближающихся автомобилей. В его взгляде, брошенном на них, сквозило легкое пренебрежение.

– Можете заходить, дамочки! – крикнул он. – Мышка уже убежала.

Автомобили послушно прибавили ходу и остановились у остатков баррикады, урча моторами. В одном уже сидел водитель Кристиана. Их машину можно отправлять на свалку, доложил он. Радиатор пробит, покрышки лопнули. Лицо у водителя побагровело, хотя во время стычки он не вылезал из кювета. Говорил он короткими, отрывистыми фразами, дыхания хватало лишь на несколько слов, а потом у него перехватывало горло. Кристиан понимал, что происходит с водителем: есть люди, которые в момент опасности сохраняют полное спокойствие, зато потом, когда самое страшное уже позади, дают волю страху и буквально теряют контроль над собой.

– Мейшен, – отдавая приказ, Кристиан вслушивался в собственный голос, – ты и Тауб остаетесь здесь до подхода следующей за нами части. – Голос ровный, спокойный, радостно отметил Кристиан, каждое слово звучит четко и ясно. «Я с честью выдержал испытание и теперь точно знаю, что смогу воевать». – Мейшен, пойдешь в лес. – Кристиан рукой указал направление. – В шестидесяти метрах отсюда найдешь мертвого француза. Притащи сюда и положи рядом с этими двумя... – он посмотрел на Крауса и второго француза, которого убил сам, лежащих рядышком у обочины шоссе, – чтобы их похоронили как положено. – Кристиан повернулся к остальным: – По машинам!

Они расселись по автомобилям. Водители включили первую передачу и осторожно проехали по участку асфальта, на котором недавно лежали стволы срубленных деревьев. Теперь о баррикаде напоминали лишь пятна крови, клочки матрасов да оборванные листья. И все равно даже в этом месте шоссе выглядело таким же мирным, как и везде, а два мертвых солдата, лежащих в высокой траве, напоминали садовников, которые решили вздремнуть после обеда.

Разведывательные автомобили набрали скорость и выскочили из-под сени деревьев. Теперь они ехали меж широких, зеленеющих молодыми побегами полей и могли не опасаться снайперов. Теплые лучи солнца согревали кожу, все немножко вспотели, но никто не жаловался. После лесной прохлады погреться – самое милое дело. «Я справился, – думал Кристиан, немного стыдясь самодовольной улыбки, которая кривила уголки его рта. – Я справился. Повел людей в бой и победил. Я не зря ем свой хлеб».

Впереди, у подножия пологого склона, протянувшегося на добрых три километра, лежал небольшой городок. Россыпь маленьких каменных домов и плывущие над ними изящные шпили двух средневековых церквей. Изъеденные временем стены дышали древностью. Уютный, не ведающий опасности городок, обитателям которого с незапамятных времен никто не мешал жить. По мере того как сокращалось расстояние до первых домов, водитель Кристиана все сбрасывал скорость. И раз за разом нервно поглядывал на сержанта.

– Не тормози! – нетерпеливо бросил Кристиан. – Там никого нет.

Водитель послушно нажал на педаль газа.

С близкого расстояния дома не казались такими уж уютными. Облупившаяся краска, пыльные окна, резкий, неприятный запах. Все-таки эти иностранцы, подумал Кристиан, – такие грязнули.

Поворот улицы вывел их на городскую площадь. Какие-то люди стояли на ступенях церкви, другие – перед кафе, которое, к изумлению солдат, работало, как в обычные дни. «Chasseur et Pecheur», прочитал Кристиан на вывеске над дверью. «Охотник и рыболов». Пять или шесть мужчин сидели за столиками. Официант как раз принес двоим по рюмке на этих маленьких подставках-блюдечках. Кристиан усмехнулся. Ну и война!..

На ступенях церкви их внимание привлекли три молоденькие девушки в ярких юбках и блузках с большим вырезом.

– О-о-о! – закатил глаза водитель. – О-ля-ля!

– Остановись здесь, – приказал Кристиан.

– Avec plaisir, mon colonel¹⁵, – ответил водитель, и Кристиан бросил на него короткий взгляд, удивленный познаниями солдата во французском языке.

Водитель подкатил к церкви, остановил автомобиль и уставился на девушек. Одна из них, черноволосая, полнотелая, с букетом садовых цветов в руке, захихикала. К ней присоединились и ее подружки. Все трое с неприкрытым интересом разглядывали сидящих в автомобилях солдат.

Кристиан вылез из машины и повернулся к Брандту.

– Пошли со мной, переводчик.

Брандт последовал за ним с фотоаппаратом в руках.

По ступеням Кристиан поднялся к девушкам.

– Bonjour Mesdemoiselles¹⁶, – поздоровался он, осторожно снимая каску.

Девушки вновь захихикали. Полнотелая прокомментировала его приветствие: «Как хорошо он говорит». Кристиан ее понял и, окрыленный, решил пренебречь услугами Брандта, который, конечно же, знал язык гораздо лучше, чем он.

– Скажите мне, красавицы, в последнее время через ваш город не проходили части вашей армии? – Несколько раз он запнулся, но фразу построил правильно.

– Нет, месье, – ответила пышногрудая девица, кокетливо улыбаясь. – Нас все бросили. Вы не сделаете нам ничего дурного?

– Мы никого не собираемся обижать, – заверил ее Кристиан, – особенно таких красивых юных дев.

– Нет, вы только послушайте! – по-немецки воскликнул Брандт.

Кристиан широко улыбнулся. До чего же приятно вот так стоять в древнем городке на лестнице, ведущей в церковь, смотреть на пышный бюст черноволосой девушки, выпирающий над вырезом ее блузки, флиртовать с ней на чужом языке. Милый такой пустячок, об этом как-то не думается, когда идешь на войну.

– Ну и ну! – Черноволосая девушка улыбалась все шире. – Неужели вас этому учат в военных училищах?

– Война закончена, – торжественно заявил Кристиан, – и теперь вы поймете, что мы истинные друзья Франции.

– О, да вы прекрасный пропагандист! – Улыбка ее стала уж совсем откровенной, и на мгновение Кристиан подумал, а не задержаться ли им на часок в этом городе. – И много за вами придет таких же, как вы?

– Десять миллионов, – без запинки ответил Кристиан.

Девушка всплеснула руками в притворном отчаянии.

---

¹⁵ С удовольствием, полковник (фр.).

¹⁶ Добрый день, девушки (фр.).

– Что же мы с ними будем делать? Это вам, – она протянула ему цветы, – потому что вы первый.

Кристиан изумленно глянул на букет, потом осторожно взял его из рук девушки. Как это благородно с ее стороны. И сколько в этом поступке надежды на то, что все закончится хорошо.

– Mademoiselle... – Тут его французский дал сбой. – Не знаю, как сказать... но... Брандт!

– Сержант хочет сказать, – зашебетал Брандт на безупречном французском, – что он очень тронут и воспринимает этот букет как символ нерушимой дружбы, которая свяжет два наших великих народа.

– Да, – подтвердил Кристиан, завидую бойкости, с которой изъяснялся на французском Брандт. – Именно так.

– Так он сержант. Офицер! – Черноволосая расплылась в улыбке, и Кристиан подумал, что здешние девушки ничем не отличаются от немецких.

За его спиной послышались чьи-то гулкие шаги по булыжной мостовой. Кристиан повернулся с букетом в руке, почувствовал удар по пальцам, легкий, но резкий, и в следующее мгновение цветы выпали из его руки и рассыпались по грязным ступеням.

Перед Кристианом стоял старик француз в черном костюме, зеленоватой фетровой шляпе и с тростью в руке. Петлицу украшала орденская ленточка. Изрезанное морщинами, исеченное ветром свирепое лицо, полный ненависти взгляд.

– Это вы сделали? – спросил Кристиан.

– Я не разговариваю с немцами, – ответил старик.

По его выправке Кристиан понял, что перед ним вышедший в отставку кадровый военный, привыкший командовать. Старик повернулся к девушкам.

– Шлюхи! – прошипел он. – Почему бы вам не улечься прямо здесь? Задирайте юбки, и пусть они приступают к делу.

– Успокойтесь, капитан. – В голосе черноволосой слышалась обида. – Это не ваша война.

Кристиан понимал весь идиотизм положения, но не знал, что предпринять. Он не на поле боя, а применять силу по отношению к семидесятилетнему старику – абсурд.

– Француженки! – Старик сплюнул. – Цветы для немцев! Они убивали ваших братьев, а вы дарите им букеты!

– Они всего лишь солдаты, – сказала девушка. – Они далеко от дома и такие молоденькие и красивые в военной форме. – Черноволосая бесстыдно улыбнулась Кристиану и Брандту, и Кристиан не мог не рассмеяться: вот она, женская логика.

– Успокойся, старик, – сказал он. – Цветов у нас больше нет. Возвращайся к своей рюмке. – Кристиан дружелюбно положил руку на плечо старика.

Тот яростно сбросил его руку.

– Не прикасайся ко мне, бош! – выкрикнул он и зашагал через площадь. Его каблуки яростно стучали по булыжникам мостовой.

– О-ля-ля! – Водитель Кристиана укоризненно покачал головой, когда старик поравнялся с автомобилем.

Старик не обратил на него ни малейшего внимания.

– Французы! Француженки! – кричал он, обращаясь ко всем и ни к кому. – Неудивительно, что боши уже здесь. Ни храбрости, ни мужества. Один выстрел – и они разбегаются по лесам, словно кролики. Одна улыбка – и они уже в постели со всей немецкой армией! Они не работают, они не молятся, они не сражаются, единственное, что они умеют, – так это сдаваться. Двадцать лет Франция упражнялась в этом занятии и наконец довела его до совершенства.

– О-ля-ля! – повторил водитель Кристиана, который понимал по-французски. Он наклонился, поднял камень и небрежно швырнул его в старика. Камень пролетел мимо и угодил в широкое окно-витрину кафе. Послышался звон стекла, а потом над площадью повисла тишина. Старик француз даже не оглянулся, не посмотрел на разбитое стекло. Он молча сел за свой

столик и оперся на трость. Поражение Франции в этой короткой войне рвало его сердце, но старика оно не сломило, и взгляд, которым он сверлил немцев, переполняла ненависть.

Кристиан спустился по ступеням к водителю.

– Зачем ты это сделал?

– Слишком много он себе позволяет, – ответил водитель, здоровенный, безобразный, наглый детина, истинный берлинский таксист. Кристиан невзлюбил его с первого взгляда. – Надо научить их уважать немецкую армию.

– Чтобы больше этого не было! – отчеканил Кристиан. – Ясно?

Водитель чуть расправил плечи, но не ответил. Просто стоял, тупо уставившись на Кристиана. Однако по глазам чувствовалось, что он остался при своем мнении.

Кристиан отвернулся от него.

– Ладно. По машинам! – скомандовал он.

Девицы заметно присмирели. Автомобили, которые пересекли площадь и свернули на дорогу в Париж, они лишь проводили взглядами. Ни одна не решилась помахать вслед рукой.

Кристиана охватило легкое разочарование, когда они подъехали к огромной, побуревшей от времени, украшенной скульптурами арке ворот Сен-Дени и он увидел, что просторная площадь забита бронеавтомобилями и солдатами в серой форме. Солдаты лежали и сидели на асфальте, завтракали, благо полевые кухни дымились тут же, точь-в-точь как в каком-нибудь баварском городке, гарнизон которого готовится к параду по случаю национального праздника. Кристиан никогда не бывал в Париже, и ему хотелось завершить эту войну на высокой ноте, проехав по дышащим историей улицам в авангарде армии, вступающей в древнюю столицу вражеского государства.

Автомобили Кристиана медленно проползли между отдыхающими солдатами и составленными в козлы винтовками к основанию монумента. Кристиан дал сигнал Гиммлеру остановиться. Именно сюда было приказано привести вверенное ему подразделение и дожидаться здесь прибытия основного отряда. Кристиан снял каску, потянулся и глубоко вдохнул. Задание выполнено.

Брандт выпрыгнул из машины и уже шелкал солдат, которые ели, привалившись к основанию арки. Даже в форме и с черной кожаной кобурой на ремне Брандт выглядел как банковский клерк в отпуске, делающий снимки для семейного альбома. Фотографировал он далеко не всех. На этот счет у него была своя теория. Он выбирал самых молодых и симпатичных, отдавая предпочтение светловолосым солдатам, ефрейторам, сержантам. «Моя задача, – как-то объяснил он Кристиану, – показывать тем, кто остался дома, не ужасы, а привлекательную сторону войны». Судя по всему, такой подход находил понимание у руководства. Брандта представили к офицерскому званию, и он постоянно получал благодарности из министерства пропаганды в Берлине.

Среди солдат застенчиво бродили двое маленьких детей – единственные представители гражданского населения Франции среди импровизированного военного лагеря. Брандт подвел их к Кристиану, который чистил автомат на капоте разведывательного автомобиля.

– Слушай, окажи мне услугу. Попозируй с этими малютками.

– Найди кого-нибудь еще, – запротестовал Кристиан. – Я не артист.

– А я хочу сделать тебя знаменитым. Наклонись и предложи им конфетку.

– Нет у меня конфеток! – отрезал Кристиан.

Дети – мальчик и девочка лет пяти – стояли у машины, не сводя с Кристиана больших, черных, печальных глаз.

– Держи. – Брандт достал из кармана два шоколадных батончика. – Хороший солдат должен быть готов к любым неожиданностям.

Кристиан вздохнул, положил на капот снятый с автомата ствол и наклонился к двум симпатичным крохам.

– Потрясающая фактура! – Брандт уже сидел на корточках, уставившись в окуляр. Искал наилучший ракурс. – Юность Франции, красивая, голодная, грустная, доверчивая. И добродушный, с сердобольным, щедрый немецкий сержант, атлетически сложенный, дружелюбный, симпатичный, фотогеничный...

– Когда же ты от меня отстанешь?

– Продолжай улыбаться, красавчик. – Брандт все щелкал и щелкал затвором. – Не давай им конфеты без моей команды. Просто показывай их, чтобы дети к ним тянулись.

– Я хотел бы напомнить тебе, солдат, – Кристиан улыбался, глядя сверху вниз на серьезные мордашки детишек, – что я по-прежнему твой командир.

– Искусство превыше всего, – отпарировал Брандт. – Какая жалость, что ты не блондин! Если б не цвет волос, ты являл бы собой идеальный тип немецкого солдата. Выглядишь ты так, словно в голове у тебя когда-то была одна мысль, да только и она куда-то подевалась.

– Полагаю, мне следует подать рапорт и доложить о твоих высказываниях. Никому не позволено оскорблять честь сержанта немецкой армии.

– Художника не пронять такими булавочными уколами.

Еще несколько снимков – и Брандт закончил съемку.

– Готово.

Кристиан отдал конфеты детям, которые так ничего ему и не сказали. Еще раз вскинули на него глаза, сунули батончики в карманы и, взявшись за руки, пошли дальше меж железных гусениц, сапог и винтовочных прикладов.

Бронеавтомобиль, сопровождаемый тремя легкими разведывательными автомобилями, въехал на площадь и медленно покотился к арке. Кристиан чуть опечалился, увидев лейтенанта. С самостоятельностью покончено, с этого момента он больше не командир. Кристиан отдал лейтенанту честь, тот ответил тем же. Уж кто умел отдавать честь – так это лейтенант. Вроде бы и сделать надо совсем ничего – вскинуть руку, но у лейтенанта этот жест наполнялся звоном мечей и звяканьем шпор всех военных кампаний со времен Ахилла и Аякса. Даже теперь, проделав долгий путь по территории Франции, лейтенант выглядел так, словно только что успешно сдал выпускные экзамены в Шпандау и вышел с дипломом в затынутой в белую перчатку руке. Кристиан недолюбливал лейтенанта, теряясь рядом с таким совершенством. Лейтенант был очень молод – двадцать три, максимум двадцать четыре года, – но надменный взгляд его холодных светло-серых глаз, казалось, видел насквозь этот несовершенный мир жалких штатских. Лишь очень немногие люди вызвали у Кристиана ощущение собственной неполноценности, и лейтенант входил в их число. Стоя навытяжку, наблюдая, как лейтенант резво выпрыгивает из бронеавтомобиля, Кристиан торопливо повторял про себя слова рапорта, вновь в который уж раз испытывая чувство вины за случившееся в лесу – ведь его халатное отношение к своим обязанностям привело к тому, что они угодили в западню.

– Слушаю, сержант. – Тон лейтенанта был язвительным. Так мог бы говорить Бисмарк, когда учился в военной академии. Лейтенант не смотрел по сторонам. Не проявлял никакого интереса к старинным парижским зданиям. С тем же успехом он мог принимать рапорт Кристиана на громадном учебном плацу около Кенигсберга, а не в центре столицы Франции в первый после 1871 года день ее оккупации иностранными войсками.

– В десять ноль-ноль на дороге Мо – Париж мы вошли в соприкосновение с противником. Укрывшись за тщательно замаскированной баррикадой, противник открыл огонь по головному автомобилю нашей подвижной группы. Мы атаковали силами девяти человек. Убили двоих, вышибли остальных с занимаемой ими позиции и разобрали баррикаду. – Кристиан на мгновение запнулся.

– Слушаю, сержант, – сухо поторопил его лейтенант.

– Мы понесли потери. – «Вот теперь я получу по заслугам», – подумал Кристиан. – Погиб ефрейтор Краус.

– Ефрейтор Краус, – повторил лейтенант. – Он выполнил свой долг?

– Так точно. – Кристиан вспомнил, с каким щенячьим восторгом этот деревенский парень кричал: «Я его уложил! Я его уложил!» – Первыми же выстрелами он убил одного из вражеских солдат.

– Отлично, – вынес свой вердикт лейтенант. Ледяная улыбка скользнула по его лицу, чуть дернулся длинный крючковатый нос. – Отлично.

Он доволен, изумленно отметил Кристиан.

– Я уверен, что ефрейтор Краус будет удостоен награды, – продолжал лейтенант.

– Я думал о том, чтобы написать письмо его...

– Нет! – отрезал лейтенант. – Писать письма – не ваше дело. Это обязанность командира роты. Письмо напишет капитан Мюллер. Факты я ему изложу. Такое письмо – вопрос очень деликатный, важно найти нужные слова, выразить соответствующие чувства. Капитан Мюллер знает, как это делается.

Наверное, подумал Кристиан, в военном училище читают курс «Письма родственникам». Целый семестр. Один час в неделю.

– Сержант, я доволен вашим поведением и поведением солдат, которыми вы командовали.

– Рад стараться, господин лейтенант! – гаркнул Кристиан. Почему-то похвала лейтенанта несказанно его обрадовала.

Подошел Брандт, отдал честь. Лейтенант холодно козырнул в ответ. Брандта он ни в грош не ставил, фотограф ничем не напоминал солдата. А лейтенант и не пытался скрывать свое отношение к людям, которые шли на войну с фотоаппаратом, а не с винтовкой в руках. Но из штаба поступило прямое указание оказывать фотографам всяческое содействие. Игнорировать приказ лейтенант не мог.

– Господин лейтенант! – В голосе Брандта не было никакого металла, сразу ясно: говорит штатский. – Мне приказано как можно быстрее доставить отснятые пленки на площадь Оперы. Там собирают пленки всех военных фотографов, а потом самолетом отправляют их в Берлин. Вас не затруднит выделить мне автомобиль? Я сразу вернусь.

– Я дам вам знать об этом через несколько минут, Брандт. – Лейтенант отвернулся и зашагал через площадь к капитану Мюллеру, который только что подъехал на амфибии.

– Он от меня просто без ума, – вздохнул Брандт. – Ну и лейтенант нам достался...

– Но машину он тебе даст, – заверил его Кристиан. – Сейчас у него отличное настроение.

– Я от него тоже без ума! – кипятился Брандт. – Я без ума от всех лейтенантов. – Он оглядел возвышающиеся вокруг площади каменные здания, окрашенные в мягкие тона, сложенных без дела рослых вооруженных людей в касках и серой форме. Среди вывесок на французском и закрытых кафе они выглядели чем-то абсолютно инородным. – Не прошло и года, как я побывал здесь в последний раз. Тогда на мне был синий пиджак и фланелевые брюки. Меня принимали за англичанина, поэтому все были со мной очень милы. Вон там, за углом, есть очаровательный маленький ресторанчик, и я приехал туда на такси теплым летним вечером с черноволосой красавицей, с которой в тот день мы впервые легли в постель... – Брандт мечтательно закрыл глаза, прислонился головой к бронированному боку гусеничного транспортера. – Она считала, что предназначение женщины – ублажать мужчин. Голос у нее был удивительный: все вставало, стоило услышать его даже за квартал. И по эту сторону Дуная, пожалуй, второй такой груди не найти. Перед обедом мы выпили шампанского. В темно-синем платье она выглядела юной скромницей, и мне с трудом верилось, что часом раньше она лежала в моих объятиях. Мы сидели, держась за руки, и, как мне показалось, на глазах у нее выступили слезы. Мы съели отменный омлет, выпили бутылку шабли. Тогда я еще не слышал о лейтенанте

Гарденбурге, зато знал наверняка, что через час-полтора мы вновь вернемся в ее постель и она подарит мне ни с чем не сравнимое блаженство.

– Прекрати, – усмехнулся Кристиан. – Мои моральные устои вот-вот рухнут.

– Я говорю о далеком прошлом, – Брандт по-прежнему не открывал глаз, – когда я был паршивым штатским. Все это происходило в далеком прошлом, до того как на меня надели военную форму.

– Открой глаза и вылез из той постели. Сюда идет лейтенант.

Лейтенанта, который направлялся к ним широким шагом, они встретили, вытянувшись по стойке «смирно».

– Все улажено. – Лейтенант посмотрел на Брандта. – Вы можете взять машину.

– Благодарю вас, господин лейтенант.

– Я поеду с вами, – продолжал лейтенант. – И возьму с собой Гиммлера и Дистля. Поговаривают, что нашу часть расквартируют в том районе. Капитан предложил разведать обстановку. – Лейтенант улыбнулся, как ему казалось, тепло и дружелюбно. – К тому же мы заработали право на осмотр достопримечательностей. Поехали.

Он двинулся к одному из автомобилей, Кристиан и Брандт последовали за ним. Гиммлер уже сидел за рулем. Кристиан и Брандт залезли на заднее сиденье. Лейтенант расположился впереди, прямой как жердь, – блестящий представитель немецкой армии и немецкого государства на парижских бульварах.

Едва автомобиль тронулся с места, как Брандт поморщился и пожал плечами. Дорогу Гиммлер знал. Он не раз бывал в Париже во время отпусков и даже достаточно бегло говорил на ломаном французском. Взяв на себя роль развеселого гида, Гиммлер обращал внимание своих пассажиров на местные достопримечательности: кафе, в которых он бывал, театр-кабаре, в котором видел чернокожую американку, танцевавшую голой, улицу, на которой располагался лучший, по его твердому убеждению, публичный дом Парижа. Гиммлер относился к тем солдатам, которые никогда не лезут за словом в карман и умеют вовремя сказанной шуткой разрядить напряжение. Такие есть во всех армиях, и они неизменно пользуются расположением офицеров. Им дозволяются вольности, за которые другие тут же получают наряды вне очереди, а то и отправляются на гауптвахту. Лейтенант гордо восседал рядом с Гиммлером, пожирая взглядом пустынные улицы. И даже дважды рассмеялся над его шутками.

Площадь перед знаменитым оперным театром заполнили солдаты. Они были везде: на самой площади, на широких ступенях, ведущих к величественным колоннам, между колоннами. Их было так много, что отсутствие штатских и женщин в самом центре города далеко не сразу бросалось в глаза.

Брандт скрылся в одном из зданий, выходящих фасадом на площадь, важный, деловой, с фотоаппаратом и пленками. Кристиан и лейтенант вылезли из автомобиля, оглядывая величественный, увенчанный куполом парижский оперный театр.

– Мне следовало побывать здесь раньше. – Из голоса лейтенанта напрочь исчезли металлические нотки. – В мирное время. Это удивительное место.

Кристиан рассмеялся:

– Господин лейтенант, я уже открыл рот, чтобы сказать то же самое.

Гарденбург дружелюбно хмыкнул. И Кристиан поневоле задался вопросом: а чего это он так боялся лейтенанта? Парень-то, оказывается, свой в доску.

К ним торопливо подошел Брандт.

– На сегодня с делами покончено, – доложил он. – Приказано прибыть завтра во второй половине дня. Они страшно довольны. Я рассказал им, какие у меня фотографии, и они чуть не произвели меня в полковники.

– Я вот подумал... – В голосе лейтенанта, похоже, впервые с 1935 года слышалась некоторая неуверенность. – Я вот подумал, а не могли бы вы сфотографировать меня на фоне оперного театра? Я бы послал фотографию жене.

– С превеликим удовольствием, – без тени улыбки ответил Брандт.

– Гиммлер. Дистль. Сфотографируемся вместе.

– Господин лейтенант, почему бы вам не сфотографироваться одному? Чего вашей жене лицезреть наши физиономии? – Под началом лейтенанта Кристиан служил уже больше года и вот впервые позволил себе в чем-то с ним не согласиться.

– О нет! – Лейтенант обнял Кристиана за плечи, и тому показалось, что его командир уже успел приложиться к бутылке. – Ты не прав. Я много писал жене о тебе. Так что ей будет интересно увидеть, каков ты на самом деле.

Брандт долго суеился, выбирая правильный ракурс, ему хотелось запечатлеть возможно большую часть здания оперного театра. Гиммлер глуповато лыбился в объектив, а лейтенант и Кристиан сохраняли серьезность, воспринимая происходящее как важное историческое событие.

Когда же Брандт наконец их сфотографировал, они сели в машину и направились к воротам Сен-Дени. День близился к вечеру, и уютные, зеленые улицы опустели еще больше: случилось, что они ехали минутой-другую, не встречая ни солдат, ни армейских автомобилей. И впервые после прибытия в Париж Кристиану стало как-то не по себе.

– Великий день, – задумчиво изрек лейтенант, – день, которому суждено навечно остаться в истории. Пройдут годы, а мы будем оглядываться на этот день и говорить: «Мы были там на заре новой эры!»

Кристиан чувствовал, что сидящий рядом с ним Брандт скорчил пренебрежительную гримасу, но этот человек прожил во Франции не один год и, возможно, поэтому очень уж цинично и насмешливо воспринимал высокопарные словеса.

– Мой отец, – продолжал лейтенант, – в 1914 году добрался лишь до Марны. Марна... Она так близко. Но моему отцу не довелось увидеть Париж. Сегодня мы переправились через Марну за пять минут. Исторический день... – Гарденбург взглянул в зев боковой улочки. Кристиан автоматически повернулся, чтобы посмотреть, что углядел там лейтенант. – Гиммлер, это та самая улица?

– Какая улица, господин лейтенант?

– Где расположен тот дом, о котором ты говорил... очень известный.

Ну и память у него, подумал Кристиан. Фиксирует все. Схемы расположения артиллерийских орудий, устав военно-полевого суда, инструкции по обеззараживанию материальной части, подвергшейся воздействию отравляющих газов, местоположение парижского борделя, упомянутого мимоходом пару часов назад.

– Мне представляется... – Лейтенант тщательно подбирал слова, а Гиммлер тем временем сбросил скорость чуть ли не до нуля. – Мне представляется, что такой день, день сражения и победы... Короче, мы имеем полное право расслабиться... Солдат, который сторонится женщин, – никудышный солдат... Брандт, ты ведь жил в Париже, ты слышал об этом заведении?

– Да, господин лейтенант. Высший класс.

– Развернуть машину, сержант, – приказал лейтенант.

– Будет исполнено, господин лейтенант. – Гиммлер, широко улыбаясь, круто вывернул руль, и маленький разведывательный автомобиль, описав круг, нырнул в боковую улочку.

– Я могу положиться на вас, не так ли? – Лейтенант оглядел всех троих. – Болтливых среди вас нет?

– Так точно, господин лейтенант! – в унисон гаркнули они.

– Всему свое время. И дисциплине, и дружеским пирушкам. Нам нужен этот дом, Гиммлер?

– Да, господин лейтенант. Но тут, похоже, все закрыто.

– Пойдешь со мной. – Лейтенант спрыгнул на мостовую и маршевым шагом пересек тротуар, держа курс на массивную дубовую дверь. Каблуки его с силой впечатывались в каменные плиты. Громкое эхо покатилося по узенькой улице, словно по ней шел не один человек, а целая рота.

Гарденбург постучал в дверь, а Брандт и Кристиан с улыбкой переглянулись.

– Скоро он начнет продавать нам порнографические открытки, – прошептал Брандт.

– Ш-ш-ш, – предостерег его от излишних вольностей Кристиан.

Дверь приоткрылась. Пусть не силой, но не без нажима лейтенант и Гиммлер заставили хозяев пустить их в дом. Едва они переступили порог, как дверь захлопнулась, и Брандт с Кристианом остались одни на пустынной, укрытой тенью домов улице. Ночь уже коснулось неба: оно начало медленно темнеть. Стояла мертвая тишина, не было видно ни одного открытого окна.

– У меня создалось впечатление, что повеселиться лейтенант приглашал и нас, – пробурчал Брандт.

– Терпение, – успокоил его Кристиан. – Лейтенант наводит мосты.

– К женщинам я предпочитаю наводить мосты сам, – гнул свое фотограф.

– Хороший офицер, – назидательно произнес Кристиан, – не ляжет спать, пока не убедится, что его солдаты обеспечены всем необходимым.

– Поднимись на второй этаж и напхни об этом нашему лейтенанту, – отпаривал Брандт.

Дверь открылась, и Гиммлер призывно помахал им рукой. Брандт с Кристианом вылезли из автомобиля и вошли в дом. Мавританский фонарь заливал пурпурным светом лестницу и украшавшие стены гобелены.

– Мадам меня узнала. – Гиммлер поднимался по лестнице первым. – Поцелуй, *mon cher garçon*¹⁷ и все такое. Как вам здесь нравится?

– Сержант Гиммлер, – усмехнулся Брандт. – Завсегдатай борделей пяти стран. Вклад Германии в создание Соединенных Штатов Европы.

– Я, во всяком случае, – улыбка не сходила с лица Гиммлера, – времени в Париже зря не терял. Сюда, пожалуйста, в бар. Девочки еще не готовы. Сначала мы немного выпьем. Отвлечемся от ужасов войны.

Гиммлер распахнул дверь, и они увидели лейтенанта. Сняв каску и перчатки, Гарденбург сидел на стуле, положив ногу на ногу, и осторожно обдирал золотистую фольгу с бутылки шампанского. Бар был совсем крошечный. Оштукатуренные лавандового цвета стены, полукруглые окна, портьеры с кисточками. За стойкой восседала крупная женщина, как нельзя лучше дополнявшая обстановку бара. Завитые волосы, накинутая на плечи шаль с бахромой, сильно накрашенные глаза. Она что-то без умолку говорила по-французски, обращаясь к лейтенанту. Тот с важным видом кивал, не понимая ни слова.

– *Amis*. – Гиммлер обнял за плечи Брандта и Кристиана. – *Brave Soldaten*¹⁸.

Женщина выплыла из-за стойки, пожала каждому руку, сказала, что им тут очень рады, извинилась за задержку (сами понимаете, день выдался очень уж суматошный), пообещала, что девочки скоро появятся, очень, очень скоро, а пока почему бы дорогим гостям не присесть и не выпить шампанского. Это так демократично – солдаты и офицеры, распивающие одну и ту же бутылку. Во французской армии такого не увидишь; возможно, поэтому Германия и одержала победу.

---

¹⁷ Мой дорогой мальчик (*фр.*).

¹⁸ Друзья. Бравые солдаты (*фр. искаж.*).

Девочки не появились и когда опустела третья бутылка, но к этому времени о них, можно сказать, позабыли.

– Французы, – вещал лейтенант. Он сидел на стуле все так же прямо, словно аршин проглотил, а вот глаза стали темно-зелеными, тусклыми, как истертое морскими волнами бутылочное стекло. – Я презираю французов. У них нет желания умирать. Вот почему мы здесь, пьем их вино, спим с их женщинами. Все потому, что они предпочитают жить. Смешно... – Он взмахнул рукой, в которой держал полный бокал. В этом жесте и в голосе Гарденбурга чувствовалась злость. – Эта военная кампания – жалкая комедия. С восемнадцати лет я изучаю войну. Искусство войны. Я знаю его как свои пять пальцев. Снабжение. Связь. Поддержание морального духа солдат. Выбор и маскировка командного пункта. Наступательная тактика при использовании противником автоматического оружия. Важность элемента внезапности. Могу командовать армией. Пять лет жизни. И вот решающий момент. – Он горько рассмеялся. – Великий момент. Всей своей мощью Германия обрушивается на противника. Ну и что же? – Лейтенант смотрел на мадам, которая не понимала ни слова по-немецки, но радостно кивала, со всем соглашаясь. – Я не слышу ни единого выстрела. Я сажусь в автомобиль, проезжаю шестьсот километров и заканчиваю свой путь в борделе. Паршивая французская армия превратила меня в туриста! Никакой войны. Пять лет псу под хвост. Никакой карьеры. В лейтенантах мне ходить до пятидесяти лет. В Берлине я никого не знаю. Нет связей, нет друзей, нет и продвижения по службе. Все зря. Моему отцу повезло куда больше. Он дошел только до Марны, но сражался четыре года и еще в двадцать шесть лет стал майором. А на Сомме уже командовал батальоном, потому что за первые два дня сражения были убиты все офицеры. Гиммлер!

– Да, господин лейтенант! – Гиммлер вскочил. Шампанское не ударило ему в голову, и он слушал лейтенанта с хитровой усмешкой.

– Гиммлер! Сержант Гиммлер! Где моя женщина? Я хочу французскую женщину!

– Мадам говорит, что женщина будет у вас через десять минут.

– Я их презираю. – Нетвердой рукой лейтенант поднял бокал и выпил. Что-то попало в рот, что-то вылилось на подбородок. – Я презираю всех французов.

В бар вошли две женщины. Крупная, полная, улыбчивая блондинка с пухлыми губами и маленькая, хрупкая брюнетка со смуглым, арабского типа, грустным лицом, сильно накрашенная, с ярко-красной помадой на губах.

– А вот и они, – проворковала мадам. Она одобритительно похлопала блондинку по задку, словно барышник, продающий племенную кобылу. – Это Жанет. То что надо, не так ли? Я уверена, у немцев Жанет будет пользоваться бешеным успехом.

– Я беру эту. – Лейтенант встал, выпрямился во весь рост, расправил плечи и указал на брюнетку. Она одарила Гарденбурга профессиональной улыбкой, подошла к нему и взяла за руку.

Гиммлер тоже приглядывался к брюнетке, но, естественно, безропотно предоставил право выбора старшему по званию, а потому обнял за талию блондинку.

– Cherie¹⁹, как насчет того, чтобы отдаться красивому, здоровому немецкому солдату?

– Где тут подходящая комната? – спросил по-немецки Гарденбург. – Брандт, переведи.

Брандт перевел, и брюнетка, улыбнувшись всей честной компании, увела за собой лейтенанта, который в отличие от Гиммлера держался очень чопорно.

– А теперь, – Гиммлер с довольным видом тискал блондинку, – моя очередь. Если вы, конечно, не возражаете. – Он посмотрел на Брандта и на Кристиана.

– Отнюдь, – ответил Кристиан. – И можешь не торопиться.

---

¹⁹ Дорогая (фр.).

Гиммлер заулыбался и увел блондинку, обращаясь к ней на своем чудовищном французском: «Cherie, мне очень нравится твое платье...»

Извинившись, отбыла и мадам, выставив на стойку еще одну бутылку шампанского. Кристиан и Брандт, оставшись одни в залитом оранжевым светом мавританском баре, молча смотрели на торчащую из ведерка со льдом запотевшую бутылку.

Так же молча они допили свои бокалы. Открывать шампанское взялся Кристиан. Борьба с пробкой закончилась громким хлопком, от которого он даже подпрыгнул. Ледяная пена выплеснулась ему на руку.

– Ты никогда не бывал в таких местах? – наконец спросил Брандт.

– Нет.

– Хочешь женщину?

– Скорее нет, чем да.

– Если бы ты захотел женщину, но на нее положил бы глаз лейтенант Гарденбург, как бы ты поступил?

Кристиан отпил шампанского.

– Я бы не хотел отвечать на этот вопрос.

– Я тоже. – Брандт покрутил в руке пустой бокал. – И какие чувства ты сейчас испытываешь?

– Даже не знаю, что и сказать. Но никакой радости нет, это точно.

– А мне грустно. Очень грустно. Как там говорил лейтенант?

– Сегодня взошла заря новой эры.

– Мне очень грустно на заре новой эры. – Брандт налил себе шампанского. – Знаешь, десять месяцев назад я чуть не стал гражданином Франции.

– Неужели?

– Я прожил во Франции десять лет, разумеется, с перерывами. Как-нибудь покажу тебе местечко в Нормандии, куда я ездил каждое лето. Я рисовал с утра до вечера, иногда по сорок картин за лето. Во Франции меня признали. Мы обязательно зайдем в галерею, где выставлены мои полотна. Возможно, некоторые висят там до сих пор, и ты сможешь на них взглянуть.

– С удовольствием.

– Я не мог показывать свои картины в Германии. Я абстракционист. Говорят, это нерепрезентативное искусство. Нацисты считают его декадентским. – Брандт пожал плечами. – Наверное, где-то я декадент. Не в такой степени, как лейтенант, но декадент. А ты?

– Я – декадент-лыжник.

– Видать, везде есть свои декаденты, – вздохнул Брандт.

Открылась дверь, и в бар вошла смуглолицая брюнетка. На ней был розовый пеньюар, отделанный перьями. Девушка загадочно улыбалась.

– Где мадам? – спросила она.

– Куда-то вышла, – ответил Брандт. – Может, я помогу?

– Ваш лейтенант... – Брюнетка замялась. – Мне нужно перевести. Он чего-то требует, но я не уверена, что правильно поняла его. Мне кажется, он хочет, чтобы я отстегала его плетью, но я боюсь начинать. Вдруг он просит чего-то еще? Я должна знать наверняка.

– Начинай, – твердо заявил Брандт. – Именно этого ему и не хватает. Я знаю, он мой давний друг.

– Вы уверены? – Брюнетка с сомнением переводила взгляд с одного на другого.

– Абсолютно, – заверил ее Брандт.

– Хорошо. – Брюнетка пожалала плечами. – Выполню его просьбу. – Она повернулась к двери. – Странно все это. – В голосе девушки слышалась насмешка. – Солдат-победитель... в день победы... Необычные у него вкусы, не так ли?

– Мы все необычные люди, – усмехнулся Брандт. – Ты в этом скоро убедишься. А теперь займись делом.

Брюнетка ответила ему коротким злым взглядом и вышла из бара.

– Ты все понял? – спросил Брандт Кристиана.

– Достаточно.

– Давай выпьем. – Брандт разлил шампанское по бокалам. – Я откликнулся на зов родины.

– Что? – Кристиан в недоумении воззрился на него.

– Мир стоял на грани войны, а я рисовал декадентские, абстрактные пейзажи французского побережья в ожидании французского гражданства. – Брандт прищурил глаза, вспоминая тревожные, полные неопределенности дни августа 1939 года. – Французы – самый удивительный народ на всем белом свете. Они любят хорошо поесть; они независимы; во Франции можно рисовать все, что только вздумается, – порицать не будут; у них блестящее боевое прошлое, но они знают, что таких вершин им больше не покорить. Они благоразумны и скуповаты. Такая среда благоприятна для искусства. Однако в последнюю минуту я стал ефрейтором Брандтом, чьи картины невозможно выставить в немецкой галерее. Если кровь не вода, тогда... что? И вот мы здесь, в Париже, проститутки встречают нас с расprostертыми объятиями. Вот что я тебе скажу, Кристиан: в конце концов мы обязательно проиграем. Это же просто безнравственно... варвары с Эльбы жрут сосиски на Елисейских полях...

– Брандт, – попытался остановить его Кристиан. – Брандт...

– Заря новой эры. Вермахт встречает ее, принимая порку в публичном доме. Завтра пойду с куском колбасы на площадь Звезды.

Открылась дверь, и в бар вошел Гиммлер. Он был без кителя, в расстегнутой сорочке. Улыбаясь во весь рот, он держал в руках зеленое платье блондинки.

– Кто следующий? Дама ждет.

– Хочешь последовать по стопам сержанта Гиммлера? – спросил Брандт.

– Нет, – ответил Кристиан. – Не хочу.

– Ты уж не обижайся, сержант, но мы лучше добьем эту бутылку.

Гиммлер обвел их обоих угрюмым взглядом, с его лица на мгновение слетела маска хитроватого добряка.

– Я торопился. – В голосе слышалась обида. – Не хотел задерживать друзей.

– Мы очень ценим твою заботу, сержант. Очень ценим. Даже получая удовольствие, ты помнил о нас.

– Она очень хороша. – На лице Гиммлера вновь заиграла широкая улыбка. – Большая, мягкая. Вы точно не хотите ее?

– Точно, – ответил Кристиан.

– Хорошо, – кивнул Гиммлер. – Тогда пойду на второй заход.

– А что ты с ней делал? – спросил Брандт. – Сдирал с нее платье?

Гиммлер хохотнул.

– Платье я у нее купил. За девятьсот франков. Она просила полторы тысячи. Я пошлю его жене. У нее тот же размер. Пощупай... – Он протянул платье Кристиану. – Настоящий шелк.

Кристиан с важным видом помял материю пальцами:

– Настоящий шелк.

У двери Гиммлер обернулся:

– Даю вам последний шанс.

– Премного тебе благодарны, но решение уже принято, – за обоих ответил Брандт.

– Хорошо, – пожал плечами Гиммлер. – Ваше право.

– Гиммлер, мы уходим, – добавил Кристиан. – Дождись лейтенанта и отвези его в часть. Мы пойдем пешком.

– Тебе не кажется, что следует получить разрешение лейтенанта? – спросил Гиммлер.

– Я полагаю, сейчас обстановка далека от боевой. Мы прогуляемся.

Гиммлер пожал плечами.

– На этих пустынных улицах вы рискуете получить пулю в спину.

– Не сегодня, – ответил Брандт. – Потом – да, но не сегодня.

Они поднялись и вышли на улицу.

За дверью их встретила ночь. Приказ о затемнении никто не отменял, и нигде не было видно ни единого огонька. Но над крышами плыла луна, которая превращала каждую улицу в зебру: темные полосы (тени от домов) чередовались со светлыми (промежутки между домами). Теплый воздух застыл над городом, хотя хрупкую тишину то и дело нарушал лязг металлических гусениц: где-то вдалеке ворочались стальные чудовища. Но среди темной массы домов этот резкий, неприятный звук быстро затихал, сходил на нет.

Дорогу показывал Брандт. От выпитого его качало, но Париж он знал достаточно хорошо и уверенно вел Кристиана в Сен-Дени.

Они не разговаривали. Шли бок о бок, иногда соприкасаясь плечами, их подбитые гвоздями сапоги гулко стучали по брусчатке мостовой. Где-то в темноте с треском закрылось окно, в какой-то момент Кристиану показалось, что он слышит плач младенца. Они повернули на широкий безлюдный бульвар, двинулись мимо спрятавшихся за жалюзи витрин, мимо сложенных у стены столиков и стульев уличных кафе. Далеко впереди светились огни, свидетельствующие о том, что в этот вечер армия, расположившаяся в сердце Франции, не опасается атаки противника. От огней этих, спасибо шампанскому, веяло уютом и крепкой мужской дружбой. Кристиан мечтательно улыбался, неспешно шагая к ним рядом с Брандтом.

Сквозь пьяную дымку лежащий под молодой луной Париж казался нежным, элегантным. Кристиан влюбился в него. Влюбился в истертую брусчатку мостовых. В узенькие, извилистые улочки, которые начинались от бульваров и уводили в другие столетия. В церкви, окруженные магазинчиками, барами, публичными домами. В стулья с тонкими ножками, поставленные на столы сиденьями вниз под тентами кафе. В людей, попрятавшихся за опущенными шторами. В реку, которой еще не видел, но которая пересекала город и определяла его облик. В рестораны, в которых еще не ел, и в девушек, с которыми еще не встретился. Он знал, что завтра, когда настанет солнечное утро и рассеется ночной страх, эти девушки обязательно появятся на бульварах в туфельках на высоком каблуке и вызывающе красивых платьях.

Кристиан не раз слышал рассказы об этом городе, много о нем читал и теперь понимал, что Париж – единственный город на свете, живущий в полном соответствии с теми легендами, которые складывали о нем люди. Он с гордостью думал о том, что прорвался в Париж с боем, что в этом бою ему пришлось убить человека. Кристиану казалось, что он любит и застреленного им француза, и лежащего рядом с французом – так далеко от фермы в Силезии – ефрейтора Крауса с запекшимися пятнами вишневого сока на губах. Он радовался, что выдержал испытание боем, что смерть обошла его стороной. Ему нравилась война, потому что только там проверяется истинный характер человека, и ему нравилось, что война эта так быстро закончилась, потому что ему не хотелось умирать. Кристиан верил, что грядущие дни принесут с собой мир и благоденствие, все идеи, ради которых он готов был отдать жизнь, станут законами и эра процветания и порядка воцарится на века. Он любил Брандта, который, чуть пошатываясь, шагал с ним плечом к плечу. Ведь Брандт, скуливший от страха в придорожном кювете, сумел побороть этот страх и сражался рядом с Кристианом, поддерживая ходивший ходуном локоть одной руки другой рукой, чтобы сквозь листву попасть в человека, который мог убить Кристиана. Ему нравилась эта ночь, тихая лунная ночь, и их прогулка по пустынным, прекрасным улицам. Они были новыми хозяевами города, и Кристиан окончательно утвердился в мысли, что жизнь его не растрочена зря, что родился он не для того, чтобы обучать катанию на лыжах

детей и отпускников. Он мог принести пользу и приносил ее. А чего еще требовать человеку от жизни?

– Ты только посмотри. – Брандт остановился, вытянув руку вперед.

Кристиан проследил взглядом за его рукой. На подсвеченной луной каменной стене церкви белело четырехзначное, выведенное мелом число «1918». Кристиан потрянул головой. Он понимал, что это число имеет какое-то значение, только не мог сообразить, какое именно.

– Тысяча девятьсот восемнадцатый, – произнес Брандт. – Они знают, чем все закончится. Французы знают.

Кристиан вновь посмотрел на стену. На него внезапно навалились тоска и усталость. Еще бы, он на ногах с четырех утра, а день выдался очень уж утомительный. Тяжело ступая, он подошел к стене и медленно, методично начал стирать рукавом нарисованные мелом цифры.

Глава 5

В доме сейчас главенствовало радио. И пусть ярко светило июньское солнце, свежая зелень покрывала холмы Пенсильвании, а из маленького радиоприемника, прорываясь сквозь помехи, доносились одни и те же новости, Майкл практически не выходил из гостиной, оклеенной обоями и обставленной мебелью в колониальном стиле. Вокруг его кресла валялись газеты. Время от времени Лаура заглядывала в гостиную, с громким мученическим вздохом наклонялась, подбирала их и складывала в аккуратную стопку. Но Майкл не замечал ее усилий. Прильнув к радиоприемнику, он крутил ручки настройки, вслушиваясь в сочные, обволакивающие, напыщенные голоса дикторов, которые повторяли как заведенные: «Покупайте «Лайфбой», средство, избавляющее от неприятного запаха»; «Две чайные ложки на стакан воды до завтрака – и вам гарантировано опорожнение кишечника»; «Ходят слухи, что Париж сдадут без боя. Немецкое верховное командование не дает никакой информации о местонахождении наступающих ударных колонн. Сопротивление французов слабеет с каждым часом».

– Мы обещали Тони, что поиграем сегодня в бадминтон, – стоя в дверях, кротким голосом напомнила Лаура.

Майкл еще ближе придвинулся к радиоприемнику.

– Майкл! – В голосе Лауры появился металл.

– Да? – Он не обернулся.

– Бадминтон. Тони.

– И что? – Майкл от напряжения сморщил лоб, пытаясь одновременно слушать и Лауру, и диктора.

– Сетка не натянута.

– Натяну позже.

– Когда позже?

– Ради Бога, Лаура! – рявкнул Майкл. – Я же сказал: позже!

– Мне надоело слушать о том, что ты это сделаешь позже! – На глазах Лауры выступили слезы.

– Хватит меня доставать!

– Не кричи на меня! – Слезы покатались по щекам Лауры, и Майкла охватила жалость к жене. Покидая город, они надеялись, пусть разговора об этом и не было, использовать эту поездку, чтобы наладить прежние отношения, попытаться вернуть дружбу и любовь, которые они утратили за годы, прошедшие с их женитьбы. Контракт Лауры в Голливуде истек, киностудия решила не продлевать его, поэтому работы у Лауры не было. Она старалась держаться уверенно, излучала веселье и не жаловалась, но Майкл знал, что Лаура глубоко уязвлена и очень переживает случившееся. Он дал себе слово использовать этот месяц, который они решили провести в загородном доме приятеля, для того, чтобы успокоить жену и помочь ей вернуть уверенность в себе. Они прожили здесь только неделю, но какой ужасной оказалась эта неделя. Майкл целыми днями слушал радио и не мог спать по ночам. Он мерил шагами гостиную, читал газеты или погружался в глубокое раздумье. Глаза его покраснели от бессонницы, он забывал бриться, не помогал Лауре поддерживать порядок в уютном домике, предоставленном в их полное распоряжение.

– Прости меня, дорогая. – Майкл подошел к жене, обнял ее и поцеловал.

Она улыбнулась, хотя слезы продолжали катиться по щекам.

– Я понимаю, что надоела тебе со своими просьбами, но кое-что все-таки нужно делать.

– Разумеется.

Лаура рассмеялась:

– Ну наконец-то ты обратил на меня внимание! Мне нравится, когда ты обращаешь на меня внимание.

Майкл тоже рассмеялся, хотя был раздражен тем, что его оторвали от такого важного дела.

– Теперь тебе придется заплатить за то, что ты меня заметил, – промурлыкала Лаура, прикинув к его груди.

– Что я должен сделать?

– Только давай обойдемся без этой безысходности в голосе. Не нравится мне, когда ты говоришь таким тоном.

Майкл едва удержался от резкой реплики.

– Так что мне нужно сделать? – любезно спросил он, прислушиваясь к звуку собственного голоса, чтобы не дать прорваться раздражению.

– Прежде всего выключи это чертово радио.

Майкл собрался было запротестовать, но передумал. Диктор в это время вещал: «Ситуация по-прежнему остается крайне запутанной, но англичане, похоже, сумели благополучно эвакуировать большую часть своей армии. В ближайшее время ожидается контрнаступление Вейгана²⁰...»

– Майкл, дорогой!

В воздухе запахло грозой. Майкл выключил радио.

– Ради тебя я готов на все.

– Спасибо. – Слезы Лауры высохли, глаза сияли. – А теперь еще одна просьба.

– Внимательно тебя слушаю.

– Тебе надо побриться.

Майкл вздохнул и провел ладонью по щетине на подбородке.

– Думаешь, надо?

– У тебя такой вид, будто ты вышел из ночлежки на Третьей авеню.

– Ты меня убедила.

– И у тебя сразу поднимется настроение. – Лаура подобрала газеты, устилавшие пол у кресла Майкла.

– Естественно. – Он повернулся к радиоприемнику и потянулся к ручкам настройки.

– Подари мне час тишины. – Лаура прикрыла ручки настройки ладонью. – Один час. Радио сводит меня с ума. Все время передают одно и то же.

– Лаура, дорогая, это самая важная неделя в жизни каждого из нас.

– Неделя, конечно, важная, но стоит ли нам сходить с ума? Французам это не поможет, не так ли?

С ее логикой трудно спорить, не мог не признать Майкл.

– А когда спустишься вниз, – продолжала Лаура, – пожалуйста, натяни сетку для бадминтона.

Майкл пожал плечами:

– Хорошо.

Лаура поцеловала мужа в щеку, взъерошила ему волосы, и Майкл направился к лестнице на второй этаж.

Он еще брился, когда прибыли первые гости. Мелодичные и нежные женские голоса, доносившиеся из сада, иногда заглушал шум бегущей воды. Лаура пригласила двух учительниц-француженок из расположенной по соседству школы для девочек, в которой она училась,

---

²⁰ Имеется в виду Максим Вейган – французский генерал, 19 мая 1940 г., после вторжения немецких войск, был назначен главнокомандующим французской армии. План Вейгана предполагал одновременное контрнаступление французских войск с рубежа Соммы и отрезанной группировки союзных войск с севера. Для его реализации не хватило ни времени, ни сил.

когда ей было четырнадцать лет. У Лауры сохранились об этих учительницах самые приятные воспоминания. Прислушиваясь к долетавшим из сада голосам, Майкл подумал о том, что мягкие интонации французенок ему гораздо милее самоуверенной металлической трескотни большинства американок. «Но едва ли я решусь озвучить эту мысль», – с улыбкой подумал он.

И тут же порезался. Раздражение вновь охватило Майкла, кровоточащая царапинка на подбородке выбила его из колеи.

С большого дерева в дальнем конце сада донеслось карканье ворон. Целая колония свила там гнезда, и иногда на дереве вспыхивали нешуточные скандалы, во время которых карканье заглушало все остальные звуки.

Майкл спустился вниз, проскользнул в гостиную и включил радио, убавив звук. Несколько мгновений приемник прогревался, потом из динамика полилась музыка. На одной волне пела женщина: «Нет у меня ничего, но и этого слишком много...» Другая станция транслировала увертюру из «Тангейзера» в исполнении военного оркестра. Радиоприемник был слабым и ловил только две станции. Майкл выключил его и направился в сад, к гостям.

Джонсон в желтой тенниске с коричневыми полосами привез с собой высокую красивую девушку с очень серьезным, интеллигентным лицом. Пожимая ей руку, Майкл не мог не задаться вопросом, а что делает в этот летний день миссис Джонсон.

– Мисс Маргарет Фриментл... – представила девушку Лаура.

Мисс Фриментл сдержанно улыбнулась, а Майкл не без зависти подумал: «И где только Джонсон выискивает таких красоток?»

Майкл пожал руки и обоим хрупким, словно цветы, француженкам. Как выяснилось, они были сестрами. Их изящные черные платья когда-то наверняка были очень модными, но с тех давних пор моды переменялись. Сестрам уже было за пятьдесят. Свои блестящие, словно покрытые лаком, волосы они зачесывали назад. Майкл отметил белоснежную кожу и потрясающе стройные ноги сестер. Французенок отличали безупречные, утонченные манеры, а долгие годы преподавательской работы в школе для девочек вооружили их безграничным терпением по отношению ко всему, что творится вокруг. Майкл воспринимал их как пришельцев из девятнадцатого столетия – очень воспитанных, вежливых, независимых, но про себя осуждающих и время, и страну, в которой они оказались волею судеб. Хотя сегодня сестры тщательно подготовились к визиту, нарумянились и подвели глаза, на их лицах застыло какое-то отрешенное, мученическое выражение. Чувствовалось, что думают они о чем-то своем и им с трудом удастся следить за ходом беседы.

Бросая на сестер осторожные взгляды, Майкл неожиданно осознал, каково сейчас этим француженкам, в тот самый момент, когда немецкая армия наступает на Париж и город, замедлив, прислушивается к нарастающему грохоту орудий, когда американские дикторы прерывают джазовые программы и радиосериалы экстренными выпусками новостей, ясно и отчетливо, но на американский лад произнося столь близкие этим женщинам названия: Реймс, Суассон, Марна, Компьен...

«Не хватает мне деликатности, – думал Майкл, – да и здравомыслия тоже. Не будь я таким толстым глупым волом, я бы отвел их в сторону и сумел найти нужные слова утешения». Однако он прекрасно понимал, что ничего путного из этого не выйдет, он обязательно ляпнет что-то не то и только еще больше испортит француженкам настроение. Жизнь многому учит, но только не такту, не отзывчивости, не умению помочь человеку в трудную минуту.

– ...Мне неприятно об этом говорить, – ворвался в размышления Майкла сочный и раскисительный голос Джонсона, – но я думаю, что все это – гигантский фарс.

– Что? – переспросил Майкл, потерявший нить разговора.

Джонсон сидел на траве, по-мальчишески подтянув колени к груди, и улыбался мисс Фриментл, явно стараясь произвести на нее впечатление. И Майкл почувствовал, как его это раздражает, тем более что усилия Джонсона не пропадали даром.

– Сговор! – отчеканил Джонсон. – Не будешь же ты уверять меня в том, что две сильнейшие армии мира от одного удара рассыпались, словно карточный домик? Все подстроено.

– Ты хочешь сказать, что Париж намеренно сдают немцам? – спросил Майкл.

– Естественно.

– В новостях ничего не сообщали? – чуть ли не шепотом спросила младшая из сестер, мисс Буллар. – О Париже?

– Нет, – как можно мягче ответил Майкл. – Ничего.

Обе дамы кивнули и тепло улыбнулись ему, словно он преподнес им по букету.

– Город падет, – гнул свое Джонсон. – Тут двух мнений быть не может.

«Какого черта мы пригласили его сюда?» – со злостью подумал Майкл.

– Все уже обговорено, подписано и скреплено печатями, – вещал Джонсон. – А информационные выпуски, заявления генералов и политиков – не более чем дымовая завеса. И нужна она для того, чтобы обмануть и французский, и английский народы. Через две недели немцы войдут в Лондон, а через месяц нападут на Советский Союз, – торжествующе и зло заключил он.

– Я думаю, ты не прав, – возразил Майкл. Уж очень не хотелось ему соглашаться с Джонсоном. – Такого не может быть. Все будет по-другому.

– Как именно?

– Не знаю. – Майкл чувствовал, что выглядит круглым дураком в глазах мисс Фриментл; это тоже его раздражало, но он стоял на своем. – Как-нибудь.

– Мистическая вера в Отца Всевышнего, который позаботится обо всем, – голос Джонсона сочился насмешкой, – и не пустит бяку-буку в детскую?

– Послушайте, а не поговорить ли нам о чем-нибудь другом? – вмешалась Лаура. – Мы можем поиграть в бадминтон. Мисс Фриментл, вы играете в бадминтон?

– Да, – ответила Маргарет. Майкл механически отметил, что у нее низкий, хрипловатый голос.

– Когда же люди проснутся? – с пафосом спросил Джонсон. – Когда они взглянут в лицо суровой действительности? Ведь речь идет о новом мироустройстве. Эфиопия, Китай, Испания, Австрия, Чехословакия, Польша...

Названия стран, теперь это всего лишь названия, подумал Майкл. От частого упоминания они затерлись, утратили эмоциональную окраску.

– Правящий класс мира укрепляет свою мощь, – продолжал вещать Джонсон, и Майклу вспомнились брошюры на эту тему, которые ему доводилось читать. – А как это делается, вы видите сами. Пара орудийных залпов, чтобы пустить пыль в глаза почтенной публике, несколько патриотических речей, произнесенных стариками генералами, а потом сделка с подписями и печатями.

Наверное, он прав, с тоской подумал Майкл. Возможно, все, что он говорит, в той или иной степени соответствует действительности, да только человек не может позволить себе в такое поверить, если, конечно, он не собирается прыгнуть с моста в реку. Есть же некий минимум веры в добро, который надобно сохранять, если ты не хочешь расстаться с жизнью. И потому Джонсон с его хорошо поставленным голосом (такие голоса можно часто слышать на театральных премьерах, в дорогих ресторанах, на вечеринках) вызывал у Майкла внутренний протест. Интересно, а где сейчас этот пьяница ирландец, этот Пэрриш, с которым он, Майкл, встречал Новый год? Пэрриш, возможно, повторил бы многое из того, что сейчас они слышали от Джонсона. В конце концов, эти высказывания совпадают с партийной линией, но уж лучше послушать Пэрриша. Хотя он скорее всего убит, гниет где-нибудь на берегу Эбро... «Но какой бы оборот ни приняли события, – злорадно подумал Майкл, взглянув на Джонсона в шоколадно-коричневых брюках и желтой тенниске, – в любом случае этого молодца в чужой земле не похоронят, даю голову на отсечение».

– Пожалуйста, – Лаура коснулась руки Майкла, – мне очень хочется поиграть в бадминтон. Стойки и сетка на заднем крыльце.

Майкл тяжело вздохнул и поднялся с травы. Лаура, пожалуй, права: лучше бадминтон, чем болтовня Джонсона.

– Я помогу. – Мисс Фриментл, поднявшись, последовала за Майклом.

– Джонсон... – Майкл хотел, чтобы последнее слово осталось за ним. – Джонсон, а у тебя не возникала мысль, что ты все-таки ошибаешься?

– Разумеется, возникала, – с достоинством отвечивал Джонсон. – Но по всему выходит, что я все-таки прав.

– Но ведь должна оставаться хоть капелька надежды?

Джонсон рассмеялся.

– И где ты черпаешь надежду в эти дни? – спросил он. – Может, ты поделишься ею с нами?

– Могу.

– И на что же ты надеешься?

– Я надеюсь, что Америка вступит в войну и... – Он заметил, что француженки пристально смотрят на него.

– Ракетки в зеленом деревянном ящике, Майкл, – нервно бросила Лаура.

– Ты хочешь, чтобы американцы расплачивались жизнями за чьи-то делишки?

– Если потребуется.

– Ты меня удивил. Выходит, ты у нас милитарист.

– Я впервые подумал об этом, – холодно ответил Майкл, стоя над Джонсоном. – В эту самую минуту.

– Я все понял. Ты, видать, начитался «Нью-Йорк таймс». И теперь тебе нейдет спасти цивилизацию, какой мы ее себе представляем, и все такое.

– Да, – кивнул Майкл. – Мне нейдет спасти цивилизацию, какой мы ее себе представляем, и все такое.

– Ну хватит, – взмолилась Лаура. – Только ссоры нам не хватало.

– Если уж тебе хочется воевать, почему бы не поехать в Англию и не завербоваться в армию? Чего ты ждешь?

– Может, я и поеду, – ответил Майкл. – Может, и поеду.

– О нет!

Майкл удивленно обернулся. Слова эти сорвались с губ мисс Фриментл, и теперь она стояла, прижав руку ко рту, словно и для нее они стали сюрпризом.

– Вы хотели что-то сказать? – полюбопытствовал Майкл.

– Я... Не следовало мне... Я не хотела вмешиваться, но... – Тут ее прорвало. – Вы не должны говорить, что нам надо принять участие в этой войне.

Тоже коммунистка, подумал Майкл; наверное, Джонсон подцепил ее на одном из собраний. И такая хорошенькая, ни за что не догадаешься.

– Полагаю, если Россия вступит в войну, вы измените свое мнение.

– Нет, для меня это ничего не изменит, – ответила мисс Фриментл.

Опять ошибся, подумал Майкл, пора отвыкать от поспешных суждений. До добра они не доведут.

– От войны пользы не будет. И никогда не было. А все молодые мужчины уплывут за океан и погибнут. Все мои друзья, двоюродные братья... Возможно, во мне говорит эгоизм, но... Я ненавижу такие разговоры. Я жила в Европе, и там говорили именно так. А теперь многие парни, с которыми я танцевала, каталась на лыжах... Возможно, они уже погибли. За что? Они говорили и говорили, пока им не осталось ничего другого, как убивать друг друга.

Простите меня. – Лицо у мисс Фриментл было серьезное, без тени улыбки. – Не следовало мне вмешиваться в разговор. Наверное, это глупый, женский взгляд на происходящее в мире.

– Мисс Боллар... – Майкл повернулся к француженкам. – Какова ваша женская позиция?

– Майкл! – раздраженно воскликнула Лаура.

– Наша позиция... – Младшая из сестер говорила сдержанно и вежливо. – Боюсь, мы не можем позволить себе такую роскошь, как выбор позиции.

– Майкл, ради Бога, займись сеткой для бадминтона.

– Будет исполнено.

– Рой, – Лаура повернулась к Джонсону, – и ты, пожалуйста, замолчи.

– Да, мэм, – улыбнулся Джонсон. – Желаете выслушать самую свежую сплетню?

– С удовольствием. – Лаура изобразила живую заинтересованность: где еще сплетничать, как не на пикнике. Майкл и мисс Фриментл направились к заднему крыльцу.

– У Джозефины появился новый любовник. Высокий блондин с загадочным лицом. Киноактер, его фамилия Морен. – Майкл остановился, услышав знакомую фамилию, и мисс Фриментл едва не натолкнулась на него. – По ее словам, она встретила его на каком-то вернисаже. Лаура, в прошлом году ты вроде бы снималась с ним в одном фильме?

– Да, – ответила она. Майкл внимательно смотрел на жену: интересно, изменится ли выражение лица Лауры, когда разговор пойдет о Морене? Не изменилось. – Парень легковесный, но далеко не глупый.

С этими женщинами всегда надо быть начеку, думал Майкл. Лгут не моргнув глазом.

– Этот Морен вскоре будет здесь. Он приехал на премьеру своего нового фильма, и я пригласил его. Надеюсь, вы не возражаете?

– Да нет же, – ответила Лаура, – разумеется, нет.

Майкл не сводил с нее глаз и заметил, как по лицу Лауры пробежала мгновенная тень. Потом она повернула голову, и Майкл ничего больше не смог увидеть.

Вот они, семейные страдания, подумал Майкл.

– Мистер Джон Морен? – сразу оживилась младшая из сестер Боллар. – Вот здорово! Я думаю, он прекрасный актер. У него такой мужественный облик. Для киноактера это очень важно.

– Я слышал, он гей, – едко заметил Майкл.

Святой Боже, подумал он, с этими женщинами просто беда. То они чуть не плачут, потому что их родина терпит самое постыдное поражение в своей истории, а мгновение спустя кudahчут от радости, предвкушая встречу со смазливый, пустоголовый киноактером. «У него такой мужественный облик!»

– Не может он быть геєм, – возразил Джонсон. – Я часто с ним встречаюсь, и всякий раз он с новой девушкой.

– Возможно, ему без разницы, мальчик с ним или девочка, – гнул свое Майкл. – Спросите мою жену. – Он уставился на Лауру, понимая, что ведет себя глупо, но не в силах оторвать глаз от ее лица. – Она с ним работала.

– Мне ничего такого не известно, – беспечно ответила Лаура. – Кстати, Морен – выпускник Гарварда.

– Так я его спрошу, когда он появится, – усмехнулся Майкл. – Пойдемте, мисс Фриментл. Нас ждут великие дела.

И они направились к дому. Майклу сразу понравился нежный аромат ее духов, походка у нее была удивительно легкая, свободная, и до Майкла вдруг дошло, что мисс Фриментл очень молода.

– Когда вы были в Европе? – спросил он. Его это, по правде говоря, несколько не интересовало, но ему хотелось услышать ее голос.

– Год тому назад. Чуть больше года.

– И как там?

– Великолепно, – ответила она. – И страшно. Мы не сможем им помочь. Что бы мы ни делали.

– Вы полностью согласны с Джонсоном, не так ли?

– Нет. Джонсон лишь повторяет то, что ему велено сказать. Своих мыслей у него нет.

Майкл не мог не улыбнуться.

– Он очень милый человек, – поспешно добавила мисс Фриментл извиняющимся тоном. Пребывание в Европе не прошло для нее даром, подумал Майкл. У нее нет той безапелляционности, с которой говорит большинство американок. – Порядочный, благородный, и намерения у него самые лучшие... Но для него все очень уж просто. А вот тому, кто побывал в Европе, абсолютно ясно, что простотой там и не пахнет. Европа похожа на человека, страдающего от двух тяжелых болезней. Лекарство, помогающее от одной, вызывает резкое обострение другой. – Майкл вновь отметил определенное сомнение в ее голосе. Мисс Фриментл давала понять, что не изрекает истин в последней инстанции. – Джонсон думает, что пациенту достаточно прописать свежий воздух, перевести детские сады на содержание государства, организовать сильные профсоюзы, и больной автоматически пойдет на поправку. – Она запнулась. – Джонсон говорит, что у меня каша в голове.

– У всех, кто не согласен с коммунистами, в голове каша, – заверил ее Майкл. – В этом их великая сила. Они так уверены в себе. И всегда знают, чего хотят. Возможно, они ошибаются, но не рассуждают, а действуют.

– Я не сторонница поспешных действий. В Австрии я видела, к чему это приводит.

– Вы рождены не для этой эпохи, мисс Фриментл. И вы, и я. – Они уже поднялись за заднее крыльцо; мисс Фриментл взяла сетку и ракетки, Майкл взвалил на плечо стойки. Спустившись со ступенек, они неторопливо зашагали к саду. Майкл внезапно ощутил, что ему очень хорошо сейчас вдвоем с этой девушкой, в тени дома, когда они отделены от остального мира густой, шелестящей от легкого ветерка листвой высоких кленов. – У меня есть идея. Хочу организовать новую политическую партию, которая излечит все болячки мира.

– Что же это будет за партия? – серьезно, без намека на улыбку спросила девушка.

– Партия абсолютной правды, – ответил Майкл. – Как только возникнет вопрос... какой угодно вопрос... Мюнхен... надо ли переучивать ребенка-левшу... свобода Мадагаскара... цена на билеты в нью-йоркских театрах... лидеры партии будут говорить все, что думают по этому поводу. Не так, как сейчас, когда все знают, что политики говорят одно, а думают совсем другое.

– И сколько членов будет в этой партии?

– Один. Я.

– Два больше одного.

– Желаете вступить?

– Если примете, – улыбнулась Маргарет.

– С удовольствием. Вы думаете, партию ждет успех?

– Ни в коем случае.

– И я того же мнения. Может, мне лучше подождать пару лет?

Они подходили к углу дома, и Майкл с отвращением подумал о том, что через несколько мгновений ему придется, расставшись с этой девушкой, вести пустопорожние разговоры с гостями.

– Маргарет...

– Да? – Она остановилась и повернулась к нему.

«Она знает, что я собираюсь сказать, – мелькнуло в голове у Майкла. – Вот и хорошо».

– Маргарет, мы сможем увидеться в Нью-Йорке?

Их взгляды встретились. У нее весь нос в веснушках, подумал Майкл.

– Да.

– Больше я ни о чем просить не буду. Сейчас.

– Номер моего телефона вы найдете в справочнике. И адрес.

Она повернулась и обогнула угол дома, двигаясь легко и грациозно с сеткой и ракетками в руках. Майкл отметил, какие у нее стройные и загорелые ноги, во всяком случае, та их часть, что виднелась из-под широкой юбки. Майкл немного постоял, чтобы понадежнее упрятать все эмоции под маску равнодушия, а потом последовал за девушкой.

За время их отсутствия успели подъехать новые гости – Тони, Морен и незнакомая Майклу девушка в красных брючках и соломенной шляпке с полями шириной в добрых два фута.

Морен, высокий, стройный, загорелый, в темно-синей рубашке с отложным воротничком, улыбаясь, пожал руку Майклу. При этом прядь волос упала ему на глаза, и он стал похож на озорного мальчугана. «Почему я не могу держаться так же, как он? – с тоской подумал Майкл, отвечая на крепкое, мужское рукопожатие Морена. – Актеры!»

– Да, – услышал он собственный голос, – мы встречались. Я помню. На новогодней вечеринке, когда Арни едва не выпрыгнул в окно.

Тони держался как-то странно. Когда Майкл представлял его мисс Фриментл, он коротко ей улыбнулся, а потом вновь сел, скрючившись, словно его совсем замучила боль. На бледном лице читалась тревога, к гладким черным волосам расческа в этот день, похоже, не прикасалась. Тони преподавал французскую литературу в университете Ратджерса²¹. Итальянец по рождению, Тони отличался от большинства своих соотечественников более светлой кожей и суровым выражением лица. Майкл учился с ним в школе и за долгие годы знакомства очень привязался к нему. Говорил Тони застенчиво, тихо, как принято говорить в библиотеках, правильным, книжным языком. С сестрами Боллар его связывали теплые, дружеские отношения, два-три раза в неделю он пил с ними чай, весело болтая как по-французски, так и по-итальянски, но сегодня они даже не взглянули друг на друга.

Майкл начал устанавливать одну из стоек.

Втыкая острый конец в дерн, он услышал пронзительный, картинный голос девицы в красных брючках: «Отель просто отвратительный. Одна ванная комната на этаж, кровати – чуть ли не голые доски, обитые кретоном, и полчища – именно полчища! – клопов. А цены!»

Майкл искоса взглянул на Маргарет, чуть качнув головой. Девушка быстро ему улыбнулась и тут же опустила глаза. Майкл посмотрел на Лауру. Она сверлила его ледяным взглядом. Как ей это удастся, подумал Майкл. Ничего не упускает. Такой талант заслуживает лучшего применения.

– Ты не там устанавливаешь стойку, – сквозь зубы процедила Лаура. – Дерево будет мешать игре.

– Давай обойдемся без советов. Я знаю, что делаю.

– Ты устанавливаешь ее не в том месте, – упорствовала Лаура.

Майкл пропустил ее слова мимо ушей и продолжил работу.

Внезапно сестры Боллар поднялись и деловито, синхронными жестами стали натягивать перчатки.

– Мы очень хорошо провели время, – заговорила младшая. – Премного вам благодарны. Но к нашему огромному сожалению, мы должны откланяться.

Майкл от изумления выпустил из рук стойку.

– Но вы ведь только что пришли.

– Дело в том, что у моей сестры дико разболелась голова, – сухо пояснила младшая мисс Боллар.

---

²¹ Университет штата Нью-Джерси, расположенный в городе Нью-Брансуике. Основан в 1766 г. по хартии короля Георга III как колониальный Королевский колледж. С 1825 г. носит имя филантропа Ратджерса.

Сестры начали обходить гостей и прощаться.

Тони они руки не подали. Даже не посмотрели на него, прошли как мимо пустого места. В глазах Тони застыли растерянность и детская обида.

– Ладно, ладно. – Он поднял с травы старомодную соломенную шляпу. – Незачем вам уходить, уйду я.

В саду повисла нервная тишина. Гости и хозяева старательно отводили взгляды и от сестер Боллар, и от Тони.

– Мы так рады, что познакомились с вами, – холодно говорила младшая мисс Боллар Морену. – Каждый фильм с вашим участием вызывает у нас безмерное восхищение.

– Спасибо вам. – Морен расплылся в обаятельной улыбке. – Ваша похвала мне осо...

Актеры, вновь подумал Майкл.

– Прекратите! – крикнул Тони, его лицо побелело как полотно. – Ради Бога, Элен, сколько же можно!

– Провожать нас до ворот не нужно. – Младшая мисс Боллар и бровью не повела. – Дорогу мы знаем.

– Как же вам не стыдно! – Голос Тони дрожал. – Нельзя так обходиться с друзьями. – Он повернулся к Майклу, застывшему со стойкой для бадминтонной сетки в руках. – Я и представить себе такого не мог. Две женщины, которых я знаю десять лет. Две, как мне казалось, благоразумные, интеллигентные женщины... – Обе сестры наконец-то удостоили Тони взгляда, полного презрения и ненависти. – А во всем виновата война, эта чертова война. Элен, Рашель, пожалуйста, проявите благоразумие. Я-то здесь при чем? Я не захватываю Париж, не убиваю французов. Я американец и люблю Францию. Я ненавижу Муссолини, и я вам друг...

– Мы не желаем разговаривать ни с вами, ни с другими итальянцами, – отрезала младшая мисс Боллар. Она взяла старшую сестру за руку. Обе чуть поклонились остальным и ушли, строгие и элегантные, в перчатках, летних шляпках и шуршащих при каждом шаге черных платьях.

На большом дереве в пятидесяти футах от них вороны учинили очередной скандал, и их громкое карканье заглушило все звуки летнего дня.

– Пошли, Тони. – Майкл направился к дому. – Я дам тебе выпить.

Тони молча, стиснув зубы, последовал за ним. Он по-прежнему сжимал в руке соломенную шляпу с яркой полосатой лентой.

Майкл достал два стакана, в оба щедро плеснул виски и протянул один стакан Тони. В саду возобновилась светская болтовня. Карканье поутихло, и до Майкла донесся голос Морена: «Какие женщины! Словно из французского фильма двадцать пятого года!»

Тони с застывшей в глазах печалью пил виски, по-прежнему не выпуская из руки свою шляпу. Майклу хотелось подойти к нему, обнять, как обнимали друг друга братья Тони в час беды, но он на это не решился. Включил радиоприемник и глотнул виски, дожидаясь, пока прогреются лампы и утихнет раздражающий треск помех.

– И у вас будут очаровательные белоснежные ручки, – сообщил им бархатный, обволакивающий голос.

Потом что-то щелкнуло, наступила мертвая тишина, которую сменил новый голос, хрипловатый и слегка дрожащий от волнения:

– Мы только что получили экстренное сообщение. Официально объявлено, что немцы вошли в Париж. Город сдан без боя, разрушений нет. Оставайтесь с нами, и вы узнаете о дальнейшем развитии событий.

Зазвучал орган. Исполнялась так называемая популярная классическая музыка.

Тони сел, поставив стакан на стол. Майкл сверлил взглядом радиоприемник. Он не бывал в Париже. Для поездок в Европу не хватало то времени, то денег, но сейчас Майкл смотрел на маленький радиоприемник, сотрясающийся от грохота органа, а слышал эхо дрожащего,

хрипловатого голоса и пытался представить себе, как выглядит в этот день столица Франции. Широкие, залитые солнцем улицы, знакомые всему миру, обезлюдевшие кафе, величественные, помпезные монументы, сверкающие в свете летнего дня, – свидетельства былых побед, и немецкие войска, марширующие сомкнутыми колоннами, грохот их кованых сапог, отражающийся от окон с опущенными жалюзи. Наверное, все выглядело не так, думал Майкл. Глупо, конечно, но немецкие солдаты, по его твердому убеждению, не могли идти по Парижу по двое, по трое. Нет, он представлял себе только марширующие фаланги, похожие на прямоугольных животных. А может, немецкие солдаты крались по улицам с оружием наготове, поглядывая на закрытые окна, падая на тротуар или на мостовую при каждом шорохе.

«Господи, – с горечью думал Майкл, – почему я не поехал туда, когда была такая возможность... летом тридцать шестого или прошлой весной? Все откладывал эту поездку, и вот что получилось». Он вспомнил книги о Париже, которые ему довелось прочитать. Бурлящие двадцатые годы, полное радости и отчаяния завершение прошлой войны. Обездоленные, но веселые и остроумные эмигранты, заполняющие знаменитые бары, красивые женщины, умные, циничные мужчины со стаканом перно в одной руке и чеком «Американ экспресс» в другой. Теперь все, ничего нет, все расплющено гусеницами танков, он не увидел этого города и, возможно, никогда уже не увидит.

Майкл посмотрел на Тони. Тот сидел опустив голову и плакал. Тони прожил в Париже два года и много раз говорил Майклу, как бы они провели там время, если бы вместе поехали туда в отпуск. Маленькие кафешки, пляж на Марне, ресторанчик, где, сидя за выскобленными деревянными столами, графинами пьют превосходное легкое вино...

Майкл почувствовал, как на глаза набегают слезы, но невероятным усилием воли сумел взять себя в руки. «Сентиментальность, – подумал он, – дешевая сентиментальность. Я же никогда там не был. Столица как столица, одна из многих».

– Майкл... – услышал он голос Лауры. – Майкл! – Голос был настойчивый, недовольный. – Майкл!

Майкл допил виски, посмотрел на Тони, хотел с ним заговорить, но в последний момент передумал и вышел, оставив его в доме. Медленным шагом вернулся в сад. Джонсон, Морен, девушка Морена и мисс Фриментл сидели кружком. Чувствовалось, что общий разговор не клеится. Скорее бы они ушли, подумал Майкл.

– Майкл, дорогой. – Лаура подошла к нему, взяла за руки. – Мы поиграем в бадминтон этим летом или подождем до пятидесятого года? – Затем она злобно прошептала: – Приди в себя. Ты забыл, что у нас гости? Почему ты все перекладываешь на меня?

Прежде чем Майкл успел ответить, Лаура повернулась к нему спиной и улыбнулась Джонсону.

Майкл дотащился до того места, где лежала вторая стойка.

– Не знаю, будет ли вам это интересно, но только что пал Париж.

– Нет! – воскликнул Морен. – Это невероятно!

Мисс Фриментл промолчала. Майкл увидел, как она сцепила руки и уставилась на них.

– Неизбежный исход. – Джонсон вздохнул. – Иначе и быть не могло.

Майкл поднял вторую стойку и начал ее устанавливать.

– Ты ставишь ее не в том месте! – Голос Лауры был визгливым, раздраженным. – Сколько раз я должна тебе говорить, что здесь играть неудобно! – Она метнулась к Майклу, вырвала стойку из его рук. Ракетка, которую Лаура держала в руке, плашмя ударила Майкла по предплечью. Он тупо уставился на жену, вытянув руки со скрюченными пальцами, которые словно еще держали стойку. Она плачет, подумал Майкл, какого черта она плачет?

– Здесь! Ее надо ставить здесь! – Лаура кричала, истерично тыкая острым концом стойки в землю.

Майкл широким шагом подошел к ней, схватился за стойку. Он не понимал, почему так делает. Только чувствовал, что истошные вопли жены и ее отчаянные попытки вогнать стойку в землю сведут его с ума.

– Я все сделаю сам. А ты утомись.

Лаура вскинула на него глаза. Ее красивое, нежное личико перекосилось от ненависти. Она размахнулась и запустила ракеткой Майклу в голову. Тот обреченно наблюдал, как ракетка сокращает расстояние, отделяющее ее от его головы. Казалось, ей потребовалось много времени, чтобы преодолеть это расстояние. Летела она по высокой дуге на фоне деревьев и изгороди в дальнем конце сада. Послышался глухой удар, ракетка упала у ног Майкла, и только тогда он понял, что она угодила ему в лоб над правой бровью. Сразу стало очень больно. Майкл почувствовал, как по лбу течет кровь. На мгновение бровь задержала ее, но потом кровь, теплая, красная, стала заливать глаз. Лаура стояла на прежнем месте и плакала, глядя на него, с лицом, искаженным гримасой ненависти.

Майкл осторожно положил стойку на траву и направился к дому. Навстречу шел Тони. Они не сказали друг другу ни слова.

Майкл вошел в гостиную. Радио транслировало органную музыку. Майкл встал перед каминной полкой и посмотрел на свое отражение в маленьком выпуклом зеркале в резной позолоченной рамке. Зеркало искажало его лицо. Нос стал очень длинным, лоб – узким, подбородок – заостренным. Красное пятно над правым глазом, совсем крошечное, уплыло в глубины зеркала. Он услышал, как открылась дверь. Появившись в гостиной, Лаура первым делом выключила радиоприемник.

– Ты же знаешь, я терпеть не могу органной музыки! – Голос ее вибрировал от злобы.

Майкл повернулся к жене. Веселенькая светло-оранжевая с белым ситцевая юбка. Топик из того же материала. Между топиком и юбкой – полоска загорелой кожи. Фигурка что надо, для рекламной полосы в журнале «Вог». Да вот только с таким лицом, злым, упрямым, залитым слезами, в журнале мод делать нечего.

– Точка поставлена, – первым заговорил Майкл. – Между нами все кончено. Надеюсь, ты это понимаешь.

– Отлично! Великолечно! Я вне себя от счастья.

– Этот разговор у нас скорее всего последний, и вот что я тебе скажу. Я почти наверняка уверен, что у тебя был роман с Мореном. Я наблюдал за тобой.

– Хорошо. Я рада, что теперь ты в курсе. Позволь рассеять твои сомнения. Ты совершенно прав. Хочешь спросить о чем-нибудь еще?

– Нет. Я уезжаю пятичасовым поездом.

– Только не изображай святую добродетель! – взвизгнула Лаура. – Мне тоже кое-что известно! Все эти твои письма о том, как тебе одиноко без меня в Нью-Йорке! Не так уж ты страдал от одиночества. Меня тошнило от тех жалостливых взглядов, которыми одаривали меня женщины, когда я возвращалась в Нью-Йорк. А когда ты договорился встретиться с мисс Фриментл? Во вторник за ланчем? Хочешь, я скажу ей, что твои планы переменялись? Что ты можешь встретиться с ней завтра... – Лицо Лауры выражало страдание и гнев.

– Хватит. – Чувство вины захлестнуло Майкла. – Не хочу тебя больше слышать.

– И у тебя нет ко мне вопросов? – Лаура уже кричала. – Не хочешь спросить меня о других мужчинах? Или мне самой огласить весь список?

У нее перехватило дыхание. Она упала на кушетку и разрыдалась. Очень уж картинно, хладнокровно отметил Майкл. Как инженеру на сцене. Лаура продолжала рыдать, уткнувшись лицом в подушку. Несчастная, страдавшаяся, замученная. Шелковистые волосы рассыпались по подушке. Прямо-таки ребенок, незаслуженно обиженный то ли подругами, то ли родителями. У Майкла возникло желание подойти к ней, обнять и успокаивающе прошептать на ухо: «Детка, ну хватит, детка!»

Но он повернулся и вышел в сад. Гости тактично отошли подальше от дома, в другой конец сада. Они сбились в кучку, не зная, как себя вести. Их нарядная одежда яркими пятнами выделялась на фоне густой зелени. Направляясь к гостям, Майкл тыльной стороной ладони стер кровь со лба.

– Бадминтона не будет. Я думаю, вам лучше уйти. Пикник на траве, к сожалению, не удался.

– Мы уже уходим, – выдавил Джонсон.

Майкл никому не подал руки. Смотрел вверх голов. Мисс Фриментл, проходя мимо, бросила на него короткий взгляд, но тут же опустила глаза. Майкл ничего ей не сказал. Вскоре он услышал, как за гостями закрылись ворота.

Майкл стоял на зеленой траве, чувствуя, как под яркими лучами солнца запекается царапина над глазом. Рассевшиеся на ветвях вороны вновь подняли страшный гвалт. Он ненавидел ворон. Подойдя к изгороди, Майкл наклонился и подобрал несколько гладких, увесистых камней. Прищурившись, он смотрел на дерево, выискивая ворон среди листвы, затем размахнулся и бросил камень в трех птиц, сидевших черным крикливым рядком на одной ветке. При этом Майкл отметил, какая у него сильная, крепкая рука. Камень со свистом пронесся меж ветвей. Майкл кинул второй камень, потом третий, вкладывая в броски всю силу. Вороны с недовольным карканьем снялись с ветвей и улетели. Последний камень Майкл бросил им вслед. Птицы затерялись среди деревьев, и в саду, залитом лучами солнца, воцарилась сонная, предвечерняя тишина теплого летнего дня.

Глава 6

Ной нервничал. Впервые в жизни он пригласил гостей и теперь пытался вспомнить, как выглядели вечеринки в кинофильмах и как их описывали в книгах и журналах. Дважды он наведывался на кухню, чтобы проверить, не растаяли ли три десятка кубиков льда, которые они с Роджером заранее купили в аптеке. Вновь и вновь он поглядывал на часы в надежде, что Роджер со своей девушкой успеет вернуться из Бруклина раньше, чем начнут съезжаться гости. Ной не сомневался, что в отсутствие Роджера он обязательно наломает дров, совершит непоправимую ошибку, не справится с ролью непринужденного и уверенного в себе хозяина.

Ной и Роджер Кэннон жили в однокомнатной квартире. Дом их находился рядом с Риверсайд-драйв, неподалеку от Колумбийского университета. Комната была большая, с камином (к сожалению, декоративным, с замурованным дымоходом), а из окна ванной, если, конечно, чуть высунуться, открывался вид на Гудзон.

После смерти отца Ной двинулся в обратный путь, на Восточное побережье. Ему всегда хотелось побывать в Нью-Йорке. Город этот манил его как никакой другой, и уже через два дня после приезда он нашел работу. А потом познакомился с Роджером в городской библиотеке на Пятой авеню.

И теперь Ною не верилось, что совсем недавно, до встречи с Роджером, ему не оставалось ничего другого, как целыми днями бродить по улицам. Он ни с кем не разговаривал, у него не было друзей, ни одна женщина не удостоивала его даже взглядом, ни один дом он не мог назвать своим, а каждый час удивительно напоминал предыдущий и ничем не отличался от следующего.

Ной вспомнил, как он задумчиво стоял перед библиотечными полками, глядя на бесконечные ряды книг с блеклыми корешками. Потянувшись к томуку Йейтса, он случайно толкнул стоявшего рядом мужчину и машинально извинился. Они разговорились и продолжали говорить, выйдя на дождливую улицу. Роджер предложил заглянуть в бар на Шестой авеню, они выпили по две кружки пива и, прежде чем расстаться, договорились встретиться на следующий день и вместе пообедать.

У Ноя никогда не было близких друзей. Детство и юность прошли хаотично, в бесконечных переездах. Несколько месяцев он проводил среди безразличных к нему незнакомцев, а затем отправлялся в другое место, расставаясь с ними навсегда. Естественно, он ни с кем не успевал наладить даже приятельских отношений. Прибавьте к этому его природную застенчивость и крепнущую с годами убежденность в том, что все видят в нем зануду, общаться с которым себе дороже. Роджер был на четыре или пять лет старше Ноя, высокий, худощавый, с черными, коротко подстриженными волосами. Его отличала та легкая небрежность в общении, свойственная студентам лучших колледжей, которой всегда завидовал Ной. Роджер не учился в колледже, но относился к тем немногим людям, кого природа наделила непоколебимой, абсолютной уверенностью в себе. На мир он взирал с легкой снисходительной усмешкой. Ной старался подражать ему в этом, но, увы, без особого успеха.

Ной не мог понять, чем, собственно, он заинтересовал Роджера. Возможно, думал он, дело в том, что Роджер просто пожалел его, неотесанного, нерешительного, фантастически застенчивого, в потрепанном костюме, совершенно одинокого в огромном городе. Так или иначе, но после того как они два или три раза выпили пива в неприглядных барах, которые, однако, нравились Роджеру, и пообедали в дешевых итальянских ресторанчиках, Роджер в свойственной ему манере, как бы между прочим, спросил:

– Тебе нравится твое жилье?

– Не очень, – честно ответил Ной.

Да и кому могла нравиться клетушка в меблированных комнатах на Двадцать восьмой улице с вечно влажными стенами, клопами и гудящими канализационными трубами?

– У меня большая комната, – заметил Роджер. – С двумя кроватями. Переезжай, если хочешь, но учти, что иногда я поздно ночью сажусь за пианино.

Ной с благодарностью принял его предложение и перебрался в большую, пусть и не слишком прибранную, квартиру у реки, изумленный тем, что в городе, где все заняты своими делами, нашелся человек, полагающий, что дружба с ним, Ноем, сулит ему некую выгоду. Роджера он воспринимал как сказочного друга, которого придумывают себе бедные одинокие дети, чтобы скоротать долгие зимние вечера, когда сон никак не приходит, а рядом нет близкого человека. Роджера отличали непринужденность в общении, мягкость характера и знание жизни. Он ничего ни от кого не требовал, однако иной раз ему нравилось обучать молодого человека всему тому, что он знал сам; правда, делал он это легко, неназойливо.

Говорить Роджер мог на самые разные темы: о книгах, музыке, живописи, политике, женщинах. Он побывал во Франции и в Италии, поэтому, рассказывая о великих столицах и очаровательных маленьких городках с их многовековой историей (говорил он медленно, чеканя слова, что выдавало в нем уроженца Новой Англии), Роджер делился собственными впечатлениями, а не сведениями, почерпнутыми из справочников. У него был своеобразный, довольно саркастический взгляд и на Британскую империю, и на американскую демократию, и на современную поэзию, балет, кино, войну.

Время от времени он работал, но не очень усердно, в компании, которая проводила маркетинговые исследования различных товаров. Деньги для него ничего не значили, к сексу он относился положительно, но девушек менял без особого сожаления, не желая принимать на себя серьезные обязательства. Короче, с его неброской элегантностью в одежде и сдержанной, чуть пренебрежительной улыбкой, Роджер являл собой довольно-таки редкий в современной Америке тип человека, который ни от кого не зависел и рассчитывал исключительно на себя.

Роджер и Ной частенько гуляли по набережной и университетскому городку. Через друзей Роджер нашел Ною неплохое место заведующего детской площадкой многоквартирного дома в Ист-Сайде. Теперь Ной получал тридцать шесть долларов в неделю, таких денег ему еще нигде не платили. И когда они с Роджером поздним вечером шли по пустынным тротуарам, поглядывая на едва виднеющиеся в темноте холмы Нью-Джерси, на светящиеся внизу огни пароходов, Ной жадно, с восторгом слушал своего друга, который словно открывал ему окно в другой, сверкающий мир.

«Около Антиба, в кафе на холме, я видел священника, лишенного сана. Он переводил Бодлера, выпивая за вечер кварту шотландского...» – рассказывал Роджер. Или: «...Беда американок в том, что они или хотят главенствовать в семье, или вообще не желают выходить замуж. А все идет от того, что в Америке очень уж большое значение придают целомудрию. Если американка прикидывается, будто хранит тебе верность, она считает, что имеет полное право приковать тебя к кухонной плите. В Европе дела обстоят гораздо лучше. Все знают, что целомудрие – нонсенс, а потому там принята более естественная шкала ценностей. Неверность – это золотой стандарт отношений между полами. Установлен твердый курс, и ты знаешь, во что тебе обойдется любая покупка. Лично я отдаю предпочтение покорным женщинам. Мои знакомые девушки в один голос твердят, что я исповедую феодальные отношения. Скорее всего они правы. Я хочу, чтобы женщина покорялась мне, а не я ей. Когда-нибудь я встречу такую женщину. Спешить мне некуда, так что встречу обязательно...»

Шагая рядом с Роджером, Ной все более укреплялся в мысли, что лучшей жизни нечего и желать. Действительно, он молод, на улицах Нью-Йорка чувствует себя как рыба в воде, у него непыльная работа, приносящая тридцать шесть долларов в неделю, он живет в набитой книгами квартире чуть ли не с видом на реку, его лучший друг Роджер, вдумчивый, с изысканными манерами, – кладезь самой разнообразной информации. Ною не хватало только девушки,

но Роджер решил позаботиться и об этом: вечеринка устраивалась исключительно для того, чтобы восполнить этот пробел.

Роджер провел целый вечер, листая свою записную книжку в поисках подходящих кандидатов. И сегодня они должны были прийти, шестеро, не считая девушки, которую Роджер оставлял для себя. Разумеется, пригласил он и парней, но только тех, кто не мог составить конкуренцию Ною, – тугодумов да шутов гороховых. Ной оглядел уютную, освещенную люстрой комнату, цветы в вазах, гравюру Брака на стене, бутылки и бокалы, сверкающие на столе, словно посланцы из другого, аристократического мира, и с замиранием сердца подумал, что сегодня вечером он наконец встретит свою девушку.

Ной улыбнулся, услышав, как поворачивается ключ в замке: слава Богу, ему не придется встречать первых гостей в гордом одиночестве. Открылась дверь, и Роджер переступил порог. За ним шла его девушка. Ной взял у нее пальто и повесил в чулан, приспособленный под стеновой шкаф. Все прошло как по-писаному: Ной ни обо что не споткнулся, не выронил пальто и не вывернул девушке руку. Его губы вновь растянулись в улыбке, когда до него донеслись слова девушки, адресованные Роджеру: «Какая милая квартирка. Только женщина не заглядывала сюда с тысяча семьсот пятидесятого года».

Ной вернулся в комнату. Роджер ушел на кухню за льдом, а девушка стояла перед гравюрой. Из кухни доносилось пение Роджера, он раз за разом повторял один куплет:

Ты умеешь веселиться и любить.
Можешь даже леденцами угостить.
Ну а как же с деньгами, дружок?
Если есть, то ложись под бочок.

На девушке было платье цвета спелой сливы с широкой юбкой. Материал поблескивал в свете люстры. Девушка стояла у камина спиной к Ною, очень серьезная, уверенная себе, и похоже, чувствовала себя как дома. Ной разом отметил и ее красивые, но довольно полные ноги, и тонкую, гибкую талию, и волосы, стянутые за затылке в тугую, строгий узел, как у красоток учительниц в кино. От ее присутствия, от звяканья кубиков льда, от глупой, добродушной песенки, доносившейся из кухни, комната, вечер, весь мир наконец-то обрели тот уют, которого им все-таки недоставало. А потом девушка повернулась к Ною. Когда она вошла в квартиру, Ной сразу занялся ее пальто и от волнения даже не запомнил ее имени. Зато уж теперь он видел девушку так ясно, словно микроскоп, через который он ее рассматривал, навели на резкость.

У нее было смуглое треугольное личико и серьезные глаза. Глядя на девушку, Ной внезапно почувствовал себя так, как будто его огрели по голове чем-то тяжелым и теперь все его тело онемело. Ничего подобного с ним никогда не случалось. Его охватило чувство вины, лицо залила краска.

Звали девушку, как позднее выяснил Ной, Хоуп Плаумен. Года два назад она приехала в Нью-Йорк из маленького городка в штате Вермонт и жила в Бруклине у тетки. Свое мнение Хоуп высказывала откровенно и решительно; она не душилась и работала секретарем у хозяйина небольшого заводика, выпускающего полиграфическое оборудование, который находился около Кэнел-стрит. Выясняя в течение вечера все эти подробности, Ной не уставал злиться на себя: это же надо – клюнуть на обычную провинциалку, простую стенографистку с задрипанного заводика, да еще живущую в Бруклине. Как и другие застенчивые молодые люди, предпочитающие библиотеки дансингам, Ной черпал факты жизни из книг, а его представления о любви формировались томиками стихов, которые он таскал в карманах пальто. И он не мог представить себе Изольду, входящую в вагон брайтонского экспресса, или Беатриче в кафе-автомате. «Нет, – твердил он себе, встречая новых гостей, наливая им вина, – нет, я этого не

допущу. Прежде всего потому, что Хоуп – девушка Роджера. Даже если она согласится оставить этого красивого, незаурядного человека ради неотесанной деревенщины вроде меня, я на такое не пойду. Нельзя платить злом за добро, в ответ на дружеское участие показать свое двуличие, пойдя на поводу плотских желаний».

Но все другие гости, и мужчины, и женщины, превратились в расплывчатые пятна, меж которых и бродил терзаемый муками совести Ной, бросая на Хоуп жадные взгляды. Каждое неспешное, спокойное движение ее тела отпечатывалось в его памяти, каждое слово музыкой отдавалось в ушах, вызывая жгучее чувство стыда, смешанного с восторгом. Ной чувствовал себя как солдат в первом бою; как человек, только что получивший миллионное наследство; как преданный анафеме верующий; как тенор, впервые исполняющий партию Тристана в «Метрополитен-опера». Он чувствовал себя как человек, которого застали в номере отеля с женой лучшего друга; как генерал, вступающий во главе армии в сдавшийся город; как лауреат Нобелевской премии; как приговоренный к смерти преступник, которого ведут на виселицу; как боксер-тяжеловес, нокаутировавший всех своих соперников; как пловец, тонущий во мраке ночи в холодном океане в тридцати милях от берега; как ученый, который только что открыл эликсир бессмертия...

– Мисс Плаумен, не хотите ли выпить? – спросил он.

– Нет, благодарю. Я не пью.

Ной отошел в угол, чтобы обдумать ее слова и решить, хорошо это или плохо, вселяет надежду или нет.

– Мисс Плаумен, давно ли вы знаете Роджера? – спросил он чуть позже.

– Да, конечно. Почти год.

Почти год! У него нет ни единого шанса! Ни единого!

– Он мне много рассказывал о вас.

Какой у нее прямой, открытый взгляд, какой мягкий голос, четко выговаривающий каждое слово.

– И что он вам рассказывал?

Зачем, зачем ее об этом спрашивать? Напрасный труд.

– Он очень вас любит...

Измена, измена... Он предает друга, который подобрал его, несчастного бродягу, среди библиотечных полок, накормил, приютил. Который его любит... Друга, который сейчас беззаботно смеялся в окружении развеселившихся гостей и пел сочным, приятным голосом, аккомпанируя себе на пианино: «Иисус Навин идет на Иерихон-хон-хон...»

– Он сказал... – Что с ним делает этот волнующий голос! – ...он сказал, что вы станете замечательным человеком, когда наконец-то проснетесь...

«Кошмар, кошмар, я вор, за которого поручился друг, я прелюбодей, получивший ключ от спальни жены из рук доверчивого мужа!»

Ной сверлил взглядом девушку, не зная, как же ему быть. Внезапно он возненавидел ее. В восемь вечера он был счастливейшим из смертных, его переполняли самые радужные надежды, он чувствовал себя в полной безопасности, твердо зная, что у него есть друг, дом, работа, что с мрачным прошлым покончено, а впереди светлое будущее. В девять превратился в беглеца со сбитыми в кровь ногами, он загнан в бескрайнее болото, его преследуют собаки, за ним тянется длинный шлейф преступлений. И виновница всего этого сидит здесь же, перед ним, корчит из себя скромницу, всем своим видом показывая, что ничего плохого она не делала, ничего не знает, ничего не чувствует. Тихая мышка из глубокого захолустья, которая, должно быть, усаживается на колени к своему боссу в его кабинете на Кэнел-стрит, чтобы застенографировать деловое письмо.

– ...И рухнули прочные стены... – Голос Роджера и мощные заключительные аккорды вернули Ноя в реальный мир.

Он решительно отвел взгляд от этой девушки. В комнате еще шесть других девушек, белолицых, с шелковистыми волосами, мягким, податливым телом, нежным, призывным голосом... Их позвали сюда для того, чтобы Ной сделал свой выбор, они все улыбались ему, готовые ответить взаимностью. Но кто они ему? Шесть манекенов в закрытом магазине, шесть цифр на листке бумаги, шесть дверных ручек. «Такое могло случиться только со мной, – думал Ной. – Так уж мне на роду написано. Гротеск, черный юмор, а в больших дозах – трагедия».

«Нет, – решил он, – с этим надо кончать. Пусть у меня разорвется сердце, пусть я упаду замертво, пусть никогда не прикаснусь к женщине. Надо решительно ставить точку, раз и навсегда. В одной комнате нам с ней тесно».

Ной подошел к стенному шкафу, в котором висела и его одежда, и одежда Роджера, чтобы взять шляпу. Сейчас он пойдет на улицу и будет гулять до тех пор, пока не закончится вечеринка, пока гости не разойдутся, пока не смолкнет пианино, пока девушка не уедет к своей тетушке в далекий Бруклин. Его шляпа лежала на полке рядом со старой коричневой шляпой Роджера с лихо заломленными полями, на которую Ной взглянул с нежностью и чувством вины. К счастью, гости сгрудились вокруг пианино и дверь оставалась без присмотра. Ной решил, что уж с Роджером он как-нибудь все уладит. Но Хоуп его засекла. Сидела она лицом к двери, разговаривая с другой девушкой, и вопросительно посмотрела на Ноя, когда тот уже от двери бросил на нее последний отчаянный взгляд. Хоуп поднялась и направилась к Ною. Шуршание ее платья отдавалось в его ушах артиллерийской канонадой.

– Куда это вы? – полюбопытствовала она.

– Мы... мы... – залепетал Ной, кляня свой вдруг ставший таким непослушным язык. – Нам нужна содовая, вот я и иду за ней.

– Я пойду с вами.

«Нет! – хотелось заорать Ною. – Оставайтесь здесь! Обойдусь без вас!» Но он промолчал, наблюдая, как Хоуп надевает пальто и простенькую шляпку, которая совсем ей не шла. И тут же его захлестнула волна нежности и жалости к этой девушке, такой юной и такой бедной. Хоуп Плаумен подошла к Роджеру, наклонилась и что-то шепнула ему на ухо. «Тайное стало явным, – в отчаянии подумал Ной, – теперь все известно, я погиб». И он чуть не бросился прочь из квартиры. Но Роджер повернулся к нему, одарил улыбкой, помахал одной рукой, не отрывая второй от басовых клавиш. Девушка пересекла комнату. Какая у нее легкая и скромная походка, отметил Ной.

– Я сказала Роджеру.

Сказала Роджеру! Сказала что? Посоветовала остерегаться незнакомцев? Никого не жалеть, ни к кому не проявлять милосердия, вырвать любовь из сердца, как сорняк с клумбы?

– Вы бы взяли плащ, – посоветовала девушка. – Когда мы шли сюда, начинался дождь.

Молча, на негнувшихся ногах Ной проследовал к стенному шкафу и снял с вешалки плащ. Девушка дожидалась его у двери. Они вместе вышли в темный коридор, прикрыв за собой дверь. Пение и смех, наполнявшие комнату, сразу отдалились на многие мили. Ной и Хоуп бок о бок спустились по лестнице на мокрый тротуар.

– Куда теперь? – спросила Хоуп, когда за ними закрылась дверь подъезда.

– Что значит – куда?.. – не понял ее Ной.

– Содовая, – терпеливо напомнила девушка. – Где мы сможем купить содовую?

– А... – Ной рассеянно взглянул направо, потом налево. – Вы об этом. Не знаю. Тем более что содовая нам не нужна.

– Но вы вроде бы сказали...

– Я искал предлог. Устал от вечеринки. Очень устал. Вечеринки нагоняют на меня тоску. – Произнося эти слова, Ной прислушивался к своему голосу и, к полному своему удовольствию, отметил, что звучит он, как и положено звучать голосу человека, много чего пови-

давшего и пресыщенного развеселыми гулянками. «Так держать, – сказал он себе. – Тон выбран правильный. Учтивый, вежливо-холодный. Надо показать ей, что она меня забавляет».

– А по-моему, вечеринка очень хорошая, – возразила девушка.

– Неужели? – пренебрежительно бросил Ной. – Я и не заметил.

То что нужно, с мрачной удовлетворенностью подумал Ной, только нападение, никакой обороны. Отчужденность, небрежная рассеянность, как и положено английскому барону после вечерней выпивки. И ледяная вежливость. Так он одним выстрелом убьет двух зайцев. Во-первых, ни словом не предаст друга. А во-вторых, – тут он почувствовал сладостный укол совести, – произведет впечатление своими редкими и незаурядными достоинствами на эту серенькую бруклинскую мышку.

– Прошу прощения, что обманным путем вытащил вас под дождь, – великодушно извинился Ной.

Девушка огляделась.

– А дождя-то нет, – деловито ответила она.

– Нет? – Ной наконец-то обратил внимание на погоду. – Действительно нет. – Взятый тон по-прежнему ему нравился.

– И что вы собираетесь делать? – спросила девушка.

Ной пожал плечами. Впервые в жизни.

– Не знаю. Пойду прогуляюсь. – Ной внезапно подумал, что говорит точь-в-точь как герои Голсуорси. – Люблю, знаете ли, погулять. Глубокой ночью. Так приятно неспешно шагать по безлюдным улицам.

– Но еще только одиннадцать часов.

– Действительно, только одиннадцать. – Ной напомнил себе, что нельзя злоупотреблять одним и тем же словом. – Если вы хотите вернуться на вечеринку...

Девушка замешкалась с ответом. С реки, укрытой туманом, долетел низкий, дребезжащий гудок, словно плетью ударивший по натянутым нервам Ноя.

– Нет, я прогуляюсь с вами.

Они пошли рядом, не касаясь друг друга, по обсаженной деревьями улице, вдоль реки. Гудзон, пахнувший весной и солью, принесенной из океана дневным приливом, медленно катил свои темные воды меж подернутых туманной дымкой берегов. Далеко на севере виднелась цепочка фонарей, освещавших мост в Нью-Джерси, на другом берегу раскинулся «Палисейдс»²², базальтовые утесы которого вздымались, словно средневековые замки. Улица была безлюдна. Лишь изредка, шурша шинами по мостовой, мимо проносился автомобиль.

Ной и Хоуп молча шли вдоль реки, и лишь стук их одиноких шагов нарушал тишину ночи. Три минуты молчания, думал Ной, не отрывая глаз от своих ботинок. Четыре минуты, пять. Его охватило отчаяние. Это молчание являло собой некую греховную близость. В гулком отзвуке шагов, в том, как они сдерживали дыхание и нарочито старались не коснуться друг друга, спускаясь по неровному тротуару, чувствовались страсть и нежность. Молчание становилось врагом, предателем. Еще мгновение, сказал себе Ной, и эта спокойная девушка, которая застенчиво идет рядом с ним, поймет все. Как если бы он сейчас забрался на балюстраду, отделявшую улицу от реки, и в течение часа признавался ей в любви.

– Нью-Йорк должен пугать девушку из провинции, – пробормотал он, осипнув от волнения.

– Нет, меня большой город не пугает.

– Дело в том, – в отчаянии продолжал Ной, – что Нью-Йорк очень уж переоценивают. Он старается показаться таким всезнайкой, космополитом, но на самом деле, если приглядеться

---

²² Парк, расположенный в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси, протянувшийся на север по правому берегу реки Гудзон.

повнимательнее, ему свойственен непреложный провинциализм. – Ной улыбнулся: хорошее он употребил слово – «непреложный».

– Я так не думаю.

– Что?

– Мне Нью-Йорк не кажется провинциальным городом. Особенно после Вермонта.

– О... – Ной покровительственно рассмеялся. – Вермонт.

– А где вам пришлось побывать, помимо Нью-Йорка? – спросила Хоуп.

– В Чикаго, – без запинки ответил он. – В Лос-Анджелесе, Сан-Франциско... Везде. –

И он небрежно взмахнул рукой, всем своим видом показывая, что ему довелось поездить по свету, а назвал он лишь те города, что первыми пришли ему на ум. Если бы он огласил весь список, то в него наверняка вошли бы и Париж, и Будапешт, и Вена. – Должен, однако, признать, – продолжал Ной, – что в Нью-Йорке прекрасные женщины. Одеваются они, может, чересчур крикливо, но в красоте им не откажешь. – Он вновь радостно отметил, что не сбился с правильного тона, но все-таки с некоторым беспокойством взглянул на девушку. – Американки, конечно, особенно хороши в молодости. А с возрастом... – Он вновь попытался пожать плечами. Получилось. – Лично я отдаю предпочтение европейским женщинам. Они расцветают в том возрасте, когда американки превращаются в гарпий с расплывшимся задом, у которых остается только одна страсть – бридж. – Ной опять бросил на Хоуп нервный взгляд. Но ее лицо несколько не изменилось. Она отломила с кустика веточку и рассеянно вела ею по каменной балюстраде, словно размышляя над его словами. – Европейская женщина в годах уже прекрасно знает, что нужно мужчине... – Ной лихорадочно пытался вспомнить хоть одну знакомую ему европейскую женщину. Взять хотя бы ту подвыпившую прачку, которую он встретил в ночь смерти отца. Вполне возможно, это была полька. Польша – не такая уж романтическая страна, но точно в Европе.

– И что же нужно мужчине? Что знают европейские женщины?

– Они умеют покоряться, – отчеканил Ной. – Мои знакомые женщины утверждают, что у меня феодальные замашки... – «О, друг, любезный мой друг, склонившийся сейчас над пианино, прости меня за это воровство, я обязательно все возьму, возьму сторицей».

И тут словно раскрылись шлюзы. Ной заговорил легко и непринужденно:

– Искусство? Что такое искусство? Я категорически не приемлю бытующего в наши дни утверждения, что искусство загадочно, а с художника взятки гладки.

Женитьба? Что есть женитьба, как не вынужденное признание некоторой частью человечества того факта, что мужчины и женщины понятия не имеют, как им ужиться друг с другом в одном мире.

Театр? Американский театр? Разумеется, в нем есть детская непосредственность, но чтобы в двадцатом веке воспринимать театр как искусство... – Ной высокомерно рассмеялся. – Я отдаю свой голос Диснею.

В какой-то момент они огляделись и поняли, что отшагали вдоль реки тридцать четыре квартала, что вновь зарядил дождь и уже очень поздно. Стоя вплотную к Хоуп, прикрывая ладонью зажженную спичку, чтобы посмотреть, сколько натикало на его наручных часах, Ной вдохнул тонкий аромат волос девушки, смешанный с запахом реки, и решил, что пора замолчать. Слишком уж мучительно давался ему этот поток пустых слов, до смерти надоело изображать искушенного в жизни скептика, поучающего юную дилетантку.

– Уже поздно, – отрезал он. – Пора возвращаться.

Однако Ной не смог удержаться от картинного жеста и остановил проезжавшее мимо такси. Впервые в жизни он решил воспользоваться услугами нью-йоркского такси, а потому, залезая на заднее сиденье, споткнулся об откидные стульчики. Но все равно остался доволен собой и, как настоящий джентльмен, уселся как можно дальше от Хоуп. Она же спокойно

сидела в углу. Ной чувствовал, что произвел на нее сильное впечатление, и дал таксисту на чай четвертак, хотя вся поездка обошлась в шестьдесят центов.

Вновь они стояли перед дверью дома, в котором жил Ной. Посмотрев вверх, они увидели темные окна, из-за которых не доносилось ни разговоров, ни музыки, ни смеха.

– Все разошлись, – выдохнул Ной. У него защемило сердце при мысли о Роджере. Роджер теперь точно знал, что он, Ной, увел его девушку. – Там никого нет.

– Похоже на то, – согласилась с ним Хоуп.

– Что же нам делать? – Ной чувствовал, что попал в западню.

– Я думаю, вы должны проводить меня до дома, – спокойно ответила девушка.

«Бруклин, – в отчаянии подумал Ной. – Несколько часов туда, столько же обратно. А на рассвете Роджер с укором встретит меня в перевернутой вверх дном комнате, где недавно весело гуляли гости. Встретит, чтобы безжалостно изгнать за предательство. А как хорошо, как прекрасно все начиналось!» Ной вспомнил, как до прихода Роджера он в одиночестве расхаживал по квартире, дожидаясь гостей. Вспомнил, в каком радужном настроении оглядывал захламленную, забитую книжными полками комнату. Как много он ждал от этой вечеринки – и вот результат.

– А вы не доберетесь до дома одна? – промямлил Ной. Девушка стояла перед ним – хорошенькая, уставшая, с мокрыми от дождя волосами. Как же Ной ненавидел ее в этот момент!

– Не смейте говорить мне такое! – Голос девушки стал резким и властным. – Одна я домой не поеду. Пошли.

Ной вздохнул. И так все идет наперекосяк, а тут еще и Хоуп рассердилась на него.

– И нечего вздыхать, как муж-подкаблучник, – осадил его девушка.

«Что происходит? – растерянно подумал Ной. – Кто дал ей право разговаривать со мной в таком тоне?»

– Я пошла. – Хоуп решительно повернулась и зашагала к станции подземки. Какое-то время Ной провожал девушку взглядом, а потом поспешил вслед за ней.

В вагоне подземки от влажной одежды пассажиров пахло дождем и сыростью. В спертom воздухе ощущался привкус железа, в тусклом свете запыленных ламп зубные пасты, слабительные средства, бюстгалтеры, которые расхваливали изображенные на рекламных плакатах пышногрудые девицы, не вызывали никакого доверия. Пассажиры, возвращающиеся то ли с работы, то ли со свиданий, сонно покачивались на грязно-желтых сиденьях.

Хоуп молчала, поджав губки. При пересадке она просто вставала, не скрывая своего недовольства, и выходила на платформу. Ной плелся следом.

Пересаживаться приходилось снова и снова, и всякий раз они томительно-долго ждали нужного поезда, стоя на почти безлюдной платформе, наблюдая, как капли воды из прохудившихся труб сползают по грязному кафелю и ржавому железу туннелей. Эта девушка, со всевозрастающей враждебностью думал Ной, эта девушка живет на самой окраине, в пятистах ярдах от тупика, которым заканчивается подземка, среди свалок и кладбищ. Бруклин, Бруклин, какой же длинный этот Бруклин, растянувшийся под покровом ночи между Ист-Ривер и Грейвсенд-Бэй, от запятнанных нефтью вод Гринпойнта до мусорных куч Кэнерси... Бруклин, словно Венеция, окружен водой, только Большой канал заменила местная линия подземки.

«Какая требовательная эта девица, как она уверена в себе, – продолжал размышлять Ной, бросая на Хоуп сердитые взгляды. – Тащить мужчину, с которым только что познакомилась, через грохочущий, нескончаемый, навевающий жуткую тоску лабиринт муниципальной подземки. Только я мог влипнуть в такую историю», – мысленно вздохнул Ной и тут же представил себе, как вечер за вечером торчит на этих полутемных платформах, трясется в вагонах с возвращающимися с работы уборщицами, ворами, пьяными матросами, по ночам составляющими основной контингент пассажиров подземки. Такое могло приключиться только с ним.

В радиусе пятидесяти кварталов от его дома живут миллионы женщин, а он подцепил вспыльчивую, не идущую ни на какие компромиссы девицу, которая живет на дальнем краю самого большого города планеты.

Леандр, думал Ной, переплывал Геллеспонт²³ ради своей возлюбленной, но ему не приходилось провожать ее домой глубокой ночью и ждать двадцать пять минут среди опрокинутых урн и табличек, запрещающих плевать на пол и курить на станции «Деколб-авеню».

В конце концов они вышли из поезда, и Хоуп повела Ноя к лестнице, что вела на улицу.

– Наконец-то, – вырвались у него первые за час слова. – Я думал, мы будем ехать до самой осени.

Девушка остановилась на углу.

– А теперь подождем трамвая, – холодно сказала она.

– Боже милосердный! – простонал Ной. А затем вдруг расхохотался. Смех его, безумный и насквозь фальшивый, волнами перекатывался через трамвайные пути, эхом отдаваясь от витрин дешевых магазинчиков и от грязных каменных стен.

– Если вам хочется говорить гадости, давайте здесь и расстанемся, – предложила девушка.

– Уж если я заехал с вами сюда, – с достоинством ответил Ной, – то провожу до самого дома.

Смеяться он перестал и теперь молча стоял под фонарем, вздрагивая под порывами холодного, сырого ветра, который добрался сюда от берегов Атлантики, преодолев грязную акваторию порта и тысячи и тысячи акров, застроенных домами, миновав Флэтбуш и Бенсон-херст, пролетев над миллионами спящих горожан, которые на своем нелегком жизненном пути не нашли более удачного места, чтобы приклонить голову.

Четверть часа спустя вдалеке показался быстро приближающийся огонек трамвая. В салоне дремали трое пассажиров. Ной чинно уселся рядом с девушкой. Освещенный вагон, громыхающий по темным улицам, казался Ноем спасательным плотиком, на котором его окружали совершенно незнакомые люди, попавшие сюда, как и он, с корабля, потерпевшего крушение среди далеких северных островов. Девушка сидела с прямой, как доска, спиной, глядя перед собой и сцепив пальцы на коленях. Ной вдруг понял, что совсем ее не знает и при попытке заговорить с ней девушка наверняка начнет звать полицейского, чтобы тот оградил ее от посягательств незнакомца.

– Приехали. – Хоуп поднялась.

Вновь он последовал за ней к двери. Вагон остановился, дверь со скрежетом открылась, и они вышли на влажную мостовую. Трамвай покатиł дальше в жалобном скрипе рессор, своим грохотом нарушая и без того беспокойный сон жителей близлежащих домов. Девушка повела его в глубь квартала, подальше от трамвайных путей. Кое-где им попадались деревья, уже одевшиеся в зеленый наряд, – живые свидетельства того, что весна наступит и в этом году.

Девушка свернула в маленький забетонированный дворик, который заканчивался высоким каменным крыльцом, перегороженным металлической дверью-решеткой. Она поднялась по ступенькам, вставила ключ в замок, повернула, и дверь распахнулась.

– Вот мы и дома, – холодно сказала Хоуп и повернулась к Ное.

Ной снял шляпу. Лицо девушки светлым пятном выступало из темноты. Она тоже сняла шляпку. Ее волосы волнистой дугой обрамляли щеки и лоб, казалось, выточенные из слоновой кости. Стоя рядом с Хоуп в тени дома, Ной почувствовал, что вот-вот расплатится, он словно потерял что-то самое дорогое.

---

²³ Согласно древнегреческой легенде, Леандр, влюбившийся в Геро, жрицу храма Афродиты, чтобы встретиться с ней, каждую ночь переплывал Геллеспонт (пролив Дарданеллы).

– Я... я хочу сказать... – зашептал он, – я совсем даже не против... то есть я очень рад... рад тому, что проводил вас домой.

– Спасибо. – Хоуп тоже ответила шепотом, но без всяких эмоций.

– Как все сложно. – Ной удивленно развел руками. – Если б вы знали, как все сложно. Я хочу сказать, что очень доволен нашей прогулкой, честное слово.

Хоуп стояла так близко, такая юная и хрупкая, такая смелая и одинокая... Ной протянул руки, словно слепой, осторожно обхватил голову девушки и поцеловал ее в мягкие, упругие, чуть влажные от тумана губы.

И заработал пощечину. Эхо удара отразилось от каменной лестницы. Щека онемела. «И откуда такая сила в столь хрупком создании?» – изумленно подумал Ной.

– С чего вы решили, что можете поцеловать меня? – ледяным тоном спросила Хоуп.

– Я... я не знаю. – Ной поднес руку к щеке, чтобы потереть ее и унять боль, и тут же, устыдившись, отдернул: не хотелось в такой момент показывать собственную слабость. – Я... просто поцеловал.

– Вы можете проделывать это с другими вашими девушками, но только не со мной, – сурово отчитала его Хоуп.

– Да не целую я других девушек, – пролепетал Ной.

– Ага, – усмехнулась Хоуп, – значит, только меня? Уж извините, что показалась вам такой доступной!

– Да нет же, нет! – воскликнул Ной, скорбя о своей дурацкой поспешности. – Вы меня неправильно поняли. – «Господи, – подумал он, – ну как, как мне объяснить ей, какие меня раздрают чувства? Теперь она думает, что я похотливый кретин из аптеки на углу, готовый прихватить любую девчонку, которая ему это позволит». Он с трудом проглотил слюну, слова застревали в пересохшем горле.

– Извините меня. Ради Бога, извините, – сумел выдавить он.

– Наверное, вам представляется, – она не говорила, а рубила, – будто вы так красивы, так умны, так неотразимы, что любая девушка только и мечтает о том, чтобы вы ее полапали...

В отчаянии Ной попятился назад и чуть не свалился со ступеней, что отделяли его от бетонированного двора.

– Никогда в жизни я не сталкивалась с таким наглым, самоуверенным, самовлюбленным молодым человеком.

– Прекратите, – простонал Ной. – Я этого не вынесу.

– А теперь позвольте пожелать вам спокойной ночи, мистер Аккерман, – ехидно произнесла девушка.

– О нет, – шептал он. – Не сейчас. Вы не можете вот так уйти.

Хоуп шевельнула железную дверь-решетку, и скрип петель едва не оглушил Ноя.

– Пожалуйста, – молил он, – выслушайте меня...

– Спокойной ночи. – И мгновением позже Хоуп оказалась за решеткой, которая тут же захлопнулась на замок. Не оглянувшись, девушка открыла деревянную дверь и вошла в дом. Какое-то время Ной тупо таращился на две двери, деревянную и металлическую, потом медленно повернулся и в тоске направился к улице.

Пройдя ярдов тридцать, Ной остановился. Шляпу он по-прежнему держал в руке, не замечая того, что вновь начавшийся дождь успел намочить его волосы. Оглядевшись, Ной повернул обратно, к дому девушки. В забранном решеткой окне на первом этаже горел свет. Сквозь задернутые портьеры Ной мог видеть перемещающуюся по комнате тень.

Он приблизился к окну, глубоко вдохнул и постучал. Через несколько секунд портьеры раздвинулись, и он увидел лицо Хоуп. Ной плотнее прижался к окну и сумбурными жестами попытался показать, что хочет поговорить с ней. Хоуп раздраженно покачала головой и мах-

нула рукой, отсылая его прочь, и тогда Ной решился подать голос. Он произнес громко и отчетливо, чуть ли не касаясь губами решетки:

– Откройте дверь. Мне надо поговорить с вами. Я заблудился. Заблудился. ЗАБЛУДИЛСЯ!

Хоуп колебалась, глядя на Ноя сквозь забрызганное дождем стекло. Потом улыбнулась и исчезла. Но вскоре он услышал скрип открывающейся двери, и Хоуп возникла у решетки. Вздых облегчения вырвался из груди Ноя:

– Я так рад вас видеть.

– Вы не знаете обратной дороги? – спросила она.

– Я заблудился, и никому уже меня не найти.

Она хохотнула:

– А вы ведь круглый дурак, не так ли?

– Да, – смиренно признал он. – Круглый.

– Ладно. – Стоя по ту сторону двери-решетки, Хоуп вновь стала очень серьезной. – На улице сразу повернете налево, пройдете два квартала и подождете трамвая, того, что приедет слева. Он довезет вас до «Истерн-паркуэй», а потом...

Она говорила и говорила, ее голос превращал в музыку сухие указания, призванные вывести его в большой мир. Ной заметил, что девушка сняла туфли. Без них она была гораздо ниже ростом, чем ему показалось вначале, очень миниатюрная и милая.

– Вы меня слушаете? – спросила Хоуп.

– Я хочу вам кое-что сказать, – громко заговорил он. – Я не наглый, я не самоуверенный, я не...

– Ш-ш-ш, – остановила она его. – Тетя спит.

– Я очень застенчивый, – прошептал он, – никакой самовлюбленности у меня нет и в помине, и я не знаю, почему я вас поцеловал. Я... просто не мог не поцеловать.

– Не так громко. Тетя спит, – напомнила Хоуп.

– Я пытался произвести на вас впечатление, – шептал он. – Не знаю я никаких европейских женщин. Мне хотелось показать вам, какой я умный и многоопытный. Я боялся, что на такого, какой я есть на самом деле, вы и не взглянете. В этот вечер в голове у меня все перемешалось. Что-то со мной произошло. Такого никогда не было. Вы поступили правильно, ударив меня. Правильно. Я заслужил этот урок. – Ной приник к решетке. – Хороший урок. Я... я не могу сказать, какие чувства сейчас испытываю. Может быть, позже, возможно, в другой раз, но... – Он запнулся. – Вы – девушка Роджера?

– Нет. Постоянного кавалера у меня нет.

Ной разразился истеричным скрипучим смехом.

– Моя тетя, – в который уж раз повторила Хоуп.

– Я все понял, – прошептал он. – Трамвай до «Истерн-паркуэй». Спокойной ночи. Благодарю вас. Спокойной ночи.

Однако он не сдвинулся с места. Они смотрели друг на друга в сумрачном свете уличного фонаря.

Ной услышал, как щелкнул замок металлической двери-решетки, увидел, как открылась сама дверь, и шагнул вперед. Они поцеловались, но совсем не так, как в первый раз. Ной чувствовал себя на седьмом небе от счастья, однако все еще опасался, что в любой момент девушка может отступить и отвесить ему новую оплеуху.

Хоуп очень медленно отошла от него с загадочной улыбкой на лице.

– Не заблудись на обратном пути.

– Трамвай, – шептал Ной, – трамвай до «Истерн-паркуэй», а потом... Я тебя люблю. Я тебя люблю.

– Спокойной ночи. – Ее улыбка стала шире. – Спасибо, что проводил.

Хоуп отступила на шаг, и решетка между ними захлопнулась. Хоуп повернулась, открыла дверь и неслышно переступила порог. Дверь за ней закрылась, и улица опустела. Ной зашагал к трамваю. И лишь много позже, часа через два, когда он уже подходил к двери своей квартиры, Ной внезапно осознал: за двадцать один год, что он прожил на свете, никто не слышал от него этих слов: «Я тебя люблю».

В темной комнате слышалось ровное дыхание спящего Роджера. Ной быстренько, стараясь не шуметь, разделся и юркнул в кровать, стоящую у противоположной стены. Он долго лежал, уставившись в потолок. То вновь взлетал на седьмое небо, вспоминая несказанное наслаждение, которое принес ему поцелуй у металлической двери-решетки, то проваливался в пучину ужаса при мысли о том, что утром придется объясняться с Роджером.

Он уже засыпал, когда услышал свое имя.

– Ной!

Он открыл глаза.

– Привет, Роджер.

– Все в порядке?

– Да.

Молчание.

– Ты отвез ее домой?

– Да.

Вновь темная комната погрузилась в тишину.

– Мы выходили за сэндвичами, – пояснил Роджер, – и, должно быть, разминулись с вами.

– Да.

Опять долгая пауза.

– Роджер...

– Да.

– Я знаю, что должен все объяснить. Я не хотел... Честное слово... Я собирался уйти один, а потом... У меня что-то с памятью... Роджер, ты не спишь?

– Нет.

– Роджер, она сказала...

– Что?

– Хоуп сказала, что она не твоя девушка.

– Неужели?

– Она сказала, что у нее нет постоянного кавалера. Но если она *твоя* девушка... Если ты хочешь, чтобы она *была твоей* девушкой... я... я, конечно же, не буду с ней встречаться. Никогда не подойду к ней на пушечный выстрел. Клянусь, Роджер. Ты не спишь?

– Да нет же. Она действительно не моя девушка. Не буду отрицать, время от времени мысль о том, что было бы неплохо встречаться с ней регулярно, приходила мне в голову, но кому охота трижды в неделю ездить в Бруклин?

В темноте Ной вытер выступивший на лбу пот.

– Роджер?

– Да.

– Я тебя люблю.

– Да пошел ты! Пора спать.

С другой кровати донесся смешок. И снова в комнате воцарилась тишина.

За следующие два месяца Ной и Хоуп написали друг другу сорок два письма. Работали они на соседних улицах, поэтому каждый день встречались за ланчем и почти каждый вечер вместе обедали. Случалось, что в солнечные дни, ближе к вечеру, они убегали с работы и

гуляли вдоль доков, наблюдая, как корабли приплывают в гавань и покидают ее. За два месяца Ной, не считаясь со временем, тридцать семь раз ездил в Бруклин и обратно, но истинные чувства они проявляли лишь в письмах, заботу о которых взяло на себя почтовое ведомство Соединенных Штатов Америки.

Сидя рядом с Хоуп, пусть в темноте, пусть наедине, Ной мог сказать лишь: «Ты такая красивая», или «Мне очень нравится твоя улыбка», или «В воскресенье вечером ты пойдешь со мной в кино?» Зато перед листом бумаги, который по долгу службы должны были доставить Хоуп неизвестные Ноею люди, он обретал дар красноречия и писал: «С твоей красотой я не расстанусь ни днем, ни ночью. Когда утром я смотрю на небо, оно становится более ярким, так как я знаю, что и ты ходишь под этим небом. Когда я смотрю на мост через реку, мне кажется, что мост этот стал прочнее, так как ты прошла по этому мосту вместе со мной. Когда я смотрю на отражение своего лица в зеркале, мне кажется, что лицо это стало красивее, потому что прошлым вечером ты целовала его...»

И Хоуп, воспитанная в строгости в далеком, провинциальном Вермонте, такая сдержанная и осторожная в проявлении любви на свиданиях, писала в ответ: «... Ты только что ушел, и я представляю себе, как ты шагаешь по пустынной улице, ждешь в темноте трамвая, трясешься в вагоне подземки. Я остаюсь с тобой, пока ты едешь через весь город. Дорогой мой, ты сейчас в пути, а я сижу дома. Все уже давно спят, на столе горит лампа, а я думаю о том, какой ты у меня. Я знаю, что ты хороший, сильный, справедливый, и я уверена в том, что люблю тебя. У тебя прекрасные глаза, грустный рот, а руки крепкие и в то же время нежные...»

При встрече же они лишь смотрели друг на друга, не в силах произнести те пылкие слова, которыми обменивались в письмах. Ноя хватало лишь на фразу: «У меня есть два билета в театр, давай сходим, если ты сегодня не занята?»

А потом, поздно вечером, возбужденные спектаклем, ослепленные любовью, едва держащиеся на ногах от недосыпания, они стояли обнявшись на холодном крыльце, не имея возможности войти в дом Хоуп, потому что у ее дяди была дурная привычка чуть ли не до рассвета читать в гостиной Библию. Сжимая друг друга в объятиях, они целовались так, что немели губы, и в эти моменты реальная жизнь сливалась с чувствами, которые они решались выразить только на бумаге.

Они еще не познали друг друга. Прежде всего потому, что в этом, казалось бы, огромном городе, с его десятком миллионами квартир, не было местечка, которое они могли бы назвать своим и войти туда с высоко поднятой головой. Преградой служила и глубокая религиозность Хоуп. Всякий раз, когда они вплотную приближались к последней черте, она давала задний ход, шепча: «В другой раз, в другой раз, не сейчас...»

– Ты же просто взорвешься, – посмеиваясь, говорил Ноею Роджер. – Тебя разнесет в клочья. Это же противоестественно. У Хоуп что-то не в порядке с головой. Разве она не знает, что принадлежит к послевоенному поколению?

– Перестань, Роджер, – отмахивался Ной. Он сидел за столом и печатал очередное письмо Хоуп. Роджер же лежал на полу, потому что пять месяцев назад в его софе вылезла пружина и человек высокого роста теперь не мог развалиться там в удобной позе.

– Бруклин, – вещал Роджер. – Неведомая, таинственная земля. – Поскольку он лежал на спине, то решил качать пресс и трижды медленно приподнял ноги, а потом опустил их. – Достаточно. Я чувствую, что здоровья у меня прибавилось. Секс – это как плавание. Или ты ныряешь с головой, или близко не подходишь к воде. А если тереться у ее кромки, тебя лишь обдаст брызгами, отчего ты начнешь мерзнуть и злиться. Еще месяц свиданий с этой девушкой – и тебе придется идти к психоаналитику. Напиши ей об этом и укажи, что это мои слова.

– Обязательно, – ответил Ной. – Уже пишу.

– Если ты утратишь бдительность, то не миновать тебе похода под венец.

Ной перестал печатать. Пишущую машинку он приобрел в кредит, когда понял, сколько ему предстоит написать писем.

– Мне это не грозит. Жениться я не собираюсь. – Но на самом деле Ной уже не раз задумывался над этим, а в письмах даже намекал Хоуп на подобный исход.

– Вообще-то это не самый худший вариант, – заметил Роджер. – Хоуп – отличная девушка, а женитьба уберет тебя от призыва.

Они старались даже не думать о призыве. К счастью, Ною достался один из последних номеров²⁴. Тем не менее перспектива службы в армии, пусть и в отдаленном будущем, маячила, словно темная туча на горизонте.

– По большому счету, к Хоуп у меня только две претензии, – продолжал рассуждать Роджер, лежа на полу. – Первая: из-за нее ты никак не можешь выспаться. О второй ты знаешь. А в принципе общение с ней только идет тебе на пользу.

Ной с благодарностью посмотрел на друга.

– Однако она просто обязана переспать с тобой.

– Замолчи.

– Вот что я тебе скажу. Я уеду на уик-энд, и квартира останется в вашем полном распоряжении. – Роджер сел. – Блестящая мысль, не так ли?

– Спасибо. Если возникнет необходимость, я обязательно воспользуюсь твоим предложением.

– Может, мне самому поговорить с ней? – Роджер наморщил лоб. – На правах лучшего друга, обеспокоенного твоим психическим состоянием. «Милая девушка, вы, возможно, об этом не догадываетесь, но Ной на пределе. Он готов выпрыгнуть из окна». Дай мне десятицентовик, я позвоню ей прямо сейчас.

– С этим я разберусь сам, – без должной уверенности ответил Ной.

– Как насчет ближайшего воскресенья? – напирал Роджер. – Прекрасный месяц июнь, полная луна, и так далее, и так далее...

– Это воскресенье исключается, – покачал головой Ной. – Мы идем на свадьбу.

– Кто женится? – любопытствовал Роджер. – Вы?

Ной деланно рассмеялся.

– Ее бруклинская подруга выходит замуж.

– Нью-йоркская подземка должна предоставить вам оптовую скидку. – Роджер вновь улегся на пол. – Я высказался. Пора и отдохнуть.

Какое-то время он молчал. Ной продолжал печатать.

– Один месяц, – опять подал голос Роджер. – А потом кушетка психоаналитика. Попомни мои слова.

Ной рассмеялся и встал:

– Ты меня убедил. Пойдем, угощу тебя пивом.

Роджер живо вскочил.

– О мой дорогой друг! Девственник Ной!

Рассмеявшись, они вышли в теплый летний вечер и направились к захудалому салуну на Колумбус-авеню, в котором довольно часто бывали.

Свадьбу играли в большом доме во Флэтбуше. От тенистой улицы дом отделяла небольшая лужайка, а сзади к нему примыкал сад. Очаровательная невеста радовала глаз, священник деловито обвенчал молодых, и по завершении церемонии гостям подали шампанское.

---

²⁴ В США среди лиц, призываемых на военную службу, проводилась жеребьевка, в соответствии с которой и определялся номер очереди каждого.

Стоял теплый летний день, ярко светило солнце, улыбки гостей были нежными и чувственными, как это обычно бывает на свадьбах. Молодые парочки уединялись, чтобы поговорить о чем-то своем.

Хоуп надела новое желтое платье. В последнюю неделю она часто бывала на солнце и успела загореть. Ной с гордостью, но и с некоторым беспокойством наблюдал, как она общается с гостями. Ему нравились и ее новая прическа, и мягкий, золотистый отлив ткани ее платья. Ной стоял чуть в стороне, маленькими глотками пил шампанское, иной раз перебрасывался несколькими словами с теми из гостей, которые подходили к нему, но видел он только Хоуп, ее волосы, ее губы, ее ноги.

Ной поцеловал новобрачную, окунувшись в круговорот белого атласа, кружев, вкуса помады, аромата духов и флердоранжа. Но смотрел он не в яркие, сверкающие глаза невесты, не на ее приоткрытые губки, а на наблюдавшую за ним с другого конца комнаты Хоуп, восхищаясь ее шеей, ее талией. И когда Хоуп подошла к нему, Ной встретил ее словами: «Есть у меня одно желание», – и обнял за талию, туго обтянутую корсажем нового платья. Он почувствовал хрупкость ее девичьего тела, ощутил легкое движение ее бедер. Хоуп его поняла. Она поднялась на цыпочки и поцеловала Ноя. Кое-кто из гостей смотрел на них, но Ноя это нисколько не смущало. Ведь на свадьбах всем дозволено целоваться. Кроме того, Ной никогда еще не приходилось пить шампанское в жаркий летний день.

Они наблюдали, как молодые, щедро обсыпанные рисом, отбыли в автомобиле, украшенном развевающимися лентами. Мать плакала на крылечке. Новоиспеченный муж, раскрасневшийся и смущенный, улыбался за задним стеклом машины. Ной и Хоуп посмотрели друг на друга и поняли, что думают об одном и том же.

– А почему бы нам не... – зашептал Ной.

– Ш-ш-ш. – Она приложила пальчик к его губам. – Ты выпил слишком много шампанского.

Они попрощались с хозяевами и гостями и зашагали по улице, обсаженной высокими деревьями, вдоль лужаек, на которых вращались разбрызгиватели. Капельки воды, переливаясь всеми цветами радуги, падали на траву, в воздухе стоял аромат свежей зелени. Ной и Хоуп шли медленно, держась за руки.

– Куда они поехали? – спросил Ной.

– В Калифорнию, – ответила Хоуп. – На месяц. Там в Монтерее у его кузена свой дом.

Они шагали бок о бок мимо лужаек Флэтбуша, думая о пляжах Монтерее, о накатывающих на них волнах могучего Тихого океана, о мексиканских домиках, застывших под испепеляющим южным солнцем, и о двух молодых людях, которые сейчас усаживаются в купе поезда на вокзале Гранд-Сентрал и запирают дверь на замок.

– Господи, – кисло улыбнулся Ной. – Мне их жаль.

– Почему?

– В такую ночь. Первый раз. Ночь-то будет одна из самых жарких в году.

Хоуп вырвала руку.

– Какой ты грубый, вульгарный...

– Хоуп... – запротестовал Ной. – Я же пошутил.

– Так нельзя, – продолжала бушевать Хоуп. – Высмеивать все и вся! – На ее глазах, к изумлению Ноя, показались слезы.

– Дорогая, не плачь, пожалуйста. – Он обнял ее, не обращая внимания на двух мальчишек и собаку колли, наблюдавших за ними с одной из лужаек.

Хоуп отпрянула.

– Не трогай меня! – Она зашагала прочь.

– Пожалуйста. – Ной засеменил следом. – Пожалуйста, позволь мне все объяснить.

– Напиши мне письмо, – сквозь слезы бросила Хоуп. – Всю свою нежность ты, похоже, приберегаешь для пишущей машинки.

Ной догнал ее и молча пошел рядом, не зная, что сказать. Он был озадачен, растерян, он словно оказался в безбрежном море женского безрассудства и не пытался что-либо предпринять, дрейфовал без руля и ветрил, отдался на волю волн и ветра в надежде, что они вынесут его к спасительному берегу.

Однако Хоуп не желала сменить гнев на милость и всю дорогу, пока они ехали на трамвае, молчала, недовольно поджав губки. «Господи, – думал Ной, время от времени поглядывая на нее, как побитый пес, – она же может перестать со мной встречаться!»

Но Хоуп позволила ему войти в дом, открыв обе двери своим ключом. Их встретила тишина: дядя и тетя Хоуп вместе с двумя детьми на три дня уехали из города.

– Ты голоден? – сердито спросила Хоуп, стоя посреди гостиной.

Ноя очень хотелось ее поцеловать, но одного взгляда на ее лицо хватило для того, чтобы эти мысли вылетели у него из головы.

– Думаю, мне лучше поехать домой, – ответил он.

– Ты можешь поесть и здесь. Ужин в леднике.

Ной покорно последовал за Хоуп на кухню и принялся помогать, стараясь не мешаться у нее под ногами. Она достала тарелку с вареной курятиной, приготовила салат, налила кувшин молока. Поставила все на поднос и рывкнула: «В сад!» Совсем как сержант, отдающий команду взводу.

Ной взял поднос и вынес его в садик, примыкающий к дому, – маленький прямоугольник, с боков огражденный высоким дощатым забором, а торцом упирающийся в глухую кирпичную стену гаража, сплошь затянутую плющом. В садике росла высокая акация, в одном углу дядя Хоуп сделал альпийскую горку и разбил несколько клумб. Там же стояли деревянный стол со свечами под абажурами и длинный диван-качели под тентом. В сгущающихся сумерках Бруклин растаял, как туман, так что садик, в котором они расположились, мог находиться и в Англии, и во Франции, и даже в горах Индии.

Хоуп зажгла свечи, они чинно уселись друг против друга и жадно набросились на еду. Ели молча, не считая вежливых просьб передать соль или кувшин с молоком. Потом сложили салфетки и поднялись.

– Свечи нам не нужны, – решила Хоуп. – Тебя не затруднит задуть ту, что на твоей стороне?

– Нет проблем.

Ной наклонился к стеклянной трубке, оберегавшей свечу от порывов ветра. Хоуп проделала то же самое. Их головы соприкоснулись, когда они одновременно дунули на свечи.

– Прости меня, – выдохнула Хоуп в наступившей темноте. – Я самая злобная женщина на свете.

И стена, разделившая их, разом рухнула. Они уселись на качели, сквозь ветки акации вглядываясь в темнеющее небо, на котором одна за другой начали проступать звезды. Громыхал трамвай, ревели моторы грузовиков, тетя, дядя и двое их детей наслаждались природой, за гаражом о чем-то кричали мальчишки-газетчики, но происходило все это в другом, далеком мире, и к этому миру не имел ни малейшего отношения огороженный забором садик, в котором они сидели в тот вечер.

– Нет, не надо, – шептала Хоуп. – Я боюсь, боюсь. – И наконец: – Дорогой, дорогой.

Ноя охватывали то робость, то торжество, то застенчивость, то изумление. А потом они застыли, потрясенные и подавленные неистовостью охвативших их чувств. Ной испугался, что теперь, когда все свершилось, Хоуп возненавидит его, и каждая секунда молчания убеждала его, что так оно и будет, но внезапно Хоуп засмеялась.

– Видишь... Не так уж и жарко. Даже совсем не жарко.

Гораздо позже, когда Ною пришла пора уходить, они вернулись в дом. Жмурясь от света, старались не смотреть друг на друга. Чтобы чем-то занять себя, Ной включил радиоприемник.

Транслировали фортепьянный концерт Чайковского, мягкую, печальную музыку, словно написанную специально для них, двух молодых людей, только-только вышедших из детства и познавших радость первой любви. Хоуп подошла к Ною и поцеловала его в шею. Он повернулся, чтобы поцеловать ее в ответ, но тут музыка прервалась, сменившись бесстрастным голосом диктора: «Экстренное сообщение Ассошиэйтед Пресс. Немецкое наступление продолжается по всей границе с Россией. Все новые и новые бронетанковые дивизии вводятся в бой на линии фронта, протянувшейся от Финляндии до Черного моря».

– Что случилось? – выдохнула Хоуп.

– Немцы, – ответил Ной, подумав о том, как часто произносилось в последнее время это слово, просто не сходило с языка. – Они напали на Россию. Должно быть, об этом кричали мальчишки на улице...

– Выключи. – Хоуп протянула руку и выключила радиоприемник. – Хотя бы на сегодня.

Ной прижал девушку к себе и почувствовал, как отчаянно колотится ее сердце. «Весь день, – подумал он, – пока мы поздравляли молодоженов, гуляли по городу, весь вечер, который мы провели в саду, шла война, стреляли пушки, умирали люди. От Финляндии до Черного моря». Ной не стал углубляться ни в какие рассуждения. Лишь память зафиксировала эту мысль, как она фиксирует рекламный плакат на обочине дороги, который машинально успеваешь прочитать, проносясь мимо в автомобиле.

Ной и Хоуп сидели на стареньком диване в тихой, замершей комнате. За окном давно стемнело. Где-то далеко кричали мальчишки-газетчики, нарушая ночной покой.

– Какой сегодня день? – спросила Хоуп.

– Воскресенье. – Ной улыбнулся. – День отдыха.

– Это я знаю. Какое число?

– Июнь. Двадцать второе июня.

– Двадцать второе июня, – прошептала она. – Я запомню. В этот день ты впервые познал меня.

Когда Ной вернулся домой, Роджер еще не ложился. Остановившись у двери квартиры и стараясь придать своему лицу самое что ни на есть будничное выражение, дабы Роджер не понял, что произошло сегодня вечером, Ной услышал доносящиеся изнутри тихие звуки пианино. Несомненно, блюз, но Роджер импровизировал на ходу, так что Ной не мог угадать мелодию. Ной послушал две или три минуты, прежде чем открыть дверь. Роджер, не оборачиваясь, помахал ему одной рукой и продолжал играть. Их комната, в дальнем углу которой горела только одна лампа, показалась Ною огромной и загадочной. Ной опустился в большое кожаное кресло у открытого окна. За окном в лабиринте темных улиц спал город. Легкий ветерок лениво шевелил занавески. Ной закрыл глаза, вслушиваясь в наплывающие на него мрачные аккорды. У него возникло ощущение, что каждая клеточка его тела трепещет, откликаясь на эту странную музыку.

Внезапно, не закончив пассажа, Роджер перестал играть. Его длинные пальцы замерли на клавиатуре, он некоторое время разглядывал отполированное, местами поцарапанное дерево старого пианино, а потом повернулся к Ною.

– Квартира твоя.

– Что? – Ной открыл глаза.

– Завтра я уйду. – Роджер словно продолжал разговор с самим собой, начатый много часов назад.

– Что? – Ной пристально всмотрелся в лицо друга, подозревая, что тот выпил лишнего.

– Ухожу в армию. Потеха закончилась. Теперь начнут призывать штатских.

Ной тараторил на него, не понимая, о чем говорит Роджер. «В другое время я бы понял, – думал он, – но эта ночь была слишком уж бурной».

– Я полагаю, – заметил Роджер, – новости докатились и до Бруклина.

– Ты о русских?

– Я о русских.

– Да, я кое-что слышал.

– Я намерен протянуть русским руку помощи.

– Что? – в который уж раз переспросил Ной. – Ты собираешься вступить в русскую армию?

Роджер рассмеялся, подошел к окну и, держась за занавеску, выглянул на улицу.

– Нет, – ответил он, – я собираюсь вступить в армию Соединенных Штатов Америки.

– Я пойду с тобой, – внезапно вырвалось у Ноя.

– Спасибо. Но не дури. Дождись, пока тебя призвут.

– Тебя-то не призывали.

– Еще нет. Но я спешу. – Роджер задумчиво завязал занавеску узлом, потом развязал. – Я старше тебя. Подожди, пока придет твоя очередь. А придет она скоро.

– Ты говоришь так, что можно подумать, тебе лет восемьдесят.

Роджер рассмеялся и вновь повернулся к Ною.

– Прости уж, внучок. – Его голос вновь стал серьезным. – Я старался игнорировать происходящее, пока была такая возможность. А сегодня, послушав радио, понял, что все, точка. С этого момента оправдать собственное существование я могу лишь одним способом – взяв в руки винтовку. От Финляндии до Черного моря, – произнес он, подражая голосу диктора. – От Финляндии до Черного моря, до Гудзона, до Роджера Кэннона. Все равно мы вскоре вступим в войну. И я лишь хочу немного опередить события. Я всю жизнь ждал чего-то важного. Теперь этот момент наступил. Как-никак я происхожу из военной семьи. – Он усмехнулся. – Мой дед дезертировал из-под Энтайтэма, а отец оставил трех внебрачных детей в Суассоне.

– Думаешь, то, что ты собираешься сделать, принесет какую-то пользу? – спросил Ной.

Усмешка Роджера стала шире.

– Не спрашивай меня об этом, внучок. Никогда не спрашивай. – Внезапно его губы сжались в узкую полоску. – Возможно, для меня это единственный выход. Сейчас, как ты, наверное, заметил, у меня нет цели в жизни. Это же болезнь. Вначале появляется прыщик, на который ты не обращаешь внимания. А тремя годами позже тебя разбивает паралич. Возможно, армия укажет мне цель в жизни... – Роджер ухмыльнулся. – К примеру, остаться в живых, или стать сержантом, или выиграть войну. Не будешь возражать, если я еще немного поиграю?

– Разумеется, нет, – вяло ответил Ной, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, который твердил: «Роджер хочет умереть, он хочет умереть, и его таки убьют».

Роджер вернулся к пианино, положил руки на клавиши и заиграл что-то такое, чего Ной никогда не слышал.

– Так или иначе, – произнес Роджер, продолжая играть, – я рад, что у вас с Хоуп наконец-то все получилось...

– Что? – Ной попытался вспомнить, намекал ли он Роджеру о своих успехах. – О чем ты?

– У тебя все написано на лице, – заулыбался Роджер. – Большими буквами. Как на неоновой вывеске. – И заиграл что-то на басах.

Роджер ушел в армию на следующий день. Он не разрешил Ною проводить его до призывного пункта, оставил ему все свои вещи, всю мебель, все книги, всю одежду. Ною она была велика.

– Все это мне ни к чему. – Роджер критически оглядел свое добро, накопившееся за двадцать шесть лет его жизни. – Хлам, да и только. – Он сунул в карман последний номер «Нью-рипблэк», чтобы почтить в подземке по пути к Уайтхолл-стрит, и улыбнулся. – Оружие не из лучших, но другого нет.

Роджер помахал Ною рукой, лихо сдвинул шляпу набекрень, как, по его разумению, полагось носить головной убор новобранцу, и навсегда ушел из квартиры, в которой прожил пять лет. Ной провожал его, ощущая комок в горле. Он считал, что никогда больше у него не будет настоящего друга, а лучшие дни жизни уже в прошлом.

Время от времени Ной получал короткие, саркастические письма из какого-то учебного центра в одном из южных штатов. Однажды он достал из конверта отпечатанную на mimeографе копию приказа по роте о присвоении рядовому Роджеру Кэннону звания рядового первого класса. А после довольно длительного перерыва пришло двухстраничное письмо с Филиппин с подробным описанием манильского района красных фонарей и некой девицы, наполовину бирманки, наполовину голландки, живот которой украшала татуировка, изображающая американский военный корабль «Техас». Заканчивалось письмо коротким постскриптом, написанным размашистым почерком Роджера: «От армии держись подальше. Там нет места человеческим существам».

Уход Роджера в армию дал Ною одно существенное преимущество, которое тот использовал на полную катушку, хотя его и мучила совесть. Теперь у них с Хоуп появилось собственное гнездышко и им не приходилось больше бродить по ночным улицам, изнемогая от страсти, а потом дожидаться на крыльце, когда чтение Библии вгонит наконец в сон дядюшку Хоуп. У них было ложе, куда они могли уложить свою любовь, а из их глаз исчезла печаль, появлявшаяся после того, как они час за часом мерили шагами асфальт.

За месяцы, прошедшие после ухода Роджера, Ной наконец-то открыл для себя все достоинства своего тела. Оно оказалось более сильным, чем он предполагал, и куда более чувственным. У Ноя даже появилась привычка с восхищением разглядывать себя в высоком зеркале за дверью. Ему нравилось то, что он видел: телу нашлось достойное применение, и оно не подвело своего хозяина. Какое счастье, думал он, глядя на свою голую грудь, что на ней не растут волосы.

А у Хоуп, заполучившей собственное гнездышко, где их никто не мог спугнуть, проявился необычайно бурный темперамент. В уютной темноте летних вечеров ледяные холмы ее вермонтского пуританизма растаяли и испарились, и теперь Ной и Хоуп не уступали друг другу ни в страсти, ни в жажде наслаждений. В убогой комнатке, хранившей их самые сокровенные тайны, они погружались в дурманивший голову поток любви, и шум улицы внизу, крики мальчишек-газетчиков, голосования в сенате, артиллерийские дуэли в Европе, Азии, Африке отступали прочь, превращаясь в едва слышную барабанную дробь в лагере некой армии, участвующей в войне, которая не имеет к ним ни малейшего отношения.

Глава 7

Кристиан никак не мог сосредоточиться на происходящем на экране. А фильм был очень даже неплохой, о воинском подразделении, которое в один из дней 1918 года оказалось в Берлине по пути с Восточного фронта на Западный. Лейтенант получил строгий приказ держать своих солдат на вокзале, но он понимал, как им хочется повидаться с женами и возлюбленными после яростных сражений на Востоке и в преддверии последней битвы на Западе. Вот лейтенант и отпустил их по домам, рискуя попасть под трибунал. В фильме показывалось, как по-разному повели себя солдаты. Одни напились, других евреи и пораженцы уговаривали остаться в Берлине, третьих не отпускали жены. В течение всего фильма жизнь лейтенанта висела на волоске, и наконец последний солдат появился на станции в тот момент, когда поезд уже тронулся с места. Подразделение отправилось во Францию в полном составе, солдаты не подвели своего лейтенанта. Режиссер, оператор и актеры знали свое дело. В фильме хватало и юмора, и пафоса, а у зрителей не оставалось никаких сомнений в том, что войну проиграла не армия, а трусы и предатели в тылу.

Солдат, сидевших рядом с Кристианом в походном кинотеатре, захватила игра актеров, изображавших участников прошлой войны. Правда, в жизни такие лейтенанты Кристиану не встречались. Вот и лейтенант Гарденбург, с горечью подумал он, мог бы почерпнуть из фильма много полезного. После загула в Париже лейтенант с каждым днем все больше ожесточался. Согласно приказу, их часть сдала бронетехнику и передислоцировалась в Ренн, где выполняла чисто полицейские функции. Тем временем началась война в России, и на однокашников Гарденбурга, воюющих на Восточном фронте, полился дождь наград.

Как-то утром Гарденбург прочитал в газете, что его сокурсника по офицерскому училищу, которого за исключительную тупость они прозвали Бараном, после проведения успешной операции на Украине произвели в подполковники, и чуть не лопнул от ярости. Он-то по-прежнему ходил в лейтенантах. Пожаловаться на бытовые условия Гарденбург не мог: он поселился в двухкомнатном номере одной из лучших гостиниц города, две его любовницы жили в той же гостинице на том же этаже, а спекулянты, нелегально торгующие мясом и мясными продуктами, отстегивали ему долю прибыли. Но неудовлетворенное честолюбие не давало ему покоя, а не знающий покоя лейтенант, мрачно думал Кристиан, – сущая беда для сержанта.

К счастью, завтра Кристиан отбывал в отпуск. Если бы ему пришлось еще неделю слушать ядовитые замечания Гарденбурга, он мог бы совершить какой-нибудь необдуманный поступок, скажем, нарушить субординацию, за что ему пришлось бы отвечать по законам военного времени. Вот и сегодня, внутренне кипел Кристиан, лейтенант, прекрасно зная, что он уезжает утренним семичасовым поездом, поставил его в наряд. В полночь намечалось провести операцию по задержанию нескольких французов, которые уклонялись от отправки на работу в Германию, и Гарденбург не счел нужным поручить это ответственное задание Гиммлеру, Штайну или кому-то еще. «Я уверен, что ты не станешь возражать, Дистль. По крайней мере тебе не придется скучать в свою последнюю ночь в Ренне. До полуночи ты свободен».

Фильм закончился. В последних кадрах лицо симпатичного молодого лейтенанта показали крупным планом. Как нежный и заботливый отец, он во весь экран улыбался своим солдатам под перестук колес мчащегося на запад поезда. В темном зале грянули аплодисменты. После фильма показали выпуск новостей. Выступление Гитлера, немецкие самолеты, бомбящие Лондон, Геринг, вручающий «Железный крест» летчику, сбившему сто самолетов противника, наступающая на Ленинград пехота на фоне горящих крестьянских изб...

Кристиан механически отметил, как энергично и точно солдаты выполняют полученные приказы. Они будут в Москве через три месяца, со злостью подумал он, а ему сидеть в Ренне, выслушивать насмешки Гарденбурга да арестовывать беременных женщин, которые оскорб-

ляют в кафе немецких офицеров. Скоро Россию завалит снегом, а он, один из лучших лыжников Европы, будет играть роль полицейского в теплом климате Западной Франции. Армия – прекрасная организация, тут двух мнений быть не может, но и здесь есть серьезные изъяны.

На экране один из солдат упал. То ли он укрылся от огня противника, то ли получил пулю. Во всяком случае, солдат не поднялся, и камера фронтового кинооператора прошла над ним. У Кристиана на глаза навернулись слезы. Он этого стыдился, но ему хотелось плакать всякий раз, когда он видел сражающихся немцев, в то время как он сам наслаждался миром и покоем. А потом Кристиан мучился чувством вины и вымещал злость на подчиненных, хотя понимал, что он не по своей воле отсиживается в тылу, когда другие идут на смерть. Он пытался убедить себя в том, что армия нужна и здесь, в Ренне, но чувство вины не уходило. Оно даже отравляло мысли о двух неделях, которые ему предстояло провести дома. Юный Фредерик Лангерман потерял ногу в Латвии, обоих сыновей Кохов убили, и Кристиан знал, что ему не удастся избежать косых взглядов соседей. Еще бы, явился целым и невредимым, даже поправился, а за всю войну поучаствовал лишь в коротенькой стычке под Парижем, которая больше напоминала фарс, а не настоящий бой.

Война, подумал он, скоро закончится. И внезапно ему страстно захотелось вернуться к мирной жизни. До чего же хорошо пронестись по снежному склону, ни о чем не думая, напрочь забыв о лейтенанте Гарденбурге. Какими же сладкими и желанными покажутся ему эти дни. Что ж, с русскими вот-вот разделаются, потом англичане наконец-то сообразят, кто в доме хозяин, и тогда он сможет забыть это скучное время, проведенное во Франции. Через два месяца после окончания войны люди перестанут о ней говорить, и бухгалтера, который три года щелкал костяшками счетов в интендантской конторе в Берлине, будут уважать ничуть не меньше, чем пехотинца, штурмовавшего доты в Польше, Бельгии, России. А там, глядишь, и Гарденбург приедет покататься на лыжах. По-прежнему в звании лейтенанта, возможно – вот было бы здорово! – демобилизованный за ненадобностью. Кристиан поведет его в горы и... Он с горечью усмехнулся. Мечты, мечты. И сколько его продержат на службе после подписания перемирия? Вот уж когда наступит самое трудное время: война закончится, и не останется ничего другого, как ждать, когда о тебе вспомнит огромная и неповоротливая армейская бюрократическая машина.

Выпуск новостей завершился появлением на экране портрета Гитлера. Зрители вскопили, отдали честь вождю и запели: «Deutschland, Deutschland, uber alles».

Зажегся свет, и Кристиан в толпе солдат медленно двинулся к выходу. А ведь все они не первой молодости, с горечью подумал Кристиан. Больные да увечные. Гарнизонные части, оставленные в мирной стране, тогда как лучшие сыны нации вели решающий бой за тысячи миль от Франции. И он оказался в компании этих убогих. Кристиан раздраженно мотнул головой. Такие мысли надо гнать прочь, а то недолго стать таким же, как Гарденбург.

На темных улицах изредка встречались французы и француженки, и все они при его приближении поспешно сходили с тротуара в ливневую канаву. Кристиана это бесило. Трусость – едва ли не самая мерзкая черта человеческой натуры. Но еще хуже ничем не оправданная трусость. Он не собирался причинять вреда французам, все солдаты получили строгий приказ быть с ними предельно корректными и вежливыми. Немцы, подумал Кристиан, когда мужчина, отступая в канаву, споткнулся и чуть не упал, немцы никогда не позволят себе того, что стала бы вытворять в Германии оккупационная армия. Любая оккупационная армия.

Кристиан остановился.

– Эй, старик!

Француз застыл. Втянутая в плечи голова и трясущиеся руки показывали, что этот окрик перепугал его до полусмерти.

– Да, – у него дрожал и голос, – да, господин полковник.

– Я не полковник, – отрезал Кристиан. Не хватало только этой детской лести.

- Простите, месье, но в темноте...
- Вам нет нужды уступать мне дорогу.
- Да, месье, – согласился француз, оставшись в канаве.
- Возвращайтесь на тротуар, – прорычал Кристиан. – На тротуар!
- Да, месье, – пробормотал старик, но не сдвинулся с места.
- Подойди сюда. На тротуар!
- Да, месье. – Француз робко вылез из канавы и на шаг приблизился к Кристиану. – Я покажу вам свой пропуск. Мои документы в полном порядке.
- Не нужны мне твои паршивые документы!
- Как скажете, месье, – покивал француз.
- Иди домой.
- Да, месье. – Француз засеменил прочь, а Кристиан направился дальше, вновь погружившись в раздумья.

Новая Европа (губы Кристиана изогнулись в усмешке), могучая федерация динамично развивающихся государств. Господи, если война и закончится, из такого человеческого материала новую Европу не построить. Если бы только его отправили туда, где гремят пушки. Во всем виновата гарнизонная жизнь. И не штатская, и не военная, вобравшая в себя недостатки и первой, и второй. Эта жизнь разлагает душу человека, убивает честолюбие, веру в светлое будущее. А может быть, его рапорту о зачислении в офицерскую школу дадут ход и, произведя в лейтенанты, отправят в Россию или Африку? И тогда Ренн забудется как кошмарный сон. Но Кристиан подал рапорт три месяца назад, а ответа все нет. Наверное, рапорт лежит под кучей бумаг на столе какого-нибудь толстого ефрейтора на Вильгельмштрассе.

Господи, все обернулось совсем не так, как он предполагал в тот день, когда уходил из дома, когда немецкие части вступали в Париж... Кристиан помнил рассказы участников прошлой войны. Нерушимая солдатская дружба, возникающая в жарких боях, абсолютная убежденность в том, что долг родине отдан сполна, ни с чем не сравнимое ощущение восторга, вызванное пусть маленькой, но победой над врагом. Вспомнились ему и последние страницы «Волшебной горы»²⁵: Ганс Касторп, который под шквальным огнем французов бежит в атаку по цветущему лугу, напевая мелодию Бетховена... Книга требовала продолжения. В ней явно не хватало еще одной главы, в которой Касторп три месяца спустя пытается подобрать сапоги подходящего размера на складе в Льеже. Он уже не поет.

И боевая дружба оказалась еще одним мифом. Да, на какие-то мгновения она возникала. С Брандтом по дороге в Париж, с Гарденбургом, когда они ехали к площади Оперы по Итальянскому бульвару. Но теперь Брандту присвоили офицерское звание и он жил в отдельной квартире в Париже, работал в армейском журнале. А от Гарденбурга Кристиан не ждал ничего хорошего с того самого дня, когда они впервые встретились в учебном центре, и лейтенант оправдал самые худшие ожидания. Да и остальные просто свиньи. От постоянного общения с ними на душе становится тошно. С утра до вечера благодарят Господа за то, что они в Ренне, а не под Триполи или Киевом, и каждый пытается что-то урвать с французов, промышляющих на черном рынке. Копят деньги, чтобы пережить послевоенную депрессию. Какие друзья из таких людей? Ростовщики. Ловкачи в военной форме. Если вдруг над кем-то нависает угроза отправки на фронт, какую же он развивает бурную деятельность, идет на все, подкупает кого только можно, лишь бы остаться в тылу, лишь бы не покидать тепленького местечка. Никогда Кристиан не чувствовал себя таким одиноким, как здесь, в десятиmillionной армии. В Берлине, во время отпуска, он обязательно зайдет в военное ведомство. Кристиан знал там одного

---

²⁵ Роман немецкого писателя *Томаса Манна* (1875–1955), опубликованный в 1924 г.

полковника, которого учил кататься на лыжах до аншлюса²⁶. Он попросит этого человека оказать содействие в переводе в действующую часть. Пусть даже рядовым.

Кристиан посмотрел на часы. До явки в канцелярию еще двадцать минут. На противоположной стороне улицы он увидел кафе и понял, что ему надо выпить.

За столиком четверо солдат пили шампанское. Судя по побагровевшим лицам, выпили уже немало. О том же говорили и расстегнутые кители. Двоим из этих солдат давно следовало побриться. Опять же шампанское. На жалованье рядового его не укупишь. Небось продают украденное со складов оружие французам. Те пока еще его не используют, но кто знает, что ждет впереди. Даже французы могут вновь обрести мужество. Армия спекулянтов, с горечью думал Кристиан, торговцы сапогами, ремнями, боеприпасами, нормандским сыром, вином, телятиной. Еще два года во Франции – и от местных они будут отличаться только военной формой. И галльский дух превратит позорное поражение французов в их коварную победу.

– Рюмку вермута, – бросил Кристиан хозяину кафе, который нервно переминался с ноги на ногу за стойкой. – Нет, лучше коньяка.

Он привалился к стойке спиной, сверля взглядом солдат. Шампанское скорее всего отвратительное. Брандт рассказывал ему, что французы могут наклеить этикетку самого известного шампанского на бутылку с паршивым вином. Немцы-то все равно не смогут отличить одно от другого. Так французы мстили победителям, да еще с двойной выгодой для себя: они тешили свой патриотизм и имели неплохой навар.

Солдаты заметили, что Кристиан наблюдает за ними. Пить, правда, не бросили, но говорили теперь куда тише и вели себя более сдержанно. Один даже виновато провел рукой по заросшему щетиной подбородку. Владелец кафе поставил перед Кристианом рюмку коньяка. Тот пил его маленькими глоточками, не сводя глаз с четверки солдат. Один из них достал бумажник, чтобы заплатить за новую бутылку шампанского. Кристиан видел, что он битком набит франками. Господи, неужели ради этих зажавшихся, ни в чем не отказывающих себе бандитов немцы идут в атаку на русские окопы? Неужели ради этих торгашей немецкие летчики горят над Лондоном?

– Эй, ты! – Кристиан ткнул пальцем в солдата с набитым бумажником. – Подойди сюда.

Тот растерянно оглядел собутыльников. Но они уткнулись в свои бокалы. Солдат медленно поднялся и сунул бумажник в карман.

– А ну, живо! – рявкнул Кристиан. – Ко мне!

Солдат, волоча ноги, подошел. Его небритые щеки заметно побледнели.

– Как стоишь? Смир-р-на!

Солдат вытянулся, перепугавшись еще больше.

– Фамилия?

– Рядовой Ганс Рютер, господин сержант, – едва слышно прошептал солдат.

Кристиан достал клочок бумаги и карандаш, записал имя и фамилию.

– Часть?

Рютер шумно проглотил слюну.

– Сто сорок седьмой саперный батальон.

Кристиан записал и это.

– В следующий раз, рядовой Рютер, когда тебе захочется выпить, потрудись предварительно побриться и не расстегивай китель. Тебе также следует стоять по стойке «смирно», обращаясь к старшим по званию. Я подам рапорт о наложении на тебя дисциплинарного взыскания.

– Слушаюсь, господин сержант.

– Вольно. Можешь идти.

---

²⁶ Присоединение Австрии к Германии в 1938 г.

Рютер облегченно вздохнул, повернулся и зашагал к столику.

Остальные солдаты молча застегнули кители.

Кристиан повернулся к ним спиной, посмотрел на владельца кафе.

– Желаете еще коньяка, господин сержант?

– Нет.

Кристиан положил деньги на стойку, допил коньяк и вышел из кафе, даже не взглянув на сидевших в углу солдат.

Лейтенант Гарденбург сидел в канцелярии в фуражке и в перчатках. Спина выпрямлена, словно лейтенант приготовился скакать на лошади, взгляд прикован к присланной министерством пропаганды карте России с нанесенной на ней линией фронта по состоянию на прошлый вторник. Красные и черные победные стрелки теснились, наползая друг на друга. Канцелярия располагалась в бывшей дежурной части французского полицейского участка. С въевшимся в стены, пол, потолок запахом мелких преступников и не жаловавших мыло французских полицейских помешанной на чистоте немецкой армии справиться не удалось. Под потолком горела маленькая лампочка. В канцелярии стояла страшная духота, так как ставни и окна закрыли, исполняя приказ о затемнении. В спертom воздухе, казалось, витали призраки бесчисленных жуликов, которых кулаками и дубинками учили здесь уму-разуму.

Войдя в канцелярию, Кристиан увидел низкорослого, невзрачного мужчину в форме французской милиции, который топтался у окна, изредка поглядывая на Гарденбурга. Кристиан встал по стойке «смирно» и отдал честь, думая при этом, что такое не может продолжаться вечно, должен же когда-то наступить конец.

Гарденбург не обратил на него ни малейшего внимания, однако Кристиан достаточно хорошо изучил своего лейтенанта и знал, что его присутствие замечено. Теперь остается лишь дожидаться того знаменательного момента, когда лейтенант соизволит заговорить с ним. Вот он и стоял, вытянувшись в струнку, не отрывая взгляда от лица Гарденбурга.

Разглядывая это лицо, Кристиан все больше утверждался в мысли, что ненавидит лейтенанта сильнее, чем врагов Рейха. Сильнее, чем Черчилля, сильнее, чем Сталина, сильнее, чем любого английского или русского танкиста или минометчика.

Гарденбург посмотрел на часы.

– Ага, – произнес он, не поднимая глаз на Кристиана, – сержант прибыл вовремя.

– Так точно, господин лейтенант.

Гарденбург подошел к заваленному бумагами столу и взял один листок.

– Вот фамилии и фотографии троих мужчин, которых надо найти. В прошлом месяце их вызвала Трудовая комиссия, но они уклоняются от явки. Вот этот господин... – он пренебрежительно кивнул головой в сторону недомерка в милицейской форме, – ...этот господин вроде бы знает, где они прячутся.

– Да, господин лейтенант, – залебезил француз. – Совершенно верно, господин лейтенант.

– Возьми с собой пятерых солдат, – продолжал Гарденбург (француза в канцелярии словно бы и не было), – и привезите этих людей сюда. Грузовик во дворе, шофер за рулем, солдаты в кузове.

– Будет исполнено, господин лейтенант.

– А ты... – Гарденбург наконец удостоил французского взглядом, – пошел вон.

– Слушаюсь, господин лейтенант, – с придыханием ответил француз и шустро ретировался.

Гарденбург вновь уставился на карту. От жары Кристиан начал потеть. «В немецкой армии тьма-тьмущая лейтенантов, – думал он, – а меня угораздило попасть именно к Гарденбургу».

– Вольно, Дистль. – Лейтенант никак не мог оторваться от карты.

Кристиан переступил с ноги на ногу.

– Все в порядке? – Тон лейтенанта изменился, стал более дружелюбным. – Необходимые отпускные документы получены?

– Так точно, господин лейтенант, – ответил Кристиан, а в голове его мелькнула дикая мысль: «Ну вот, сейчас Гарденбург отменит мой отпуск. С ума можно сойти».

Лейтенант кивнул, по-прежнему разглядывая карту.

– Счастливчик. Две недели среди немцев, а не этих свиней. – Он мотнул головой в сторону окна, у которого только что стоял француз. – Я пытаюсь получить отпуск четыре месяца, – со вздохом продолжал Гарденбург. – Но без меня никак нельзя. Я, похоже, незаменимый. – Он невесело хохотнул. – Могу я попросить тебя об одном одолжении?

– Разумеется, господин лейтенант, – без запинки ответил Кристиан и тут же выругал себя за излишнее рвение.

Гарденбург достал из кармана связку ключей, отомкнул один из ящиков стола, вытащил аккуратно запакованный сверток и вновь запер ящик.

– Моя жена живет в Берлине. Вот адрес. – Он протянул Кристиану листок бумаги. – Я... я нашел для нее замечательные кружева. – Лейтенант постучал пальцем по свертку. – Черные. Моя жена очень любит кружева. Я надеялся вручить ей подарок лично, но вероятность того, что мне дадут отпуск... – Он пожал плечами. – А почта... – Гарденбург покачал головой. – Должно быть, все воры Германии теперь работают на почте. После войны, – в голосе лейтенанта зазвучали злые нотки, – в этом учреждении обязательно проведут тщательное расследование. Но пока... Вот я и подумал: не смог бы ты передать этот сверток моей жене? Надеюсь, тебя это не затруднит? Моя жена живет неподалеку от железнодорожного вокзала.

– Передам с радостью, господин лейтенант.

– Спасибо тебе. – Гарденбург вручил Кристиану сверток. – Передай вместе с моими наилучшими пожеланиями. – Он холодно усмехнулся. – Можешь даже сказать, что я постоянно о ней думаю.

– Будет исполнено, господин лейтенант.

– Очень хорошо. Теперь насчет этих троих. – Он указал на лежащий перед ним листок. – Я знаю, что могу положиться на тебя.

– Да, господин лейтенант.

– Я получил распоряжение... в таких делах надо быть построже. В назидание остальным. Рукоприкладством, конечно, увлекаться не следует, ты меня понимаешь... Но накричать, дать затрещину, пригрозить оружием...

– Все ясно, господин лейтенант. – Осторожно сжимая сверток, Кристиан ощущал мягкость кружева.

– Тогда все, сержант. – Гарденбург повернулся к карте. – Желаю тебе хорошо отдохнуть в Берлине.

– Благодарю вас, господин лейтенант. – Кристиан вскинул руку. – Хайль Гитлер!

Но Гарденбург мысленно уже перенесся в танковую армаду, которая накатывалась на Смоленск, и лишь вяло взмахнул рукой, когда Кристиан направился к двери, засунув кружево под китель и застегнув все пуговицы, чтобы, не дай Бог, не потерять сверток.

Первые двое мужчин из списка, полученного Кристианом, прятались вместе в пустующем гараже. Увидев вооруженных солдат, никакого сопротивления они не оказали. Следующий адрес, названный французским милиционером, привел их в жалкую лачугу. В комнатах воняло канализацией и чесноком. Юноша, которого они вытащили из постели, цеплялся за свою мать, оба истерично орали. Мать укусила одного из солдат, и он ударом в живот сшиб ее с ног. За столом сидел старик и плакал, уронив голову на руки. В общем, никаких поло-

жительных эмоций этот арест Кристиану не принес. В чулане обнаружили еще одного мужчину. Взглянув на него, Кристиан решил, что этот человек – еврей. Документы у него были просрочены, а от испуга он не мог ответить ни на один вопрос. В какой-то момент Кристиан решил с ним не связываться. В конце концов, он должен был арестовать трех дезертиров с трудового фронта, а не отлавливать подозрительных личностей. К тому же, если этот тип окажется евреем, его ждет концентрационный лагерь, а это верная смерть. Но милиционер то и дело поглядывал на него и шептал: «Juif, juif». Кристиан не сомневался, что француз сообщит обо всем Гарденбургу, тот, конечно же, отзовет Кристиана из отпуска и обвинит в халатном отношении к служебным обязанностям.

– Вам придется поехать с нами, – как можно мягче сказал Кристиан мужчине, подозрительно похожему на еврея. Тот спал не только в одежде, но и в обуви, готовый удрать при малейшей тревоге. Мужчина огляделся, посмотрел на пожилую женщину, которая, скорчившись, лежала на полу, стонала и держалась за живот, на плачущего старика, на распятие над комодом, словно прощался с этой комнатой, послужившей ему последним приютом, а за дверью его ждала смерть. Он попытался что-то сказать, рот уже раскрылся, губы шевельнулись, но с них не слетело ни звука.

Кристиан облегченно вздохнул, вернувшись в бывший полицейский участок и передав арестованных дежурному офицеру. Сев за стол Гарденбурга, он написал рапорт. С заданием Кристиан справился неплохо. На все ушло чуть больше трех часов. Когда он уже дописывал рапорт, из глубины здания донесся истошный крик. Кристиан нахмурился. Варвары, подумал он. Определи человека в полицейские, и он станет садистом. Кристиан хотел было остановить разошедшихся солдат, даже поднялся со стула, но в последний момент передумал. Возможно, они исполняют приказание дежурного офицера, и тогда Кристиану укажут, что нечего сержанту совать нос в чужие дела.

Рапорт он оставил на столе Гарденбурга, чтобы утром тот сразу попался на глаза лейтенанту. Когда Кристиан вышел из полицейского участка, стояла ясная осенняя ночь, в небе над головой ярко светили звезды. И город в темноте смотрелся куда лучше, особенно площадь перед ратушей, просторная, красивая и безлюдная. «А ведь все могло быть гораздо хуже, – говорил себе Кристиан, неспешно шагая по брусчатке площади. – Меня могли засунуть в какую-нибудь дыру».

Он свернул к реке и позвонил в дверь подъезда, в котором жила Коринн. Консьержка, недовольно ворча, открыла дверь, но почтительно умолкла, увидев, кто стоит на пороге.

Кристиан поднялся по скрипучей старой лестнице и постучал в квартиру Коринн. Дверь открылась быстро, словно Коринн не спала, дожидаясь его. Она нежно поцеловала Кристиана. На Коринн была лишь почти прозрачная ночная рубашка, и Кристиан, прижимая женщину к себе, почувствовал тепло ее пышной груди.

Муж Коринн, капрал французской армии, в 1940 году попал в плен под Мецем и теперь сидел в трудовом лагере под Кенигсбергом. Одиночеством Коринн, женщина крупная, с пышными крашеными волосами, тяготилась недолго. Впервые увидев ее семь месяцев назад, Кристиан решил, что Коринн не только очень красива, но и сладострастна. В действительности же она оказалась женщиной простой и добродушной, а в любви не признавала никаких изысков. Поэтому, лежа в огромной двуспальной кровати на месте отсутствующего капрала, Кристиан иной раз задумывался: а следовало ли ради такой добычи ехать во Францию? Он нисколько не сомневался, что в Баварии или в Тироле жили пять миллионов таких же крестьянок, крупных, медлительных, с упругим телом. А вот женщины, которыми прославилась Франция, остроумные, живые, очаровательные, при одной мысли о которых сердце мужчины убистряло свой бег, Кристиану так и не встретились. Он мысленно вздохнул, сидя в массивном кресле, в то время как Коринн стягивала с него сапоги, и пришел к выводу, что настоящие француженки предназначены лишь для тех, кто носит офицерские погоны. Вновь мысли его вернулись к ходатай-

ству о зачислении в офицерское училище, затерявшемся в канцелярских дебрях, и Кристиану пришлось приложить усилие, чтобы сдержать гримасу отвращения, когда он взглянул на Коринн, по-домашнему забирающуюся в постель, на ее необъятные ягодички, сверкнувшие под лампой. Он выключил свет и почувствовал, что вместе с ним ушло и отвращение к Коринн. Кристиан открыл окно, хотя Коринн, как и большинство французов, терпеть не могла ночного воздуха. А когда он улегся рядом с ней и Коринн со вздохом удовлетворения, похожим на тот, что издает толстая женщина, снимая корсет, положила на Кристиана свою мясистую ногу, с ночного неба донесся далекий гул авиационных моторов.

– Cheri... – начала Коринн.

– Ш-ш-ш, – оборвал ее Кристиан. – Послушай.

Они вслушивались в нарастающий шум. Это немецкие самолеты возвращались с ледяных высот английского неба, которое слепило их лучами прожекторов, встречало аэростатами заграждения, ночными истребителями и рвущимися снарядами зениток. А когда Коринн опытной рукой молочницы ухватила за его «инструмент», на глаза Кристиана вновь навернулись слезы, как в кинотеатре при виде солдата, упавшего на русскую землю. Он затащил Коринн на себя и заглушил холодный звук моторов тяжелой женской плотью.

Коринн встала первой и приготовила завтрак. На столе лежал настоящий белый хлеб, принесенный Кристианом из пекарни офицерской столовой. Кофе, разумеется, заменял эрзац, темный, но противный на вкус; прихлебывая его, Кристиан чувствовал, что у него сводит челюсти. Свет Коринн зажигать не стала. Заспанная, нечесаная, неопрятная, она шустро носилась по кухне, ставя на стол полные тарелки. Потом она уселась перед Кристианом в распахнутом халатике, выставив напоказ большие бледные груди.

– Cheri, – Коринн шумно отхлебнула из чашки, – ты не забудешь меня в Германии?

– Нет, – ответил Кристиан.

– И ты вернешься через две недели?

– Да.

– Точно?

– Точно.

– Ты привезешь мне что-нибудь из Берлина? – кокетливо спросила она.

– Да, я привезу тебе что-нибудь из Берлина.

Коринн широко улыбнулась. По правде говоря, она постоянно что-нибудь выпрашивала: новое платье, мясо с черного рынка, чулки, духи, деньги на обивку дивана... Когда капрал вернется из Германии, с усмешкой подумал Кристиан, он обнаружит, что его жена жила совсем неплохо. А если заглянет в шкафы, то наверняка захочет задать ей пару-тройку вопросов.

– Cheri, – продолжала Коринн, набив рот хлебом, – после твоего возвращения я устрою тебе встречу с моим деверем. С ним я уже договорилась.

– Это еще зачем? – Кристиан в недоумении воззрился на Коринн.

– Я же тебе говорила. Это брат моего мужа. У него ферма. Ну, ты понимаешь: молоко, яйца, сыр. Он получил очень хорошее предложение от городского перекупщика и может сколотить целое состояние, если война затянется.

– Это хорошо, – кивнул Кристиан. – Я рад, что дела в твоей семье спорятся.

– Cheri! – Коринн с укоризной посмотрела на него. – Cheri, ну почему ты такой злой? Ты же понимаешь, что все не так просто.

– Чего он от меня хочет? – спросил Кристиан.

– Главная проблема – доставка продуктов в город. – Коринн словно оправдывалась перед Кристианом. – Сам знаешь: патрули на дорогах, блокпосты на въезде. Все проверяют, нет ли товара, подлежащего реквизиции. Тебе это хорошо известно.

– Допустим. И что?

– Мой деверь спросил, нет ли у меня знакомого офицера.

– Я не офицер.

– Мой деверь считает, что достаточно и сержанта. Ему нужен человек, который может достать у властей соответствующий пропуск и три раза в неделю встречать его грузовик у въезда в город, чтобы вы вместе проехали через блокпост... – Коринн обошла стол и взъерошила Кристиану волосы. Он поморщился: вытереть запачканные маслом руки она, естественно, не удосужилась. – Прибыль деверь готов разделить пополам, – проворковала Коринн. – А если тебе удастся достать бензин, он будет возить продукты на трех грузовиках и ты разбогатеешь. Все это делают, ты знаешь, и твой лейтенант...

– Я знаю, что делает мой лейтенант, – оборвал ее Кристиан. Господи, подумал он, ведь этот человек – брат мужа Коринн! Тот гниет в трудовом лагере, а его братцу не терпится взять в долю немецкого любовника своей невестки. Вот они – странности французской семейной жизни.

– Когда дело касается денег, cheri, – Коринн крепко обняла его за шею, – приходится быть практичным.

– Скажи своему паршивому деверю, что я солдат и не спекулирую на черном рынке, – отчеканил Кристиан.

Коринн убрала руки.

– Cherì, – в голосе женщины зазвучали ледяные нотки, – совсем не обязательно оскорблять моего деверя. Другие тоже солдаты, но это не мешает им сколачивать целые состояния.

– Я не такой, как другие! – рявкнул Кристиан.

– Мне кажется, – по щекам Коринн покатались слезы, – что я надоела тебе.

– О Господи! – Кристиан надел китель, взял фуражку, распахнул дверь и вышел.

Свежий предрассветный воздух остудил его злость. В конце концов, Коринн – не самый плохой вариант, могло быть гораздо хуже. Ладно, разберемся с этим после возвращения из Германии.

Кристиан зашагал по улице. Он, конечно, не выспался, но с каждой минутой настроение его все улучшалось. Он уже предвкушал, как в семь часов сядет в поезд, который унесет его домой.

Берлин встретил его во всей красе, залитый лучами осеннего солнца. Раньше город не нравился Кристиану, но сегодня, шагая со станции с чемоданом в руке, он с удовольствием отметил, что в городе царит атмосфера уверенности и собранности, что военные щеголяют в отлично сшитой форме, а гражданские стали одеваться гораздо элегантнее, что на всех лицах написаны бодрость и довольство. Короче, Берлин разительно отличался от скучных и серых французских городов, в которых Кристиан провел последний год.

Он полез в карман за листком с адресом фрау Гарденбург. Доставая его, Кристиан вспомнил, что так и не подал рапорт на рядового из саперного батальона, который забывал вовремя бриться. «Ничего, – усмехнулся Кристиан, – подам, когда приеду».

Выходя из поезда, он никак не мог решить, с чего начать: снять номер в отеле или передать посылку жене Гарденбурга? В конце концов Кристиан пришел к выводу, что лучше начать с посылки, а потом на две недели забыть обо всем, что связано с Ренном. С программой своего отпуска он уже практически определился. Концерты и театр. Специальные агентства продавали солдатам билеты за сущие гроши. Кристиан пожалел о том, что лыжный сезон еще не начался. Очень уж ему хотелось пронестись по крутому склону. Но армия научила его тому, что ничего нельзя откладывать на потом. Попросишь перенести отпуск, а потом вовсе его не дождешься.

Следуя по адресу, указанному в листке, Кристиан подошел к новому, внушительного вида зданию. У дверей стоял швейцар в униформе, на полах в вестибюле – ковры. Дожидаясь,

пока спустится лифт, Кристиан подумал: «Интересно, каким это образом жена простого лейтенанта сумела так шикарно устроиться?»

Из лифта он вышел на четвертом этаже, нашел нужную ему квартиру и надавил на кнопку звонка. Ждать пришлось долго, но наконец дверь открылась. Перед Кристианом стояла блондинка с длинными растрепанными волосами, которую его звонок, похоже, поднял с постели.

– Ну? – сухо, раздраженно спросила она. – Что вам угодно?

– Я сержант Дистль, – представился Кристиан. Неплохо, подумал он, живут некоторые, спят до одиннадцати утра. – Я служу в роте лейтенанта Гарденбурга.

– И что? – В голосе женщины слышалась настороженность, дверь она так полностью и не открыла. На блондинке был ярко-красный шелковый халат, и она то и дело отбрасывала падающую на глаза прядь волос. А неплохую рыбку выловил лейтенант, отметил про себя Кристиан, очень даже неплохую.

– Я только что приехал в Берлин. В отпуск. – Кристиан говорил медленно, чтобы лучше разглядеть фрау Гарденбург. Высокая женщина, талия тонкая, а грудь так и выпирает из халата. – Лейтенант приготовил вам подарок и попросил меня передать его.

Женщина несколько секунд задумчиво смотрела на Кристиана. У нее были большие, широко расставленные, холодные серые глаза и расчетливый, оценивающий взгляд. Затем губы фрау Гарденбург растянулись в улыбке.

– Ой, – голос ее заметно потеплел, – так я же вас знаю. Вы стояли на ступенях у здания оперного театра. Такой серьезный.

– Где? – переспросил Кристиан.

– Вас сфотографировали в день взятия Парижа, – сказала женщина.

– Ах да, – вспомнил Кристиан и улыбнулся.

– Заходите. – Она взяла его за руку, потянула через порог. – И чемодан берите с собой. Как хорошо, что вы заглянули ко мне. Заходите, заходите...

Блондинка привела его в гостиную. Из огромного окна открывался вид на крыши соседних домов. В комнате же царил жуткий беспорядок. Бутылки, стаканы, окурки сигар и сигарет, разбитый бокал на столе, женская одежда, разбросанная по стульям. Фрау Гарденбург огляделась и покачала головой.

– Господи, какой кошмар. – Она переставила початую бутылку с одного столика на другой, высыпала в камин содержимое одной из пепельниц и вновь в отчаянии оглядела гостиную. – Я не могу, я просто не могу! – Она упала в глубокое кресло, выставив напоказ длинные, стройные ноги в отороченных красным мехом домашних туфлях на высоких каблуках. – Присядьте, сержант, и простите меня за этот беспорядок. Я успокаиваю себя только тем, что идет война. – Она рассмеялась. – После войны я в корне изменю свою жизнь. Стану образцовой домохозяйкой. Нигде ни пылинки, каждая булавка на своем месте. А пока... – Взмахом руки она обвела комнату. – Мы стараемся выжить. Расскажите мне о лейтенанте.

– Ну... – Кристиан запнулся. Ему хотелось рассказать о Гарденбурге что-нибудь хорошее, по крайней мере забавное, но ничего не получалось. Не говорить же о том, что у него две любовницы в Ренне, а с черного рынка деньги рекой текут в его карман. – Видите ли, он, как вам, конечно же, известно, страшно недоволен тем, что...

– Ой! – Внезапно оживившись, блондинка наклонилась к Кристиану. – Подарок! Подарок! Где он?

Кристиан рассмеялся, подошел к чемодану и достал сверток. Наклоняясь над чемоданом, он почувствовал на себе оценивающий взгляд фрау Гарденбург. А когда Кристиан повернулся к ней, она не отвела глаз, продолжала смотреть на него прямо и бесстыдно. Кристиан протянул ей сверток, на который она даже не взглянула. Она не отрывала глаз от Кристиана, а на губах ее играла довольно красноречивая улыбка. Эта женщина похожа на индианку, подумал Кристиан. На дику американскую индианку.

– Благодарю, – наконец нарушила фрау Гарденбург затянувшуюся паузу. Она опустила взгляд на сверток и резкими, нервными движениями длинных пальцев с накрашенными красным лаком ногтями разорвала коричневую оберточную бумагу. – Ага. – Голос женщины звучал довольно равнодушно. – Кружева. У какой вдовы он их украл?

– Что? – переспросил Кристиан.

Фрау Гарденбург рассмеялась и коснулась плеча Кристиана, словно извиняясь перед ним.

– Ничего. Мне не хочется подрывать авторитет мужа в глазах его подчиненных. – Она набросила кружева на голову. Они легли на прямые светлые волосы мягкими черными складками. – Мне идет? – Стоя перед Кристианом, женщина чуть склонила голову набок, а Кристиан достаточно долго жил на этом свете, чтобы правильно истолковать выражение ее лица. Он шагнул к ней, она протянула к нему руки, и их губы слились в поцелуе.

Потом фрау Гарденбург повернулась и, не оглядываясь, направилась в спальню. Готов спорить, думал Кристиан, следуя за ней, что эта женщина даст Коринн сто очков вперед.

Их встретила смятая постель. На полу стояли два стакана, стену украшала фривольная картина: обнаженный пастушок трахал на склоне холма мускулистую пастушку. Фрау Гарденбург могла дать сто очков вперед не только Коринн. С ней не могла сравниться ни одна из тех женщин, с которыми Кристиану доводилось иметь дело. Она была лучше американских студенток, приезжавших в Австрию покататься на лыжах, лучше английских дам, которые ночью, после того как засыпали их мужья, тайком убегали на свидания, лучше полногрудых девиц его юности, лучше шлюх, которых он снимал в парижских кафе, и даже лучше тех женщин, которых он иной раз представлял себе в эротических грезах. «Ну до чего же мне хочется, – с мрачной усмешкой подумал Кристиан, – чтобы лейтенант увидел меня сейчас».

Наконец, усталые, насытившиеся, они отвалились друг от друга и лежали рядом, поглядывая на свои освещенные полуденным светом тела.

– С того момента, как лейтенант прислал мне эту фотографию, я ждала твоего появления. – Фрау Гарденбург перегнулась через край кровати и взяла с пола недопитую бутылку. – Чистые стаканы в ванной.

Кристиан поднялся. Ванную заполнял густой запах туалетного мыла, под раковиной горкой лежало грязное розовое нижнее белье. Он взял стаканы и вернулся в комнату.

– Иди к двери, – скомандовала фрау Гарденбург, – потом вернись обратно, но делай это очень медленно.

Кристиан самодовольно улыбнулся и направился к двери ванной. Там он повернулся и медленным шагом двинулся к кровати, держа стаканы в руках. От пристального взгляда женщины ему стало как-то не по себе.

– В Берлине слишком много старых толстых полковников. Я уже начала забывать, что на свете есть такие мужчины, как ты.

Она подняла бутылку.

– Водка. Один приятель привез мне из Польши три бутылки.

Присев на край кровати, Кристиан держал стаканы, пока фрау Гарденбург разливала водку. Потом она поставила бутылку на пол, не закрыв ее пробкой. Крепкая жидкость обожгла горло. Фрау Гарденбург выпила водку одним глотком.

– Ух, вот мы и ожили. – Она наклонилась, опять взялась за бутылку, молча плеснула водки в оба стакана. Чокнулась с Кристианом. – Слишком уж долго ты добирался до Берлина.

– По собственной глупости, – улыбнулся Кристиан. – Не знал, кто меня тут ждет.

Они выпили. Женщина бросила стакан на пол, потянулась к Кристиану, завалила его на себя.

– Через час я должна уйти.

Потом, не вставая с кровати, они добили бутылку, и Кристиан достал вторую из шкафа, заставленного водкой из России и Польши, виски, захваченным у англичан в 1940 году, шам-

панским, коньяком, бургундским в оплетенных соломкой бутылках, сливовицей из Венгрии, питьевым спиртом, шартрезом, вишневым ликером, бенедиктином и белым бордо. Кристиан открыл бутылку и поставил на пол, там, где женщина могла без труда ее достать. Чуть пошатываясь, он стоял над фрау Гарденбург, разглядывая ее вытянувшееся во всю длину ненасытное тело. Тонкая кость, большая грудь. И взгляд, в котором смешивались покорность и ненависть. Взгляд этот, неожиданно понял он, возбуждал его больше всего. Ложась рядом с ней, Кристиан подумал: «Ну наконец-то война подарила мне что-то хорошее».

– Надолго ты сюда? – спросила фрау Гарденбург.

– В кровать?

Она рассмеялась.

– В Берлин, сержант.

– Я... – Он осекся. Кристиан собирался провести неделю в Берлине, а потом поехать в Австрию. Но теперь его планы переменялись. – Я могу провести в Берлине две недели.

– Это хорошо. – Она зажмурилась от удовольствия. – Хорошо, но не очень. – Провела рукой по его голому животу. – Почему бы мне не переговорить с моими друзьями в военном ведомстве? А вдруг удастся перевести тебя в Берлин? Как ты к этому отнесешься?

– По-моему, прекрасная идея, – откликнулся Кристиан.

– А теперь давай еще выпьем. Если бы не война, – голос фрау Гарденбург перекрыло бульканье льющейся в стакан «огненной воды», – если бы не война, я бы не узнала, до чего хороша водка. – Она рассмеялась и вновь наполнила его стакан. – Встретимся после полуночи. Здесь же. Не возражаешь?

– Отнюдь.

– В Берлине у тебя нет другой женщины?

– У меня нигде нет другой женщины.

– Бедный сержант. Наглый лгунишка. А у меня есть лейтенант в Лейпциге, полковник в Ливии, один капитан в Абвилле, другой в Праге, майор в Афинах, генерал-майор на Украине. Не считая моего мужа, лейтенанта в Ренне. Станные у него вкусы, не так ли?

– Да.

– Я тоже не без странностей. Обсудим это позже. Ты парень что надо. Энергия так и прет. Простоват, конечно, зато энергичен. И отзывчив. Отлично отзываешься на ласку. Значит, после полуночи?

– Да.

– Война разбросала моих друзей по всему свету. Ты, кстати, первый сержант, с которым я познакомилась на этой войне. Ты должен этим гордиться.

– Да брось ты.

Женщина захихикала:

– Вечером я ужинаю с одним полковником. Он хочет подарить мне соболью шубу, которую привез из России. Можешь себе представить, как вытянется его физиономия, когда я скажу ему, что возвращаюсь домой к своему сержанту?

– А ты ему не говори.

– Я намекну. Ничего больше. Ограничусь маленьким таким грязеньким намеком. Разумеется, после того как получу шубу. Думаю, я смогу произвести тебя в лейтенанты. Мужчина с такими способностями... – Она вновь захихикала. – Я вижу, ты мне не веришь. А зря. Мне это по силам. Пара пустяков. Давай выпьем за лейтенанта Дистля.

Они выпили за лейтенанта Дистля.

– Что ты будешь делать сегодня днем? – спросила фрау Гарденбург.

– Ничего. Поброжу по Берлину, дожидаясь вечера.

– Нечего тебе тратить время зря. Лучше купи мне маленький подарок. – Она встала, взяла со стола кружева, накинула на голову и сцепила пальцами концы кружевной полоски. – Маленькая заколка будет здесь вполне на месте, не так ли?

– Безусловно.

– Могу порекомендовать тебе отличный магазин. Он находится на углу Тауенцинштрассе и Курфюрстендамм. Я там видела красивую заколку с гранатами. Она будет прекрасно смотреться с брюссельским кружевом. Ты мог бы заглянуть в этот магазин.

– Загляну.

– Хорошо. – Фрау Гарденбург улыбнулась и медленно вернулась к кровати, покачивая обнаженными бедрами. Она опустилась на одно колено и поцеловала Дистля в шею. – Какая удачная мысль пришла в голову лейтенанту – послать мне в подарок брюссельские кружева, – проворковала она, жарко дыша ему в шею. – Я должна написать мужу, что его поручение выполнено.

Кристиан зашел в магазин на Тауенцинштрассе и купил маленькую гранатовую заколку. Он подержал ее в руке, прикидывая, как она будет смотреться на фрау Гарденбург. Кристиан улыбнулся, вспомнив, что не знает имени этой женщины. Заколка обошлась ему в 240 марок, но он смог сократить другие расходы. Около вокзала нашел дешевый пансион и оставил там свой чемодан. Грязь, конечно, много других солдат, но Кристиан полагал, что заглядывать в пансион будет редко.

Он послал телеграмму матери. Сообщил, что заехать домой не сможет, и попросил одолжить ему двести марок. С тех пор как ему исполнилось шестнадцать, Кристиан впервые просил у матери денег, но он знал, что в этом году дела у его семьи шли неплохо и она может расстаться с такой суммой.

Вернувшись в пансион, Кристиан попытался уснуть, но мысли об утренней встрече роились в голове, и сон не шел. Он побрился, переоделся и вышел в город. Часы показывали половину шестого. Еще не стемнело, и Кристиан, улыбаясь, неспешно двинулся по Фридрихштрассе. До чего же хорошо, когда вокруг слышится немецкая речь. Он отрицательно качал головой, когда к нему подходили проститутки. Однако отметил, как хорошо одеты жрицы любви: натуральные меха, прекрасно сшитые пальто. Покорение Франции, подумал Кристиан, пошло им на пользу.

Шагая среди бурлящей берлинской толпы, Кристиан все больше утверждался в мысли, что уж эту войну Германия выиграет. Город, который всегда казался ему сонным, серым, унылым, теперь лучился весельем. Жизнь кипела, утверждая несокрушимость Третьего Рейха. Улицы Лондона и Москвы, думал он, сегодня наверняка выглядят иначе. Всех солдат следует обязать во время отпуска побывать в Берлине. Отличный способ поднять моральный дух армии. Правда, усмехнулся Кристиан, для этого каждому отпускнику прямо на вокзале следует выдавать по полбутылки водки и направлять его к какой-нибудь фрау Гарденбург. Новая проблема для интендантов.

Он купил газету, зашел в кафе, заказал пиво.

Раскрыл газету. С тем же успехом он мог слушать бравурную музыку. Триумфальные репортажи о тысячах русских, захваченных в плен, статьи о ротах, разбивающих в пух и прах батальоны противника на Северном фронте, о танковых подразделениях, которые неделями громили тылы противника, не имея никакой связи с основной группировкой. Тут же напечатана аналитическая статья отставного генерал-майора, который предостерегал против излишнего оптимизма. В ближайшие три месяца, писал он, Россия не капитулирует, а потому разговоры о том, что Восточный фронт вот-вот рухнет, оказывают отрицательное воздействие как на армию, так и на тыл. В передовице редакция газеты предупреждала Турцию и Соединенные Штаты о том, что вступление в войну чревато для них серьезными неприятностями, и

выражала уверенность, что народ Америки, несмотря на отчаянные потуги евреев, откажется участвовать в войне, не имеющей ни малейшего отношения к Новому Свету. В одной статье рассказывалось о немецких солдатах, которых пытали и сожгли русские. Кристиан торопливо проглядывал страницу за страницей, прочитывая лишь первое предложение каждого абзаца: все-таки он был в отпуске, и в ближайшие две недели думать о войне ему не хотелось.

Он потягивал пиво, хотя оно явно было разбавленным, и радовался жизни. В теле ощущалась приятная усталость. Кристиан изредка отрывался от газеты и приглядывался к сидящим неподалеку, весело щебечущим парочкам. Грудь пилота люфтваффе, обнимающего за плечи красивую девушку, украшали две орденские ленточки. Кристиан ощутил мимолетное чувство неловкости, понимая, что человеку, ежедневно рисковавшему жизнью в небе далеких стран, отпуск куда нужнее, чем ему, волей командования ставшему полицейским, который спит на широкой кровати с женой французского капрала да терпит насмешки лейтенанта Гарденбурга. «Я должен поговорить с полковником Мейстером из военного ведомства насчет перевода в Россию, – напомнил себе Кристиан, но уже без прежней решимости. – Пожалуй, загляну к нему в конце недели, когда все устанет...»

Кристиан нашел в газете музыкальный раздел и выяснил, что в этот вечер в Берлине должны состояться четыре концерта. Он порадовался тому, что на одном из них будет исполняться квинтет Моцарта. Лучшего способа провести оставшееся до полуночи время не найти, решил Кристиан.

Швейцар в вестибюле дома Гарденбурга встретил его словами: «Фрау распорядилась впустить вас в квартиру. Она еще не пришла».

Они молча, с каменными лицами вместе поднялись на лифте. Швейцар открыл дверь запасным ключом и невозмутимо пожелал Кристиану спокойной ночи.

Кристиан медленно прошел в гостиную. Горела одна лампа, окна были закрыты шторами. После его ухода в гостиной прибрались, и теперь эта комната, обставленная современной мебелью, выглядела нарядной. Кристиан никогда не думал, что Гарденбург живет в такой квартире. Лейтенант скорее ассоциировался с темной массивной мебелью, со стульями с высокими жесткими спинками, плюшевой обивкой диванов, полированным орехом шкафов.

Кристиан лег на софу. Он устал. Музыка быстро ему наскучила. Битком набитый зал, жара. После первых аккордов, вызвавших у Кристиана самые приятные воспоминания, его потянуло в сон. Моцарт звучал как-то уж очень по-домашнему, пресно, а стоило прикрыть глаза, как перед мысленным взором Кристиана возникала обнаженная фрау Гарденбург. Где уж тут наслаждаться виртуозностью кларнетиста. Кристиан вытянулся во весь рост и быстро заснул.

Разбудили его голоса. Он открыл глаза и тут же сощурился от яркого света. Над ним, улыбаясь, стояла фрау Гарденбург с какой-то женщиной.

– Бедный притомившийся сержантик. – Фрау Гарденбург в накинутах на плечи дорогой меховой шубе наклонилась и поцеловала его. От нее сильно пахло спиртным. Расширенные зрачки свидетельствовали о том, что женщина выпила прилично, но еще не пьяна. Она положила голову на софу рядом с головой Кристиана. – Я привела подругу, дорогой. Элоиза, это сержант Дистль.

Элоиза улыбнулась ему. Глаза у нее сверкали, взгляд плавал. Не снимая пальто, она плюхнулась в большое кресло.

– Элоиза очень далеко живет, так что домой она сегодня не поедет, – пояснила фрау Гарденбург. – Она хочет остаться с нами. Тебе Элоиза понравится, а ты наверняка понравишься ей. Она все о тебе знает. – Фрау Гарденбург встала, подняла вверх руки, и широкие рукава шубы упали к локтям. – Как тебе моя шуба, сержант? – спросила она. – Красивая?

Кристиан сел.

– Потрясающая. – Он не знал, как вести себя в такой ситуации, и все поглядывал на Элоизу, развалившуюся в кресле. Тоже блондинка, но полная, пухлая.

– Привет, сержант. – Элоиза помахала ему рукой. – Душка сержант.

Кристиан потер рукой глаза. «Надо сматываться, – подумал он, – тут мне делать нечего».

– Если б ты знал, сколько мне пришлось приложить усилий, чтобы отделаться от полковника! – Фрау Гарденбург захихикала.

– В следующий его приезд из России я тоже получу шубу, – вставила Элоиза.

– Который час? – спросил Кристиан.

– Два... три часа, – отозвалась фрау Гарденбург.

– Четыре. – Элоиза посмотрела на часы. – Пора в постель.

– Пожалуй, мне пора... – начал Кристиан.

– Сержант... – Фрау Гарденбург с укором взглянула на него и обняла, щекоча шею шелковистым мехом рукавов. – Ты не можешь так обойтись с нами. Особенно после того, как нам с таким трудом удалось удержать полковника от штурма этой квартиры. Его стараниями ты станешь лейтенантом.

– Майором, – поправила ее Элоиза. – Я поняла, что он сделает его майором.

– Лейтенантом, – упорствовала фрау Гарденбург. – И тебя прикомандируют к генеральному штабу. Все уже обговорено.

– Он без ума от Гретхен, – добавила Элоиза. – Ради нее он готов на все.

Гретхен, отметил про себя Кристиан, вот, значит, как ее зовут.

– А сейчас надо выпить, – объявила Гретхен. – По глотку, не больше. Дорогой, сегодня мы пьем коньяк. Где спиртное, ты знаешь. – В один миг она совершенно протрезвела. Голос звучал холодно и рассудительно. Откинув волосы со лба, она стояла посреди комнаты в своей роскошной шубе и длинном вечернем платье. Кристиан впился в нее голодным взглядом. – Вот-вот... – Гретхен улыбнулась, провела по его губам кончиками пальцев. – Именно так и нужно смотреть на женщину. Тащи коньяк, дорогой.

«Ладно, пропущу одну рюмку», – решил Кристиан и направился в другую комнату, где в набитом бутылками шкафу нашлось место и коньяку.

Его разбудил яркий свет. Кристиан открыл глаза. Солнечные лучи заливали комнату. Он лежал на смятой, сбитой постели. И никого рядом. От густого запаха духов к горлу подкатила тошнота. Хотелось пить, разболелась голова. Рваными кусками начали возникать воспоминания о прошедшей ночи. Шуба, две женщины, полковник, обещавший произвести его в лейтенанты, переплетение надушенных тел... Он закрыл глаза. Да, он слышал истории о таких женщинах, вроде бы что-то такое говорили о послевоенном Берлине, но слухи – это одно, а когда все происходит у тебя на глазах, при твоём непосредственном участии...

Открылась дверь ванной, и оттуда вышла Гретхен. На ней был черный костюм. Волосы перехватывала черная лента, ну прямо девочка. Глаза сверкали, да и вся фрау Гарденбург сияла в падающих на нее лучах утреннего солнца.

– Доброе утро, – с легкой улыбкой поздоровалась она.

– Привет. – Кристиану удалось выдавить из себя улыбку. В отличие от свеженькой как огурчик Гретхен он был просто никакой. – А где подруга?

– Элоиза? – Гретхен присела на кровать, рассеянно погладила его по руке. – Ушла на работу. Ты ей нравишься.

«Ей нравлюсь я, – мрачно подумал Кристиан, – и ей нравишься ты, и ей нравится любой мужчина, женщина или дикий зверь, до которого она может дотянуться».

– А чего ты так нарядилась? – спросил Кристиан.

– Мне тоже пора на работу. Ты же не думаешь, что я бездельница? – Гретхен вновь улыбнулась. – Каждый вносит лепту в грядущую победу.

– И где же ты работаешь?

– В министерстве пропаганды. – Лицо Гретхен сделалось серьезным. Она явно была убеждена в том, что работа у нее важная и совершенно необходимая. – В женском отделе.

Кристиан с недоумением посмотрел на нее.

– И что ты там делаешь?

– Много чего. Пишу речи, выступаю по радио. Вот сейчас мы проводим ответственную кампанию. Многие женщины – ты и представить себе не можешь, сколько их, – спят с иностранцами.

– С иностранцами? – Глаза Кристиана широко раскрылись.

– С теми, кого привозят в страну для работы на заводах, фермах. Мне не положено говорить об этом, особенно с солдатами.

– Да ладно, – махнул рукой Кристиан. – У меня давно уже не осталось никаких иллюзий.

– Но слухи об этом доходят до фронта и оказывают негативное влияние на моральный климат. – Гретхен говорила, как умненькая школьница-отличница, выучившая урок. – По этому вопросу мы получаем от Розенберга подробные секретные отчеты. Так что нашей кампании придается первостепенное значение.

– И что ты говоришь этим женщинам? – Кристиана действительно заинтересовала эта новая для него сторона жизни Гретхен.

– Повторяю прописные истины. – Гретхен пожала плечами. – Ничего нового тут уже не придумаешь. Подчеркиваю важность сохранения чистоты немецкой крови. Разъясняю основы теории расовых признаков. Напоминаю о месте поляков, русских, венгров в европейской истории. А вот с французами просто беда. Наши женщины питают слабость к французам.

– И чем же ты их пугаешь, когда речь заходит о французах?

– Венерическими заболеваниями. Приводим статистику по сифилису. В Париже, на Южном берегу. В таком вот разрезе.

– Помогает?

– Не очень. – Гретхен улыбнулась.

– И какие у тебя планы на сегодня?

– Я должна сделать радиоинтервью с женщиной, которая только что родила десятого ребенка. Мы пригласили генерал-майора, который вручит ей подарок. Как мы говорим, в прямом эфире. – Гретхен посмотрела на часы. – Мне пора. – Она встала.

– Вечером увидимся? – спросил Кристиан.

– Извини, дорогой, – Гретхен, стоя перед зеркалом, поправляла прическу, – но вечером я занята.

– Так освободись. – В голосе Кристиана, к его крайнему неудовольствию, слышалась мольба.

– Извини, дорогой, но у меня встреча с давним другом. Полковник только что приехал из Африки. У него разорвется сердце.

– Может, попозже, после того...

– Нет! – В голосе Гретхен зазвучал металл. – Нас пригласили на большую вечеринку. Она затянется надолго.

– Тогда завтра?

Гретхен задумчиво посмотрела на него, затем губы ее растянулись в улыбке.

– Тебе очень хочется?

– Да.

– Остался доволен прошлой ночью? – Она повернулась к зеркалу и вновь занялась волосами.

– Да.

– Парень ты хороший. И заколка твоя очень милая. – Гретхен подошла к нему, наклонилась, чмокнула в щеку. – Очень милая заколка. А если добавить к ней очаровательные маленькие сережки, которые продаются в том же магазине, то получится гарнитур...

– Я тебе их куплю, – пообещал Кристиан, презирая себя: надо же, он опустил до взятки. – Куплю и принесу завтра вечером.

Гретхен опять провела кончиками пальцев по его губам.

– Ты парень что надо.

Кристиану хотелось обнять ее и завалить на кровать, но он понимал, что сейчас понимания не встретит.

– Элоизу привести? – с улыбкой спросила Гретхен.

Кристиан на мгновение закрыл глаза, вспоминая пьяные безумства прошедшей ночи. В мирное время он бы стыдился всех этих извращений, но сейчас...

– Да. Почему нет?

Гретхен рассмеялась.

– Ладно, я побежала. – У двери она остановилась. – Тебе надо побриться. Бритва и американское мыло для бритья в аптечке в ванной. – Она улыбнулась. – Это вещи лейтенанта, но, думаю, ты не откажешься ими воспользоваться.

Гретхен помахала ему рукой и скрылась за дверью, спеша к генерал-майору и женщине, которая только что благополучно родила десятого ребенка.

Следующая неделя пронеслась для Кристиана словно в горячечном бреду. Город с его миллионами спешащих по своим делам жителей, грохот трамваев, шуршание шин автобусов, стенды с фотографиями у редакций газет, политики и генералы в отутюженной форме, проносящиеся мимо в длинных бронированных лимузинах, орды солдат на улицах, информационные бюллетени о захваченных территориях и о количестве погибших в России – все казалось далеким и каким-то нереальным. А реальный мир сузился для Кристиана до квартиры на Тиргартенштрассе да неистового белокожего тела жены лейтенанта Гарденбурга. Он купил ей сережки, отправил домой еще одну телеграмму с просьбой выслать денег и подарил Гретхен золотой плетеный браслет и свитер, который какой-то солдат привез из Амстердама.

У нее вошло в привычку звонить ему в любое время дня и ночи, поэтому Кристиан забыл о прогулках по городу и концертах и не выходил из пансиона, валяясь на кровати в ожидании того, что в вонючем холле затрезвонит телефон и он помчится к Гретхен.

Ее дом стал для него единственной точкой опоры в бушующем, не знающем покоя мире. Иногда, когда она оставляла Кристиана одного в квартире дожидаться ее возвращения, он бродил по комнатам, открывая шкафы, выдвигая ящики столов и комодов, читая письма, выискивая в книгах спрятанные там фотографии. Он старался никого не допускать в свою личную жизнь, полагал, что и другие имеют право на секреты, но с Гретхен все обстояло иначе. Ему хотелось не только обладать ее телом, но и знать о том, что ей принадлежит, какие у нее мысли, пороки, желания.

Квартира ломилась от добычи победителей. Специалист по экономике без труда написал бы историю покорения немцами Европы и Африки, используя в качестве исходного материала вещи, рассованные по квартире Гретхен, куда их доставляли важные, увешанные наградами офицеры в начищенных сапогах. Иной раз, ревниво выглядывая из окна, Кристиан видел, как они подвозили Гретхен к подъезду в больших служебных автомобилях. Помимо батареи бутылок, с которой он познакомился в первый же день, Кристиан нашел сыры из Голландии, шестьдесят пять пар французских шелковых чулок, множество флаконов духов, украшенные драгоценными камнями пряжки и старинные кинжалы с Балкан, расшитые парчовые шлепанцы из Марокко, корзины с виноградом и персиками, самолетом доставленные из Алжира, три меховых шубы из России, маленький рисунок Тициана из Рима, два свиных окорока из Дании,

висевшие в кладовой за кухней, целую полку французских шляпок (в шляпке Кристиан не видел Гретхен ни разу), уникальный серебряный кофейник из Белграда, массивный, обтянутый кожей письменный стол, который некий предприимчивый лейтенант сумел доставить в Берлин аж из Норвегии.

На письмах, небрежно брошенных на пол или забытых под журналами, стояли штемпели самых дальних окраин непрерывно расширяющегося Третьего Рейха. И хотя это были послания, написанные в различных стилях, от нежных, лирических стихов, которые сочиняли молодые ученые, несущие службу в Хельсинки, до сухих порнографических воспоминаний стареющих военных, под командованием Роммеля бывших с англичанами в африканских пустынях, – их все пронизывали благодарность за доставленное удовольствие и страстное желание вновь встретиться с адресатом. И в каждом письме речь шла о новых подарках, уже заготовленных для несравненной Гретхен: отрезе зеленого шелка, купленного в Орлеане, перстне, найденном в будапештском магазине, медальоне с сапфиром, приобретенном в Триполи...

В некоторых письмах упоминалась Элоиза и другие женщины. Иногда с легкой иронией, иногда с ностальгией о незабываемых оргиях. Кристиан теперь уже не видел в Элоизе или этих женщинах ничего противоестественного... во всяком случае, по его разумению, для Гретхен такая партнерша не являлась отклонением от нормы. Потому что неординарная красота, страсть к наслаждениям, бешеная энергия выводили Гретхен за рамки, отведенные обычным людям. Правда, по утрам она частенько принимала бензедрин или другие стимуляторы, чтобы поддержать организм, ресурсы которого так щедро растрачивала. А иногда она впрыскивала себе чудовищные дозы витамина В, который, по ее словам, мгновенно снимал похмелье.

Но более всего изумил Кристиана рассказ Гретхен о том, что еще три года назад она, молоденькая преподавательница из Бадена, учила детей арифметике и географии. Ее отличали скромность и застенчивость. Гарденбург стал ее первым мужчиной, и она отдалась ему лишь после свадьбы. А когда муж привез ее в Берлин перед самым началом войны, женщина-фотограф увидела Гретхен в ночном клубе и попросила попозировать для серии плакатов, которые заказало ей министерство пропаганды. Эта женщина совратила скромную учительницу, однако благодаря ей лицо и фигура Гретхен стали известны всей Германии. На многочисленных плакатах она превратилась в образцовую немецкую женщину, которая работает сверхурочно на заводе, изготавливающем боеприпасы, регулярно посещает партийные собрания, жертвует в Зимний фонд, ловко готовит вкусные блюда из эрзац-продуктов. С этих плакатов и начался стремительный взлет карьеры Гретхен в берлинском высшем свете военного времени. Гарденбурга послали в действующую армию на самых ранних этапах карьеры его жены. Лишь побывав в Берлине, Кристиан понял, чем объясняется незаменимость Гарденбурга в Ренне и почему ему никак не удастся получить отпуск. Гретхен приглашали на все важные приемы, она дважды встречалась там с Гитлером, была в очень близких отношениях с Розенбергом, хотя и уверяла Кристиана, что до финала дело не дошло. Правда, финал, как его понимало большинство, являлся для Гретхен лишь полуфиналом.

Кристиан не считал себя вправе осуждать Гретхен. Иногда, лежа в темной комнате пансионата в ожидании ее телефонного звонка, он размышлял о том, что его мать назвала бы смертным грехом Гретхен. Пусть он давно уже не ходил в церковь, остатки строгой религиозной морали, которой придерживалась мать, нет-нет да давали о себе знать, поэтому случалось, что Кристиан осуждал поведение Гретхен. Но мысли эти оставались только мыслями. Кристиан не делал никаких выводов и уж тем более ничего не предпринимал. Ведь нормы общепринятой морали не являлись нормами для Гретхен. Она выбивалась из них, парила над ними. Такая жизненная сила, такой сексуальный аппетит, такая бьющая через край энергия. Естественно, эта женщина разрывала путы мелочных запретов, установленных стародавними, обветшалыми христианскими заповедями. Судить Гретхен словом Иисуса, думал Кристиан, – это то же самое,

что отдать птицу на суд улиток, командира танка наказывать за несоблюдение правил уличного движения, трактовать действия генерала исходя из гражданских законов об убийстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.